

Янси Филипп

ИИСУС, КОТОРОГО Я НЕ ЗНАЛ

Автор книги хорошо знаком с работами современных богословов из различных направлений современной теологии, однако он не предлагает своего изложения христианских догматов. Он сосредотачивается на центральной фигуре христианства - Иисусе. В книге представлена "теология снизу" - от личности человека Иисуса, как она представлялась современникам, к пониманию Его вечной Божественной сущности. Не все мнения автора являются бесспорными, но, свежесть взгляда, несомненно, заставляет читателя переосмыслить свое понимание христианства.

Книга будет интересна всем, кто хочет, чтобы стремился к тому, чтобы его понимание Христа было более личностным, кто хочет внести свежесть в свою духовную жизнь.

Когда мы пристально всматриваемся в Слово Божие, мы всегда узнаем что-то новое об Иисусе. Спасибо тебе, Филипп, за то, что ты указал нам путь в твоей новой книге.

Джони Ирексон (Эриксон) Тада Президент JAF Ministries

Я знаю Филиппа Янси уже более двадцати лет, ему всегда был свойственен глубокий и постоянный интерес к истинному познанию Иисуса. Я бы предпочел прочесть слова об Иисусе, написанные им, нежели кем-либо из его современников, поскольку я знаю, что он говорит, исходя из глубокого знания и сильной страсти.

Тим Стэффорд

Это лучшая книга об Иисусе, которую мне когда-либо приходилось читать, возможно, лучшая книга об Иисусе за все столетие. Янси постепенно открыл мне глаза и проложил дорогу через мои сомнения и страхи, ханжеское всезнайство и критиканство, пока я не увидел Спасителя в новом свете и не услышал, как мне казалось, его слова: "А вы за кого почитаете Меня?", и я понял этот вопрос так, как никогда ранее.

Льюис Б. Смедес

Старший преподаватель Семинарии Фуллера (Фуллеровской семинарии)

В книге "Неизвестный мне Иисус" Филипп Янси высказывает очень личные мысли и одновременно с этим более сосредоточен на фигуре Иисуса, чем когда бы то ни было. Он вспоминает свой детский опыт общения с церковью с удивительной искренностью и пронизательностью - а затем ведет читателя за собой к достоверному библейскому и историческому исследованию вопроса о том, кто же, в конечном итоге, был (и есть) этот Иисус. Благодаря точности его видения, Иисус предстает во всей своей человеческой и божественной сущности, в тексте Писания и в нашей жизни. В этом заключается эволюция нашего видения Господа - от слишком узкого в сравнении со всеми откровениями Библии до всеохватного и благословенного - которая и есть то истинное, что дарит нам книга Янси. Я благодарен за этот дар.

Уолтер Уэнджерин младший

Читая Янси, всегда рассчитываешь на то, что он не просто скажет правду, но будет преследовать ее со страстью. В книге "Неизвестный мне Иисус" он продолжает преследование.

Вирджиния Стем Оуэнс

Канзас Ньюмен-Колледж

Филипп Янси берет читателя в свой, очень личный, мир Иисуса. Прочитав книгу "Неизвестный мне Иисус", я убедился в том, что тот Иисус, с которым я познакомился - в некотором роде впервые - знал меня всегда. Этой книге суждено стать популярной у всех - начиная с тех, кто все еще ищет Иисуса, и заканчивая теми, кто уже нашел его, но стремится узнать его ближе.

Элиза Морган Президент MOPS International

В книге "Неизвестный мне Иисус" Янси одновременно учит читателя и побуждает его более пристально взглянуть на библейского Иисуса и на то, что им движет. Этим он помогает нам увидеть в новом свете, что же, в действительности, значит быть последователем Христа. Даже тот, кто считает, что он достаточно понял Иисуса, найдет для себя в этой замечательной книге новую информацию и новый смысл.

Дейл Хэнсон Бурк

В своей необыкновенной и осторожной манере, задавая вопросы и отвечая на них, Филипп Янси разрушает сложившиеся стереотипы и снабжает нас противоядием от "Иисуса Прозака" и других неадекватных образов, чтобы показать реальность Иисуса из Назарета во всей ее многогранности и его влияние на нашу жизнь во всех ее проявлениях. Свежая и полезная книга.

Роберта Хестинс Директор Истерн-Колледжа

Мы обнаруживаем у Янси склонность к честному, яркому, основательному и реалистичному изображению, которое придает пронизательность размышлениям о евангельской истории Иисуса Христа. В дни, когда все буквально помешались на новых идеях об Иисусе, страницы, написанные Янси, позволяют увидеть Спасителя таким, каким он был на самом деле.

Джеймс И. Пэкер (Пакер) Рэдгент-Колледж Sangwoo Youtong Chee, преподаватель теологии
Среди евангелических писателей нет ни одного, кем бы я так восхищался и кого бы я так ценил.
Билли Грэхем (Билли Грэм)

НЕИЗВЕСТНЫЙ МНЕ ИИСУС

Выражаю благодарность ...

Классу при церкви на улице Ла Салле в Чикаго, где я преподавал и, вместе с тем, учился сам.

Тиму Стэффорду, Баду Оглу и Уолтеру Уэнджерину младшему, чьи точные суждения заставляли меня переписывать книгу чаще, чем я делал бы это по собственной воле.

Верлину Вербраджу, за его издание, корректное в отношении библейских фактов.

Моему издателю Джону Слоуну, за проявленное им терпение и за то, что он помог мне привести в надлежащий вид все эти наброски.

Предисловие ко 2-му русскому изданию

Для меня радость, что книга «Иисус, которого я не знал» переиздается в России. В России я побывал дважды — в начале перестройки в 1991 году и снова — в 2002.

Никогда не забуду свое «большое питерское приключение» 2002 года. В городе начинали наводить красоту в преддверии празднования 300-летия Санкт-Петербурга. Многие улицы были разрыты и раскопаны. А я утром по привычке решил отправиться на пробежку. Результатом стал — синяк под глазом, разбитая губа и ссадина на щеке. Когда я шел по городу, даже самые вежливые питерцы от меня отворачивались, а самые невежливые — на меня таращились.

Но к вечеру я позабыл обо всех своих болячках: мы с женой отправились в Эрмитаж. Меня поразило богатство его коллекции. Огромное множество картин было написано на религиозные сюжеты...

В Питере же я оказался на выставке христианской литературы. Небольшой зал в отдаленной части города, Христианское книгоиздание еще находится в России в процессе становления. Контраст между малобюджетными издательствами и богатством Эрмитажа был разительным.

В одном из залов Эрмитажа были выставлены двадцать четыре картины Рембрандта, в том числе и его знаменитая — «Возвращение блудного сына». Я стоял и смотрел. Экскурсоводы вели группы школьников. Мне перевели рассказ экскурсоводов. Детям с гордостью рассказывали о традициях российской живописи, об истории создания полотен Рембрандта. Одни экскурсоводы верно пересказывали лежавшие в основе картин Рембрандта библейские сюжеты, другие — путались.

Тут я вспомнил историю Филипа и эфиопского евнуха из главы 8 Деяний. Филип подсел в колесницу евнуха и спросил, понимает ли тот отрывок из Книги пророка Исаии, который читал в пути (Исаия 53). Вельможа ответил отрицательно. Филип разъяснил отрывок. И тут меня осенило: то же самое могут делать в России христиане! В России есть множество сокровищ литературы и искусства. Чего стоят одни только произведения Толстого и Достоевского! В Эрмитаже — картины на библейские сюжеты, в церквях — иконы. Нам остается лишь подсесть в колесницу и объяснить... На протяжении семидесяти лет в людях подавляли религиозный инстинкт. Но ведь христианство не приходится заново изобретать в России! Оно здесь. Оно существует.

Даже после десятилетий атеизма большинство россиян считают себя христианами.

Свою книгу я назвал «Иисус, которого я не знал». Дело в том, что на определенном этапе жизни я понял, что образ Иисуса, который сложился у меня в детстве, образ сильно искаженный, почти карикатурный. Читая Евангелия, я менял представления об Иисусе.

В этой книге, как при реставрации старинной иконы или фрески, я слой за слоем снимаю более позднюю краску, чтобы увидеть лицо истинного Христа. Мне, выросшему на юге США, пришлось отшелушить собственное фундаменталистское прошлое. Для вас этот процесс пойдет как-то иначе. Но каждому христианину приходится в своей жизни очищать образ Христа от предрассудков, внешних наслоений, ошибочных представлений. Где бы ни жил человек — в России, США, Китае — он, обратившись к Богу, обязательно сталкиваются с Иисусом, Которого они раньше не знали. Этот Иисус разительно отличается от того Иисуса, о Котором они где-то что-то слышали. Я надеюсь, что многие из вас пройдут этот путь открытия вместе со мной.

Молю Бога, чтобы эта книга побудила каждого читателя отправиться в путь — на поиски Иисуса Христа, Который изменил мир, изменил историю. Сегодня, когда политики много говорят о столкновении миров и цивилизаций, нам просто необходимо вернуться к рождению Младенца, Которому радовались ангелы, о Котором возвещали торжественной песнью: «Слава Богу в вышних и на земле мир и благоволение...»

Филип Янси

Часть первая

Кем Он был.

Глава 1 Иисус, которого, казалось, я знал

Представим себе, что несколько человек говорят о ком-то нам неизвестном.

Допустим, нас смутило то, что одни описывают его как очень высокого, а другие как очень низкого; некоторые указывают на его полноту, других поражает его худоба; одним он кажется жгучим брюнетом, другим - ярким блондином. Одни скажут, ... что он выглядел странно. Но есть и другое мнение. Он выглядел совершенно нормально... Видимо (говоря короче) этот необычный человек на самом деле зауряден; по крайней мере, обычен - как все.

Г.К.Честертон

Впервые я познакомился с Иисусом, когда был ребенком и пел "Иисус любит меня" в воскресной школе, молился перед сном "Дорогому Господу Иисусу" и смотрел, как учителя в Библейском Клубе двигают вырезанные фигурки по поверхности экрана. Иисус ассоциировался у меня со сладостями и золотыми звездочками за хорошую успеваемость.

Особенно запечатлелся у меня в памяти один образ из воскресной школы - написанная маслом картина, которая висела на бетонной стене. У Иисуса были длинные, развивающиеся волосы, каких я не видел у других людей. Его приятное лицо имело тонкие черты, его кожа была бледного, молочно белого оттенка. Он был облачен в алое одеяние, и художник постарался передать игру света на складках ткани. На руках Иисус убаюкивал маленького спящего ягненка. Я представлял себя этим ягненком, осененным безмолвным благословением.

Недавно я прочитал книгу, которую пожилой Чарльз Диккенс написал для того, чтобы изложить жизнь Иисуса для своих детей. В этой книге возникает образ ласковой няни Викторианской эпохи, которая гладит мальчиков и девочек по голове и раздает советы вроде: "Ну, дети, слушайте маму и папу". Мне сразу вспомнился образ Иисуса из воскресной школы, образ, с которым я вырос: некто, несущий добро и утешение, не имеющий резких черт - эдакий Мистер Роджерс до начала эпохи детского телевидения. Когда я был маленьким, этот образ меня успокаивал.

Позднее, когда я посещал библейский колледж, я столкнулся с другим образом. В те дни было популярно изображать Иисуса с распростертыми руками, парящим в позе, характерной для картин Дали над зданием ООН в Нью-Йорк Сити. Это был всеобъемлющий Иисус, Единый, заключающий в себе все, точка отсчета изменчивого мира. Детский образ пастуха, держащего на руках ягненка, проделал длинный путь до этого мирового символа.

Студенты по-прежнему говорили о всеобъемлющем Иисусе с шокирующей интимностью. Преподаватели требовали от нас "личного отношения к Иисусу Христу", и во время церковной службы мы воспевали нашу любовь к нему в самых личных выражениях. В одной песне говорилось о том, как мы идем за ним в саду, где на розах еще не высохла роса. Студенты, торжественно заявляющие о своей вере, сбивались на фразы вроде "Господь сказал мне...". Моя собственная вера, во время пребывания там, была подобна скептическому многоточию. Я был осторожен, сбит с толку, полон вопросов.

Оглядываясь на мои годы, проведенные в Библейском колледже, я вижу, что, несмотря на все благочестивые личные переживания, Иисус там был далеко от меня. (Иисус был далек от меня - на мой взгляд несет оттенок того, что не Иисус удалился от автора, но автор удалился от Иисуса, что больше

соответствует истине) Он стал объектом исследования. Когда я вспоминал список из тридцати четырех особых чудес Евангелий, я не мог припомнить, чтобы хоть одно из них изменило мою жизнь. Я учил заповеди блаженства, еще не столкнувшись с тем, что никто из нас - я в последнюю очередь - не мог понять эти таинственные слова, не говоря уже о том, чтобы жить по ним.

Немного позднее, в шестидесятые годы (которые, в действительности, затронули меня, как и всю церковь, лишь в самом начале семидесятых), все было подвергнуто сомнению. Чудящий Иисус - само это выражение было бы оксюмороном в спокойные пятидесятые - внезапно появился на сцене, словно из космоса. Последователи Иисуса не были больше чистенькими представителями среднего класса; появились неопрятные растрепанные радикалы. Либеральные теологи начали изображать Иисуса на плакатах в одном ряду с Фиделем Кастро и Че Геварой.

Мне стало ясно (Я осознал), что в сущности все изображения Иисуса, включая Доброго Пастыря времен моей воскресной школы и Иисуса Объединенных Наций из Библейского Колледжа, показывали его с бородой и усами, что было строго запрещено в Библейском Колледже. Передо мной начали возникать неясные вопросы, которые никогда не приходили мне в детстве. Например, как попытка убедить людей в том, что они должны быть добрыми по отношению друг к другу, могла привести к распятию?

Какое правительство казнило бы Мистера Роджерса или Капитана Кангару? Томас Пейн сказал, что ни одна религия не может быть поистине божественной, если в ней есть доктрина, оскорбляющая чувства маленького ребенка. А как же быть с распятием?

В 1971 г. я впервые увидел кинокартину Евангелие по Матфею, снятую итальянским режиссером Пьером Паоло Пазолини. Его появление вызвало скандал не только в среде духовенства, которое с трудом узнало Иисуса на экране, но и в среде кинематографистов, где Пазолини был известен как откровенный гомосексуалист и Марксист. Пазолини намеренно посвятил этот фильм Папе Иоанну XXIII, человеку, косвенным образом ответственному за его создание. Попав в огромную пробку во время визита Папы во Флоренцию, Пазолини заказал номер в отеля, где от скуки взял с ночного столика экземпляр Нового Завета и пролистал Евангелие от Матфея. То, что он прочел, настолько поразило его, что он решил сделать фильм, опираясь не на текст, а на истинные слова Евангелия от Матфея (Что за текст имеется в виду? М.б. "не на сценарий").

Фильм Пазолини подводит итог тому представлению об Иисусе, которое имело место в шестидесятых. Отснятый на юге Италии малобюджетный фильм создает своими известково-белыми и пыльно-серыми тонами только немногие детали окрестностей Палестины, где жил Иисус. Фарисеи носят башнеподобные головные уборы, а солдаты Ирода слегка напоминают фашистских захватчиков. Христиане ведут себя как неуклюжие зеленые рекруты, однако сам Иисус с твердым взглядом и бурлящей энергией кажется бесстрашным. Притчи и другие высказывания он бросает через плечо в отрывистых фразах, бросаясь с места на место.

Эффект от фильма Пазолини может быть понят только тем, чья юность прошла в этот бурный период. Он заставил замолчать саркастически настроенную толпу в арт-театрах. Радикально настроенные студенты осознали, что они не были первыми, кто провозгласил идею, которая была вызывающе антиматериалистической, антиханжеской, идею мира и любви.

Что касается меня, фильм помог ускорить сложную переоценку моего образа Иисуса. Во внешности Иисуса было что-то от тех, кто был выброшен из Библейского колледжа и из большинства церквей. Среди своих современников он каким-то образом получил репутацию "любителя выпить вина и поесть". Представители власти, как духовной, так и политической, видели в нем нарушителя мира и спокойствия. Он говорил и действовал как революционер, презирающий общественное мнение, семейные устои, собственность и другие общепринятые критерии успеха.

Я не стану утаивать тот факт, что слова в фильме Пазолини целиком были взяты из Евангелия от Матфея, однако их идея явно не соответствовала моему прежнему пониманию Иисуса.

Примерно в это же время сотрудник издания Young Life по имени Билл Милликен, основавший недалеко от центра города коммуну, написал книгу До свидания, Дорогой Иисус. Название этой книги подсказало слова, отразившие происходящие в моем внутреннем мире перемены. В эти дни я работал редактором в журнале Campus Life, официальном издании группы Молодежь за Христа. Кто же, в конце концов, был этот Христос? Желал знать я. Пока я писал и издавал статьи других, в моей голове промелькнула легкая тень сомнения. Действительно ли ты веришь в это, или ты просто придерживаешься общего мнения, сколько тебе заплатили за веру? Может, ты присоединился к надежным, консервативным кругам, современной вариации тех групп людей, которые были так напуганы Иисусом?

Я почти перестал писать непосредственно об Иисусе.

Когда я сегодня утром включил компьютер, Microsoft Windows показал дату, тем самым признавая, что, как бы ты не относился к этому, но рождение Иисуса было настолько важным событием, что раскололо историю на две части. Все, что когда-либо случилось на этой планете, подпадает под одну из категорий: до или после рождения Иисуса.

Ричард Никсон был охвачен восторгом в 1969 году, когда астронавты с космического корабля "Аполлон" впервые ступили на Луну. "Это величайший день с момента Сотворения мира!" - восклицал президент, пока Билли Грэхем (Билли Грэм) торжественно не напомнил ему о Рождестве и Пасхе. При любом подходе к истории Грэхем (Грэм) был прав. Этот выходец из Галилеи, который за свою жизнь успел поговорить с меньшим количеством людей, чем вмещает один из стадионов, на которых выступал Грэхем (Грэм), изменил мир больше, чем кто бы то ни было. Он представлял собой в истории новую силу, верность которой по сей день соблюдает треть населения земли.

В наши дни люди даже используют имя Иисуса в ругательствах. Как странно бы это звучало, если бы бизнесмен, не попавший мячом в лунку для гольфа, воскликнул: "Томас Джефферсон!" или если бы водопроводчик крикнул: "Махатма Ганди!", прищемив себе палец ключом. Нам не избавиться от этого Иисуса.

"Через 1900 лет, - сказал Г.Д.Уэллс, - историк наподобие меня, даже не называющий себя христианином, обнаружит, что все неотвратимо вращается вокруг жизни и личности этого наиболее значительного из людей... Тест историка на предмет величия личности заключается в вопросе "Что он оставил после себя?" Заставил ли он людей думать по-новому с такой энергией, которая не угасла после его смерти? Этот тест Иисус проходит первым". Можно догадаться о размерах корабля, пропавшего из вида, по той волне, которую он поднял.

И все же я пишу книгу об Иисусе не потому, что это великий человек, изменивший историю. Я не испытываю потребности написать о Юлии Цезаре или о китайском императоре, построившем Великую Стену. Меня необоримо влечет к Иисусу, поскольку он оказался важной точкой отсчета в жизни - в моей жизни. "Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими", - говорил он. По словам Иисуса, то, что я думаю о нем, и то, как я поступаю, определит мою судьбу в вечности.

Иногда я безоговорочно принимаю смелое утверждение Иисуса. Иногда, признаться, я удивляюсь, как мою жизнь может изменить тот факт, что две тысячи лет назад в месте, называемом Галилея, жил некий человек. Могу ли я разрешить это внутреннее противоречие между сомнением и любовью?

Я стараюсь писать для того, чтобы оказаться лицом к лицу с моими сомнениями. Названия моих книг - Где Бог, когда человек страдает, Разочарование в Боге - выдают меня с головой. Я снова и снова

возвращаюсь к одному и тому же вопросу, как будто прикасаясь к старой ране, которая никак не заживет. Заботят ли Бога страдания тут, внизу? Значили ли мы, в действительности, что-нибудь для Бога?

Однажды, в течение двух недель, во время снежного заноса я находился в одной из горных хижин в Колорадо. Снежные бураны занесли все дороги, и, подобно Пазолини, мне ничего не оставалось, как читать Библию. Я не спеша прочитал ее, страницу за страницей. Читая Ветхий Завет, я был солидарен с теми, кто смело прекословил Господу: с Моисеем, Иовом, Иеремией, Аввакумом, с сочинителями псалмов. Когда я читал, у меня было такое ощущение, что я слежу за игрой персонажей, которые разыгрывают свои жизни, полные маленьких триумфов и больших трагедий, на сцене, периодически взывая к невидимому Режиссеру: "Ты не знаешь, каково нам здесь!" Иов был самым наглым, бросая Богу следующее обвинение: "Разве у Тебя плотские очи, и Ты смотришь, как смотрит человек?"

Не менее часто я слышал гулкое эхо от голоса, раздававшегося далеко за сценой. "Да, но и вы не знаете, каково здесь за кулисами!" - раздавался он, обращенный к Моисею, к пророкам и, громче всего, к Иову. Однако, когда я дошел до Евангелий, обвиняющие голоса смолкли. Бог, если можно так выразиться, "понял", что значит жизнь в рамках планеты земля. Иисус лично столкнулся с горем за свою короткую, беспокойную жизнь недалеко от пыльных равнин, где в поте лица трудился Иов. Одной из многих причин Воплощения наверняка могла бы быть необходимость ответа на обвинение Иова: Разве у Тебя плотские очи? Некоторое время они у Бога были.

Если бы я мог услышать голос из бури и, подобно Иову, вести разговор непосредственно с Богом! думаю я иногда. И, возможно, поэтому я решил писать об Иисусе. Бог не молчит: Слово было произнесено, но не из бури, а человеческим голосом Еврея из Палестины. В образе Иисуса сам Бог лег на секционный стол, таким, как он есть, распростертый в крестообразном положении под испытующим взглядом всех скептиков, которые когда-либо жили на земле. Включая меня.

Христос, каким его видишь ты,
У меня обретает другие черты:
Ты видишь его с крючковатым носом,
Мне представляется он курносым...
Мы оба читаем Новый Завет,
Но я вижу "да", где ты видишь "нет".

Когда я думаю об Иисусе, в голову приходит аналогия из Карла Барта. У окна стоит человек, пристально глядя на улицу. Снаружи люди прикрывают глаза ладонями и смотрят вверх, на небо. Однако из-за выступа здания человеку не видно то, на что они указывают. Нам, живущим две тысячи лет спустя после Иисуса, видно не больше, чем человеку, стоящему у окна. Мы слышим крики восторга. Мы изучаем жесты и слова Евангелий и многих книг, которые они породили. Однако сколько бы мы ни вытягивали шею, мы даже мельком не увидим Иисуса во плоти.

По этой причине, как замечательно сказано в стихотворении Вильяма Блейка, иногда те из нас, кто ищет Иисуса, не видят дальше своего носа. Племя Лакота, например, обращается к Иисусу как к "буйволенку Господа". Кубинское правительство распространяет изображения Иисуса с карабином через плечо. Во время религиозных войн с Францией англичане обычно кричали: "Папа римский - француз, но Иисус Христос - англичанин!"

Современное гуманитарное образование еще больше "чернит" этот образ. Если Вы просмотрите академические издания, которые можно взять в библиотеке семинарии, Вы можете столкнуться с Иисусом в виде политического революционера, волшебника, который женился на Марии Магдалине, галилейского пророка, раввина, с Иисусом в образе еврейского крестьянина-циника, фарисея, анти-фарисейского ессея, эсхатологического пророка, "хиппи в мире пажонов эпохи Августа" и

галлюцинирующего лидера тайной секты наркоманов. Серьезные ученые пишут эти труды, в которых заметно легкое смущение. Общественность США склонна игнорировать подобного рода тенденциозные представления. Недавний социологический опрос показал, что 84 процента американцев верят в то, что Иисус Христос был Богом или Сыном Божьим. В подавляющем большинстве случаев американцы верят в то, что Иисус был безгрешен, смел и эмоционально уравновешен. Им труднее представить, что Иисуса можно легко понять и относиться к нему как физически сильному и привлекательному человеку, практичному, теплому и благосклонному.

Спортсмены обходятся любительскими представлениями об Иисусе, избегая современной учености. Норм Эванс, бывший нападающий "Дельфинов из Майами", написал в своей книге В команде Господа Бога: "Я уверяю Вас, что Христос был бы самым крутым парнем, который когда-либо играл в эту игру... Если бы он жил в наше время, я бы представил себе защитника ростом шесть футов шесть дюймов и весом 260 фунтов, который бы всегда проводил отличные игры, не давая ничего сделать нападающим вроде меня". Фрицу Петерсону, бывшему игроку команды "Янки из Нью-Йорка", легче представить себе Иисуса в бейсбольной форме: "Я твердо верю в то, что Иисус Христос прорвался бы на вторую базу и отправил бы игрока со второй базы на левое поле. Уж Иисус Христос не стал бы жульничать, он бы играл только по правилам".

Как нам ответить в такой путанице на простой вопрос "Кем был Иисус?" Светские историки предлагают несколько вариантов. Парадокс заключается в том, что личности, изменившей историю больше, чем кто бы то ни было, удалось избежать внимания большинства ученых и историков его эпохи. Даже те четыре человека, которые написали Евангелия, упустили ("опустили" - показывает, что их отбор материала для Евангелия был не случаен, но осознан и целенаправлен) многое из того, что было бы интересно современному читателю, выбросив более девяти десятых его жизни. Поскольку никто из них не уделяет внимания описанию внешности, мы ничего не знаем о том, как выглядел Иисус, о его фигуре и цвете глаз. Сведения о его семейной жизни настолько скудны, что ученые до сих пор спорят о том, были ли у него братья и сестры. Факты биографии, рассчитанные на современного читателя, просто не интересовали авторов Евангелия.

Прежде чем начать писать эту книгу, я провел несколько месяцев в семинарских библиотеках - в католической, в либерально протестантской и в консервативно евангелической - читая об Иисусе. Это чрезвычайно обескураживало, когда, придя в первый день в библиотеку, ты видел не просто полки, но целые стены с книгами об Иисусе. Один ученый из Чикагского Университета пришел к выводу, что за последние двадцать лет об Иисусе написано больше, чем за предыдущие девятнадцать столетий. На какое-то время мне показалось, как будто сбылось гиперболическое замечание, завершающее Евангелие от Иоанна: "Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг".

Эта масса написанного об Иисусе начала оказывать на меня парализующее воздействие. Я прочитал десятки вариантов этимологии имени Иисуса, дискуссии на тему того, на каком языке он говорил, споры о том, как долго он жил в Назарете, или в Капернауме, или в Вифлиеме. Любой правдивый образ расплывался в смутных, неясных фразах. Я подозревал, что сам Иисус был бы напуган многими из тех представлений о нем, которые я читал.

В то же самое время, я все время замечал, что, как только я возвращался к самим Евангелиям, туман, вроде бы, рассеивался. Переведя и пересказав Евангелия, Д. Б. Филлипс писал: "Я прочел на греческом и на латыни множество мифов, но не нашел в них ни малейшего намека на миф... Никто не смог бы так безыскусно и вдохновенно описать произошедшее, если бы за ним не стояли реальные события".

Некоторые религиозные книги не лишены кислого запаха пропаганды - но не Евангелие. Марк записывает событие, возможно, самое важное в истории человечества, событие, которое теологи обычно

описывают словами вроде "умиротворение, искупление, жертва", в одной фразе: "Иисус же, возгласив громко, испустил дух".

Появляются странные, непредсказуемые сцены, такие как попытки семьи Иисуса и его соседей спрятать его под предлогом умопомешательства. Зачем включать такие сцены, если ты пишешь агиографию? Самые преданные ученики Иисуса обычно в удивлении почесывают в затылке - Кто этот человек? - скорее озадаченные, чем проникнутые тайной.

Сам Иисус, когда его спрашивали, не мог предоставить неопровержимых доказательств тождественности своей личности. Он, конечно, то тут, то там оставлял ключи к разгадке своей тайны, но он также говорил, взывая к очевидности: "И блажен, кто не соблазнится о мне". Читая Писание, тяжело найти кого-нибудь, кто бы, так или иначе, не затаил обиду. В значительной степени, Евангелие оставляет за читателем право принимать решение. Оно построено скорее как "детектив" (или, по словам Алистера МакГрафа (МакГрата), как "авантюрный роман"), чем как рисунок-шарада, в котором нужно соединить пронумерованные точки, чтобы получить изображение-отгадку. В этой стороне Евангелия мне открылся новый потенциал.

Мне кажется, что все искаженные теории, представляющие жизнь Иисуса, которые спонтанно возникали, начиная со дня его смерти, просто подтверждают тот ужасный риск, на который пошел Бог, когда лег на секционный стол истории - риск, на который, кажется, он пошел охотно. Испытайте меня. Проверьте меня. Решение за вами.

Итальянский фильм Сладкая жизнь начинается с кадра, в котором изображен вертолет, транспортирующий гигантскую статую Иисуса в Рим. Раскинув руки, Иисус парит на канате, и когда вертолет пролетает над населенными пунктами, люди начинают узнавать его. "Эй, да это же Иисус!", - кричит один старый фермер, спрыгивает со своего трактора и бежит через поле. В окрестностях Рима девушки в бикини, загорающие вокруг бассейна, приветственно машут руками, и пилот вертолета снижается, чтобы взглянуть на них поближе. Безмолвный, с почти страдающим выражением на лице, реальный Иисус в своем полете неуместен в современном мире.

Мои поиски Иисуса получили новое направление, когда режиссер Мэл Уайт одолжил мне коллекцию, состоящую из пятнадцати фильмов, посвященных жизни Иисуса. В ней были фильмы начиная с Царя царей, классического немого фильма, снятого Сесилем Б. ДеМиллем, и заканчивая такими мюзиклами, как Godspell и Евангелие, вышитое на хлопке (Cotton Patch Gospel), вплоть до ультрасовременного французско-канадского представления Иисуса из Монреаля.

Я просмотрел эти фильмы несколько раз, проанализировав их сцену за сценой. Затем, в течение двух лет, я преподавал жизнь Иисуса, пользуясь этими фильмами в качестве отправной точки для дискуссии.

Примерно так и проходили занятия. Когда мы дошли до главного события в жизни Иисуса, я должен был просматривать различные фильмы и отбирать из их числа те семь-восемь вариантов, которые могли пригодиться. Когда начиналось занятие, я показывал несколько коротких отрывков из каждого фильма, начиная со смешных и топорных и продвигаясь к сценам с более глубоким содержанием и исторической подоплекой. Выяснилось, что отражение события через призму мировоззрения семи или восьми кинорежиссеров помогало избавиться от налета предсказуемости, который образовался за время обучения в воскресной школе и постоянного чтения Библии. Может быть, некоторые из экранизаций и не соответствовали действительности - они явно противоречили друг другу - но какие из них? Какие же события имели место на самом деле? Обсудив отрывки из фильмов, мы обращались к Писанию, и дискуссия начиналась.

Занятия проводились при церкви на улице Ла Салле, обладавшей оживленной конгрегацией в деловой части Чикаго, включавшей в себя как ученых философов с северо-запада, так и бродяг, которые пользовались возможностью поспать часок-другой в теплом помещении. Во многом благодаря этим

занятиям, мое видение Иисуса претерпело значительные изменения. Уолтер Каспер сказал: "С крайних точек зрения ... - Бог или видится разодетым как Санта-Клаус или примеряет на себя человеческую сущность, словно надевая рабочую одежду, чтобы отремонтировать мир после крушения. Библейская и церковная доктрина о том, что Иисус был цельным человеком, наделенным человеческим интеллектом и человеческой свободой, кажется, не укладывается в голове рядового христианина". Я согласен с тем, что это не укладывалось и в моей голове, пока я не начал вести занятия в церкви на улице Ла Салле и не столкнулся с Иисусом как с исторической личностью.

В сущности, эти фильмы способствовали восстановлению в моем сознании человеческой сущности Иисуса. Молитвы, повторяемые в церквях, говорят о вечном предсуществовании Христа и его торжестве после смерти, но, в большинстве своем, игнорируют его земную жизнь. Сами Евангелия были написаны много лет спустя после смерти Иисуса, из глубины праздника Пасхи, они сообщали о событиях, столь же отдаленных от автора, как война в Корее от нас сегодня. Фильмы помогли мне глубже заглянуть в прошлое, лучше постичь смысл жизни Иисуса, такой, как ее видели его современники. Каково бы это было - находиться посреди той толпы? Чтобы я ответил этому человеку? Пригласил ли бы я его в дом, как это сделал Закхей? Отвернулся бы в печали, как богатый молодой человек? Предал бы его как Иуда и Петр?

Иисус, которого я увидел, имел мало сходства с образом Мистера Роджерса, с которым я познакомился в воскресной школе, и существенно отличался от той личности, о которой я узнал в Библейском колледже. В любом случае, этот образ был гораздо менее скучен. Прежний образ, созданный мной, походил на Вулкана из фильма Стар Трек: он всегда был спокоен, холоден и сосредоточен, когда вышагивал среди восхищенных человеческих существ по космическому кораблю "Земля". Это не тот персонаж, которого я нашел в Евангелии и в хороших фильмах. Другие люди понимали Иисуса глубже: упрямство удручало его, фарисейство приводило его в бешенство, простодушная вера восхищала его. Он действительно казался более эмоциональным и спонтанным, чем обычный человек. Более страстным.

Чем больше я изучал жизнь Иисуса, тем сложнее было приклеить ему какой бы то ни было ярлык. Он мало говорил о римской оккупации, что было основной темой разговора среди его земляков, но брался за кнут, чтобы изгнать мелких торговцев из еврейского храма. Он призывал подчиняться законам Моисея, но завоевал репутацию преступника. Он был готов на все из сострадания к ближнему, но мог и прогнать лучшего друга суровым упреком: "Отойди от Меня, сатана!" У него были бескомпромиссные взгляды в отношении богатых людей и падших женщин, но и те и другие были возле него.

Иногда чудеса, казалось, изливались из Иисуса; а иногда его сила была заблокирована неверием людей. Иногда он в деталях рассказывал о Втором Пришествии; а иногда не мог назвать ни день ни час. Он бежал от ареста в одном месте, и непреклонно отдавал себя в руки врагов в другом. Он красноречиво говорил о мире, а затем приказывал своим ученикам обнажить мечи. Его экстравагантные утверждения о самом себе всегда оставались предметом споров, но когда он совершал что-либо действительно чудесное, то предпочитал удалиться. Как сказал Уолтер Винк, если бы Иисуса не существовало на самом деле, нам следовало бы его выдумать.

Два слова, которые никому не придет в голову употребить в отношении Иисуса из Евангелия: скучный и предсказуемый. Как же вышло, что церковь умудрилась сделать пресным такой образ - умудрилась, по словам Дороти Сейерс "очень удачно подрезать когти Иудейскому Льву, объявив Его удобным домашним животным для малохольных священников и набожных пожилых леди"?

Лауреат Пулицеровской премии историк Барбара Тачмен настаивает на одном правиле, которым следует руководствоваться в исторических исследованиях: никогда не "перескакивать в будущее". Например, когда она писала о битве при Булге, то избежала искушения вставить фразу "Конечно мы все знаем, чем все это кончилось". Действительно, ведь войска союзников, вступившие в бой, не знали, чем

закончится это сражение. Теоретически, их могло отнести к берегам Нормандии, откуда они появились. Историк, который хочет сохранить подлинное напряжение и драматичность разворачивающихся событий, не должен переключаться на другую перспективу, на всезнающий взгляд со стороны. Сделаешь это, и все напряжение исчезнет. Хороший историк скорее воссоздает для читателя обстоятельства, при которых происходило описываемое событие, создавая ощущение, что "ты там был".

Это, как мне думается, и есть основной недостаток всех наших книг и размышлений об Иисусе. Мы читаем Евангелие через призму имевших место церковных соборов, таких, как Никейский и Халкедонский, через призму изученных церковью попыток понять Его.

Иисус был человеком, евреем из Галилеи, имевшим имя и семью, с одной стороны он был таким же, как все. Но, с другой стороны, он отличался от всех когда-либо живших на земле людей. Церкви понадобилось пять веков активных дебатов, чтобы достигнуть своего рода гносеологического баланса между определениями "такой же, как все" и "не такой, как все". Для тех из нас, кто вырос в среде церкви, или даже просто в среде христианской по своему названию культуры, чаша весов склоняется в сторону определения "не такой, как все". Как сказал Паскаль: "Церкви было также сложно доказать то, что Иисус был человеком, перед лицом тех, кто это отрицал, как и то, что он был Богом; и вероятность того и другого была одинаково велика".

Сразу оговорюсь, что я признаю Символ Веры. Но в этой книге я хочу проникнуть за завесу этих формулировок. Я хочу, насколько это возможно, взглянуть на жизнь Иисуса "изнутри", как очевидец, один из тех, кто шел за ним. Ясли бы я был японским кинематографистом, которому выделили 50 миллионов долларов и у которого нет никакого сценария, кроме текста Евангелия, какой фильм я бы сделал? Надеюсь, выражаясь словами Лютера, "облачить Христа плотью, насколько возможно".

В процессе написания книги я чувствовал себя как турист, который ходит вокруг монумента, трепещущий и потрясенный. Я кружу вокруг монумента Иисуса, изучая его отдельные части - история его рождения, проповеди, чудеса, враги и последователи - чтобы поразмыслить о них и попытаться понять человека, который изменил историю.

Иногда я чувствовал себя как реставратор, стоящий на лесах в Сикстинской Капелле и сметающий пыль истории влажной щеткой. Если я буду достаточно сильно нажимать на скребок, откроется ли мне оригинал за всеми этими наслоениями?

В этой книге я попытаюсь рассказать историю Иисуса, а не выдуманную мной историю. Однако поиски Иисуса неизбежно оказываются поисками самого себя. Никто не может остаться прежним, познав Иисуса. Я заметил, что сомнения, имеющие различные источники - наука, компаративная религия (относительная религия), врожденный скептицизм, антипатия по отношению к церкви - предстают в новом свете, когда я обращаюсь с этими сомнениями к человеку по имени Иисус. Если на этом этапе, в этой главе, я скажу больше, это приведет меня к нарушению излюбленного правила Барабары Тачмен.

Глава 2

Рождение: визит на планету

Всемогущий Бог, некогда восседавший
На троне в своих величавых одеждах,
Стал светом, и в один из дней
Нагим спустился в мир спасти своих детей.

Джордж Херберт

Разбирая кипу открыток, пришедших нам на последнее Рождество, я замечаю, что все виды символов отпечатались в нашем мозгу. В подавляющем большинстве случаев это пейзажные сцены, представляющие городки Новой Англии, занесенные снегом, как правило, с изображением запряженных в сани лошадей. На других открытках резвятся животные: не только северные олени, но и бурундуки, еноты, птицы и привлекательные серые мышки. На одной из открыток изображен африканский лев, своей широченной передней лапой ласково обнимающий ягненка.

К ангелам в последние годы с бешеной скоростью возвращается популярность, Hallmark и American Greetings не обходятся теперь без выдающихся изображений этих существ, почему-то скромных и застенчиво смотрящих - совсем не тех созданий, которым приходилось начинать разговор со слов "Не бойся!" Открытки, целиком посвященные религиозной тематике (их заметно меньше), сконцентрированы на Святом Семействе, и вы можете даже беглым взглядом определить, что эти люди не похожи на остальных. Они кажутся спокойными и безмятежными. Яркие золотые нимбы, похожие на короны из другого мира, парят над их головами.

Внутри эти открытки полны подчеркнута светлых слов вроде любви, доброжелательности, радости, счастья и душевного тепла. Мне кажется, это здорово, что мы достаиваем священный праздник таких домашних сантиментов. И все же, когда я обращаюсь к описанию первого Рождества, приведенному в Евангелии, мне видится это в совсем других тонах, и я чувствую, как созданное мной рушится.

Я вспоминаю один эпизод из телевизионного шоу Тридцать три мелочи, в котором Хоуп, христианка, спорит со своим мужем, евреем, которого зовут Майкл по поводу праздников. "Что тебя так волнует этот праздник ханука?" - спрашивает она. "Неужели ты действительно веришь в горстку евреев, выстоявших против целой армии благодаря тому, что в их светильниках чудесным образом не иссякало масло?"

Майкл взорвался: "Ты думаешь, в Рождестве больше смысла? Может быть, ты веришь в то, что ангел явился девочке-подростку, которая потом забеременела без всякого секса и, приехав верхом в Вифлеем, провела там одну ночь в сарае и родила ребенка, которому суждено было стать Спасителем мира?"

Откровенно говоря, недоверчивость Майкла, как мне кажется, близка тому, что я прочитал в Евангелиях. Мария и Иосиф вынуждены переносить позор и насмешки со стороны семьи и соседей, которые относятся к произошедшему, скажем, как Майкл ("Может быть, ты веришь в то, что ангел явился...").

Даже те, кто верит в сверхъестественность произошедших событий, признают, что они приводят к ("приводят к" или "связаны с"?) большим несчастьям: старый дядюшка молится за спасение "от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас"; Симеон мрачно предупреждает Деву Марию о том, что "Тебе Самой оружие пройдет душу"; в благодарственном молебне, который читает Мария, упоминаются низвергнутые правители и потерпевшие крах гордецы.

Вопреки тому, что пропагандируют открытки, Рождество не сделало жизнь на планете Земля сентиментальным царством любви. Вот, приблизительно, то, что я ощущаю, когда приходит Рождество, и я обращаюсь от оптимизма рождественских открыток к непреклонности Евангелия.

На рождественских сувенирах семья Иисуса изображается в виде фигурок, выгравированных на золотой фольге, где кроткая Мария получает Благую Весть как особое благословение. Но это совершенно не похоже на то, как Лука рассказывает эту историю. Мария, "увидев его (ангела), смутилась от слов его", а когда ангел произнес возвышенные слова о Сыне Всевышнего, царству которого не будет конца, Марии приходит в голову весьма земная мысль: Как будет это, когда я мужа не знаю?

Однажды одна молодая незамужняя юристка по имени Синтия смело явилась в мою церковь в Чикаго и покаялась в грехе, о котором мы уже знали: мы каждое воскресение наблюдали, как ее непоседа сын бегал по церкви.

Синтия прошла тяжелый путь женщины, родившей ребенка вне брака и заботившейся о нем после того, как его отец решил сбежать из города. Грех Синтии был не более тяжким, чем многие другие, однако он имел серьезные последствия. Она не могла скрыть результат одного единственного страстного порыва, который в течение нескольких месяцев ей приходилось терпеть в своей утробе, пока не появился ребенок, изменивший каждый час ее последующей жизни. Неудивительно, что еврейская девушка Мария была сильно напугана: ее ожидали такие же перспективы, только без страстного порыва.

В современных Соединенных Штатах, где каждый год миллионы молодых девушек беременеют вне брака, ситуация, в которую попала Мария, несомненно, стала не такой сложной, но в строгом еврейском обществе первого века нашей эры новость, которую сообщил ангел, не могла быть особенно доброй. По закону, обрученную женщину, которая забеременела от любовника, забивали камнями.

Матфей говорит об Иосифе, который принимает великодушное решение развестись с Марией, не вынося это на суд общественности, но появляется ангел, чтобы рассеять его заблуждение по поводу измены. Лука рассказывает о трепещущей от страха Марии, которая поспешила к единственному человеку, способному понять, что ей пришлось пережить: к своей родственнице, Елисавете, которая чудесным образом забеременела в старости, также после ангельского благовещения. Елисавета поверила Марии и поделила ее радость, и все же эта сцена остро показывает разницу между двумя женщинами: вся округа говорит об исцелении утробы Елисаветы, тогда как Мария вынуждена скрывать позор ее собственного чуда.

Через несколько месяцев рождение Иоанна Крестителя вызывает всеобщее ликование, в котором участвуют повивальные бабки, любящие родственники и традиционный хор из местных жителей, празднующие появление на свет еврейского мальчика. Шесть месяцев спустя родился Иисус, вдали от дома, без повивальных бабок, родственников и деревенского хора. Для Римской переписи населения достаточно было присутствия главы семьи; не потому ли Иосиф повез свою беременную жену в Вифлеем, что он хотел избавить ее от бесчестия, которое бы пало на ее голову после рождения ребенка в родной деревне?

К.С. Льюис написал о божественном замысле: "Повествование заостряется все больше и больше, пока, в конце концов, не сводится к одной маленькой точке, подобной наконечнику копья, еврейской девушке, читающей молитву". Сегодня, когда я читаю истории о рождении Иисуса, я вздрагиваю при мысли о судьбе мира, зависящей от двух сельских подростков (Возможно здсь подразумевалось, что тодругое, т.к. Иосиф не был подростком!).

Часто ли Мария вспоминала слова ангела, когда чувствовала, как Сын Божий толкается в стенки её матки? Часто ли Иосиф гадал, чем была его собственная встреча с ангелом - всего лишь сон? - переживая горячий стыд перед односельчанами, от которых было не скрыть то, как менялась фигура его невесты?

Нам ничего не известно о деде и бабке Иисуса. Что они должны были чувствовать? Была ли их реакция такой же как у большинства теперешних родителей не обрученных подростков, взрывом морального негодования, за которым следует период угрюмой тишины, пока, в конце концов, на свет не появляется младенец с блестящими глазенками, который растапливает лед и устанавливает недолговечное семейное затишье? Или же они, как многие обеспеченные бабушки и дедушки в наше время, великодушно предложили взять ребенка к себе в дом?

Девять месяцев ужасных споров, тягостное предчувствие грядущего скандала - кажется, Господь создал самые что ни на есть унижительные обстоятельства для своего появления, словно пытаясь избежать обвинения в фаворитизме. На меня произвело впечатление то обстоятельство, что когда Сын Божий обрел человеческий облик, он придерживался правил ("испытал на себе действие правил" - т.к. Его следование этим правилам было вынужденным, а не осозанным), строгих правил: маленькие городки не очень благосклонны к молодым людям с сомнительным происхождением.

Малкольм Маджеридж заметил, что в наши дни, когда медицинские учреждения, занимающиеся планированием семьи, предлагают удобные пути исправления "ошибок", которые могут загубить доброе семьи, "рождение Иисуса в существующих условиях было бы, по сути дела, совершенно невозможно. Беременность Марии, при ее бедности и при неизвестном отце ребенка, послужила бы очевидным поводом для аборта; и ее разговоры о том, что она зачала в результате сошествия Святого Духа, стали бы основанием для психиатрического лечения и придали бы поводу для прерывания беременности еще больше весомости. Так, наше поколение, возможно нуждающееся в Спасителе более, чем какое-либо другое из существовавших до него, слишком гуманно для того, чтобы позволить ему родиться".

Однако девственница Мария, чье материнство было незапланированным, повела себя иначе. Она выслушала ангела, подумала о последствиях и ответила: "се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему". Часто содеянное Богом оборачивается двумя сторонами, большой радостью и большой печалью, и в своем простом ответе Мария приняла их обе. Она была первым человеком, который поверил Иисусу на слово, безоглядно, на свой страх и риск.

Когда в шестнадцатом веке иезуитский миссионер Маттео Риччи отправился в Китай, он взял с собой образцы религиозного искусства, чтобы наглядно представить историю христианства людям, которые никогда о ней не слышали. Китайцы с готовностью приняли изображения Девы Марии, держащей на руках своего ребенка, но когда он показал им изображения распятия и попытался объяснить, что Сын Божий прожил свою жизнь только для того, чтобы быть казненным, реакцией слушателей были отвращение и ужас. Они предпочли Деву и настаивали на поклонении ей более, нежели распятому Богу.

Когда я в очередной раз разбираю кипу своих рождественских открыток, я понимаю, что мы в христианских странах поступаем точно также. Нам близок добрый семейный праздник, лишенный малейшего намека на скандал. Помимо этого, мы очищаем его от всех напоминаний о том, чем эта история, начавшаяся в Вифлееме, закончилась на Голгофе.

В Евангелиях от Луки и Матвея (Матфея) только один человек, кажется, понимает загадочную природу того, что привел в движение Господь: старик (старец?) Симеон, который признал в младенце Мессию, подсознательно понимал, что конфликта не избежать. "Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий...", - сказал он и предсказал Марии, что ей самой оружие пройдет в душу. Симеон каким-то образом почувствовал, что хотя внешне мало что изменилось - диктатор Ирод все еще был у власти, римские войска все еще вешали патриотов, Иерусалим все еще был переполнен нищими - на самом деле, изменилось все. Появилась новая сила, способная подчинить себе все мировые силы.

Сначала Иисус не выказывал страха перед этими силами. Он родился во время правления цезаря Августа, в то время, когда Римская Империя почувствовала дуновение надежды. От Августа более, чем от какого-либо другого правителя, ожидали того, что мог бы дать лидер и чего могло бы достичь общество.

Именно Август в действительности был тем человеком, который первым заимствовал из греческого слово "Евангелие", или "Благая весть" и сделал из него ярлык для нового мирового порядка, который представляло собой его правление. Империя провозгласила его богом и установила ритуал поклонения ему. Его просвещенный и стабильный режим будет, как верили многие, длиться вечно - окончательное решение проблемы правления.

Тем временем, в одном из захолустных углов Империи Августа рождение младенца по имени Иисус было упущено из виду летописцами той эпохи. Мы узнаем о нем в основном из четырех книг, написанных через много лет после его смерти, в период, когда менее одного процента римского населения слышали о его существовании. Биографы Иисуса также заимствуют слово евангелие, провозглашая некий абсолютно новый мировой порядок. Лишь однажды они упоминают имя Августа,

мимоходом, чтобы засвидетельствовать факт переписи населения, подтверждавшей, что Иисус родился в Вифлееме.

Однако первые события в жизни Иисуса указывают на то, что невиданные беды еще впереди. Великий Ирод, царь еврейского народа, навязал римское правление на местах, и, по иронии истории мы знаем имя Ирода благодаря избиению младенцев. Я никогда не видел рождественскую открытку, на которой был бы изображен этот акт террора, поддержанный государством, однако это также было частью прихода Христа в мир. Хотя светская история не упоминает об этом зверстве, никто из знавших жизнь Ирода, не сомневался (возможно: "никто из знающих ... не сомневается") в этом. Он убил двух своих двоюродных братьев, свою жену Мариамну и двух своих сыновей. За пять дней до смерти он приказал арестовать многих горожан и повелел казнить их в день своей смерти, чтобы обеспечить надлежащую атмосферу траура в стране. Для такого деспота менее значительная процедура истребления в Вифлееме не представляло проблемы.

Действительно, в правление Ирода не проходило и дня без казни. Политическая обстановка во время рождения Иисуса напоминала Россию тридцатых годов двадцатого века под управлением Сталина. Горожане не имели права выступать на общественных собраниях. Повсюду были шпионы. В представлении Ирода, приказ вырезать младенцев, возможно, был актом предельного рационализма, превентивной мерой, призванной сохранить стабильность его царства от возможных претензий на престол со стороны другого.

В своей книге Пока что У. Х. Оден предполагает, что могло происходить в сознании Ирода, когда он задумывал резню:

Сегодня был один из тех прекрасных зимних дней, холодных, сверкающих и абсолютно тихих, когда лай пастушьей собаки разносится на мили и величественные дикие горы подступают вплотную к городским стенам, и мысль необычайно свежа, в этот вечер, когда я стою высоко на башне у этого окна, во всей чарующей панораме равнины и гор ничто не указывает на то, что империя смертельно напугана опасностью более ужасной, чем вторжение татар на бегущих верблюдах или заговор преторианской гвардии...

О Боже, почему этот несчастный младенец не мог родиться где-нибудь в другом месте?

Таким образом, Иисус Христос пришел в мир среди раздоров и террора и провел свое детство спрятанный в Египте, как в укрытии. Матфей отмечает, что местные политики даже определили то место, где рос Иисус. Когда умер Ирод великий, ангел возвестил Иосифу, что тот спокойно может вернуться в Израиль, только не в ту местность, где правил сын Ирода Архелай. Вместо этого Иосиф со своей семьей отправился на север страны в Назарет, где они жили под властью другого сына Ирода, Антипия (Антипы), про которого Иисус говорил "эта лиса" и который обезглавил Иоанна Крестителя.

Спустя несколько лет в непосредственное подчинение римлян переходит южная провинция с центром в Иерусалиме, самым жестоким и скандально известным правителем которой был Понтий Пилат. Обладающий большими связями, Пилат женился на внучке Августа Цезаря. По словам Луки, Ирод Антипий (Антипа) и римский правитель Пилат видели друг в друге врага, пока судьба не свела их, чтобы определить участь Иисуса. В этот день они объединились, в надежде на успех там, где потерпел неудачу Ирод Великий: избавившись от странного самозванца и сохранив царство.

От начала и до конца конфликт между Римом и Иисусом протекает исключительно односторонне. Казнь Иисуса, бесспорно, кладет конец всем страхам, по крайней мере, так казалось в то время. Тирания снова одерживает победу. Никому не приходило в голову, что его упрямые последователи могут пережить Римскую империю.

События Рождества, воспетые в гимнах, обыгранные детьми в церковных инсценировках, изображенные на открытках, стали настолько близки нам, что легко можно пропустить скрытую за ними истину.

Прочитав истории рождения Иисуса еще раз, я спросил себя, Если Иисус пришел в мир, чтобы открыть нам Бога, то что я узнаю о Боге из этого первого Рождества?

Ассоциации, которые приходят в голову, когда я размышляю над этим вопросом, застают меня врасплох. Смиранный, доступный, неудачник, смельчак - эти слова едва ли подходят для обращения к божеству.

Смиранный. До Иисуса, практически ни один языческий автор не использовал слово "смиранный" в качестве положительной характеристики. Однако события Рождества неотвратимо указывают на нечто, кажущееся парадоксом: смиранный Бог. Бог, который сошел на землю, появился не из могучего вихря и не из всепожирającego пламени. Это невозможно представить, но Создатель всего становится все меньше, меньше и меньше, почти превращаясь в яйцеклетку, единственную оплодотворенную яйцеклетку, которую едва видно невооруженным глазом, яйцеклетку, которая делится вновь и вновь, пока зародыш не примет форму и не начнет увеличиваться клетка за клеткой в чреве нервной девушки. "Бесконечность заточила себя в твою дорогую утробу", - изумляется поэт Джон Донн. Он "уничжил Себя ... смирил Себя", - более прозаично выразился апостол Павел.

Я вспоминаю, как однажды во время Рождественских праздников сидел в одном красивом зале в Лондоне, слушая Мессию Генделя, где целый хор поет о дне, когда "будет явлена слава Господа". Я провел утро в музее, рассматривая остатки величия Англии - драгоценные камни на короне, массивный золотой скипетр, покрытый позолотой экипаж лорд-мэра - и мне пришло в голову, что только такие знаки богатства и силы должны были присутствовать в сознании современников Исаии, который впервые услышал это пророчество. Когда евреи читали слова Исаии, они, несомненно, с глубокой ностальгией вспоминали дни славы Соломона, когда "и сделал царь серебро и золото в Иерусалиме равноценным простому камню".

Однако величие того Мессии, который появился, было величием смирения. "Восклицание мусульман "Бог велик" - это истина, которая не нуждалась ни в каком сверхъестественном существе, чтобы быть донесенной до людей", - пишет отец Невилл Фиджис. "Истина, которой учил Иисус, в том, что Бог мал". Громогласный Бог, который повелевал армиями и империями, словно фигурами на шахматной доске, этот Бог появился в Палестине в образе ребенка, который не мог ни говорить, ни есть подобающую пищу, ни контролировать свой мочевой пузырь, чьи безопасность, сытость и комфорт зависели от девушки-подростка.

В Лондоне, глядя на расположенную в зале Королевскую ложу, где сидели королева и ее семья, я уловил те типичные моменты, которые отличают правителя, шагающего по миру: охрана, звук фанфар, пышность одеяний и сияние драгоценных камней. Королева Елизавета Вторая недавно посетила Соединенные Штаты, и репортеры получали удовольствие, перечисляя атрибуты королевской власти: ее четыре тысячи фунтов багажа, включающих по два туалета на каждый случай, траурное одеяние на случай чьей-нибудь кончины, сорок пинт плазмы, лайковые чехлы на туалетное сидение. Она привезла с собой своего парикмахера, двух лакеев и множество другой прислуги. Краткий визит королевской особы в иностранную державу может совершенно легко обойтись в двадцать миллионов долларов.

Для сравнения, посещение Богом земли началось с хлева, в отсутствие слуг, и иного места, куда можно было бы положить новорожденного царя, кроме кормушки для скота. И при этом событие, которое разделило историю и даже наш календарь на две части, имело очевидцами больше животных, чем людей. На него мог наступить мулл. "Как тихо, как тихо был нам дарован чудный дар".

На какое-то мгновение ангелы озаряют небо, но кто видел это представление? Безграмотные наймиты, которые пасли чужие стада, "незнакомцы", от которых не осталось даже имени. У пастухов

была репутация таких попрошайек, что почтенные евреи относились к ним ко всем без разбора как к "безбожникам", не пуская их дальше внутреннего двора храма. Значит, это им суждено было Богом праздновать рождение того, кто станет известен, как заступник грешников.

В стихотворении Одена мудрецы возвещают: "О здесь и сейчас предел нашему бесконечному пути". Пастухи говорят: "О здесь и сейчас начало нашему бесконечному пути". Поиски мировой истины закончены; настоящая жизнь только началась.

Доступный. Тот из нас, кто вырос в традициях неформальной или домашней молитвы, вряд ли оценит то изменение в отношении человека к божеству, к которому стремился Иисус. Индусы приносят жертвы в храме. Коленопреклоненные мусульмане кланяются так низко, что касаются лбами земли. В большинстве религиозных традиций страх действительно является преобладающей эмоцией при обращении человека к Богу.

Безусловно, у евреев страх был неразрывно связан с поклонением. Пылающий куст Моисея, горячие угли Исаия, неземные видения Иезекииля - человек, "удостоенный" прямого общения с Богом, думал, что уйдет опаленным или наполовину искалеченный, как Иаков. Это были избранники судьбы: дети евреев также узнавали истории о святой горе в пустыне, которая становилась роковой для каждого, чья жизнь с ней соприкасалась (возможно "которая становилась роковой для жизни каждого, кто к ней прикаснется"). Если вы не должным образом обращаетесь с ковчегом завета, вы погибнете. Войдите в Святое-святых и вы не вернетесь оттуда живым.

Для тех, кто отгораживал в храме алтарь для Бога и избегал произнесения вслух Его имени, явление Бога в виде младенца в яслях выглядело более чем странно. Вряд ли можно представить себе что-либо менее священное, чем новорожденный в пеленках, с конечностями, плотно прижатыми к телу? В Иисусе Бог нашел способ наладить с человеком контакт, который не вызывал у последнего страх.

Действительно, страх никогда не был по-настоящему действенным. В Ветхом Завете гораздо меньше взаимопонимания ("взаимоотношений между"???) Бога с человеком. Необходим был новый подход, говоря словами Библии, Новый Завет, который бы не увеличивал гигантскую пропасть между человеком и Богом, а, напротив, строил через нее мост.

Одна из моих знакомых по имени Кэтти пользовалась игрой "угадай-ка", чтобы ее шестилетний ребенок запомнил названия разных животных. Его ход: "Я загадал млекопитающее. Оно большое и совершает чудеса". Кэтти подумала некоторое время и сдалась. "Я не знаю". "Это же Иисус!" - сказал с триумфом ее сын. Кэтти сказала мне, что ответ показался ей в тот момент неуважительным, но позднее, когда она подумала об этом, то поняла, что ее сын случайно проник в самую глубину воплощения: Иисус как млекопитающее!

Я ближе познакомился с воплощением, когда у меня был аквариум с морской водой. Содержать такой аквариум, как я понял, непростое дело. Мне даже пришлось завести небольшую химическую лабораторию, чтобы следить за уровнем содержания нитратов и аммиака. Я подкачивал в воду столько витаминов, антибиотиков, разных добавок и ферментов, что можно было заставить расти камни. Я фильтровал воду через стекловату и древесный уголь и облучал ее ультрафиолетом. Вы можете подумать, что, благодаря всей затраченной на это энергии, мои рыбки, по меньшей мере, должны были быть мне благодарны. Не тут то было. Всякий раз, как моя тень падала на аквариум, они прятались в ближайшую ракушку. Единственной эмоцией, которую они проявляли по отношению ко мне, был страх. Хотя я открывал крышку и бросал им еду в одно и то же время, три раза в день, они относились к каждому визиту, как к несомненному проявлению моего намерения их помучить. Я не мог убедить их в искренности моих намерений.

Для моих рыбок я был божеством. Я был слишком велик для них, мои действия были для них непостижимы. Мои акты милосердия они рассматривали как жестокость; мои попытки сохранить их

здоровье они рассматривали как вред. Я начал понимать, что для изменения в их восприятии понадобится некая форма воплощения. Мне пришлось бы стать рыбой и говорить с ними на понятном им языке.

Человек, становящийся рыбой, не сравним с Богом, становящимся младенцем. И все же, в соответствии с Евангелием, именно это и произошло в Вифлееме. Бог, который создал мир, обрел форму внутри него, подобно тому, как художник может изобразить себя на картине или драматург может получить роль в своей собственной пьесе. Бог написал сценарий, только используя при этом реальных людей, на страницах реальной истории. Слово обрело плоть.

Неудачник. Меня коробит от одного написания этого слова, особенно в связи с именем Иисуса. Это резкое слово, видимо, восходит к слову неудача и всегда относилось к тем, кого заранее считали проигравшими, к жертвам несправедливости. Однако когда я читаю истории о рождении Иисуса, я не могу не прийти к выводу о том, что хотя, возможно, мир и предпочитает богатство и силу, Бог же предпочитает неудачника. Он "низложил сильных с престола и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем".

Лацло Токес, румынский пастор, преследование которого всколыхнуло страну и вызвало мятеж против коммунистического правительства Чаушеску, рассказывает о том, как он пытался подготовить рождественскую проповедь для маленькой церкви в горах, куда он был сослан. Служба государственной безопасности производила облавы на диссидентов, и насилие царило по всей стране. Опасаясь за свою жизнь, Токес запер двери, сел за стол и снова перечитал истории, изложенные Лукой и Матфеем. В отличие от большинства пасторов, читающих проповеди в то Рождество, он выбрал в качестве текста стихи, описывающие избиение Иродом младенцев. Это был единственный сюжет, который непосредственно мог затронуть чувства прихожан. Угнетение, страх и насилие - постоянный удел гонимого судьбой человека, был им хорошо знаком.

На следующий день, в Рождество, прошел слух об аресте Чаушеску. Звонили церковные колокола, и веселье охватило всю Румынию. Был свергнут еще один царь Ирод. Токес вспоминает: "Все события рождественской истории теперь предстали перед нами в новом, прекрасном свете, в свете истории, проистекающей из реальности нашей жизни... Для тех из нас, кто пережил эти дни Рождества 1989 года, они стали ярким, красочным отражением рождественской истории, времени, когда промысл Божий и бессмысленность человеческой жестокости были, казалось, так же естественны, как солнце и луна над вечными холмами Трансильвании". Впервые за сорок лет Румыния праздновала Рождество как официальный праздник.

Возможно, лучший способ постичь природу человека "гонимого судьбой", составляющую сущность воплощения, - попытаться выразить ее в тех выражениях, на которых мы говорим сегодня. Не венчанная женщина, ставшая матерью, лишённая крова, вынуждена была искать убежища, повсюду наталкиваясь только на жесткие требования об уплате налогов, исходящие от колониального правительства. Она жила в стране, которая только начала оправляться от жестоких гражданских войн и в которой все еще царил беспорядок - ситуация, как две капли воды похожая на события в современной Боснии, Руанде или Сомали. Подобно половине всех рождающихся сегодня матерей, она разрешилась от бремени в Азии, на ее отдаленной западной окраине, той части мира, которая будет бессердечнее всех остальных подвергать испытаниям сына, которого она родила. Этот сын нашел прибежище в Африке, на континенте, который и до сих пор чаще других предоставляет укрытие.

Интересно, о чем думала Мария, когда она воинственно обращалась к Богу во время мучительных лет, проведенных в Египте. В сознании еврея Египет пробуждал яркие воспоминания о могущественном Боге, который сравнял с землей войско фараона и дал людям свободу; теперь Мария искала там спасения, отчаявшаяся, чужая в чужой стране, ищущая укрытия от ее собственного правительства. Мог ли ее ребенок, преследуемый, беззащитный, находящийся в бегах, осуществить огромные надежды своего народа?

Даже родной язык отражал их "гонимое положение": Иисус говорил на арамейском - наречии, тесно связанном с арабским языком - острое напоминание о той зависимости от других империй, в которой находились евреи.

Некоторые чужеземные звездочеты (вероятно, из того региона, где сейчас находится Ирак) предрекли явление Иисуса, но евреями той эпохи они были объявлены "нечистыми". И в самом деле, как и все люди, занимающие высокий пост в государстве, они первым делом согласовали все с правящим в Иерусалиме царем, который ничего не знал о рождении младенца в Вифлееме. Увидев ребенка и поняв, кто он, эти визитеры совершили акт гражданского неповиновения: они обманули Ирода и на следующий день отправились домой, тем самым защитив ребенка. Они встали на сторону Иисуса, пойдя против силы.

Когда Иисус вырос, его чувства глубоко затронули бедные, бессильные, угнетенные - короче говоря, "неудачники".

Сегодня теологи дискутируют на предмет того, уместна ли фраза "Бог отдает предпочтение бедным" как описание заботы Бога о гонимых людях. Поскольку Бог создал обстоятельства своего собственного рождения на планете земля такими - отсутствие силы или благосостояния, отсутствие прав и справедливости - то его выбор говорит сам за себя.

Смелый. В 1993 году я прочитал одну газетную заметку о "явлении Мессии" в районе Crown Heights в Бруклине, штат Нью-Йорк. Там живут двадцать тысяч любавичских евреев-хасидов, и в 1993 году многие из них уверовали в то, что Иисус явился им в образе раввина Менахема Менделя Шнеерсона.

Слух о публичном выступлении раввина охватил, как пожар, улицы района, и любавичцы со своими курчавыми бачками, в черных плащах торопливо шли вниз по улице по направлению к синагоге, где обычно молился раввин. Этим счастливицам достаточно было быть участниками этой гонки, стартовавшими к синагоге по малейшему сигналу. Они сотнями втискивались в главный зал, толкая друг друга локтями и даже взбираясь на основания колонн, чтобы захватить побольше места. Зал наполнила атмосфера ожидания и безумия, вполне естественных на трибунах во время спортивных состязаний, но не для церковной службы.

Раввину был девяносто один год. Год назад он пережил паралич, и к нему еще не вернулась речь. Когда занавес наконец раздвинулся, люди, столпившиеся в синагоге, увидели хрупкого старика с длинной бородой, который только размахивал руками, тряс головой и двигал бровями. Однако никто из пришедших не брал это в расчет. "Долгие лета нашему мастеру, нашему учителю и нашему раввину, Царю и Мессии в веках!" - запели они хором, их голоса все больше сливались в единый звук, пока раввин не подал едва заметный дельфийский жест рукой, и занавес закрылся. Они уходили медленно, в состоянии иступленного восторга, храня святость этого момента. (Раввин Шнеерсон умер в 1994 году. Сейчас многие любавичские евреи ждут его воскрешения во плоти. в точности как люди в первом веке реагировали на Иисуса. Мессия из Галилеи? Не плотников ли он сын?)

Прочитав впервые эту заметку, я чуть было не рассмеялся вслух. Кто эти люди, верящие в надувательство - девяностолетнего немого Мессию в Бруклине? Но потом меня осенило: я сам реагировал на раввина

Насмешка, которую вызвали во мне во время чтения раввин и его фанатичные последователи, дала мне ключ к пониманию восприятия людьми Иисуса при жизни. Его соседи спрашивали: "Не Его ли Мать называется Марией, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это?" Другой его земляк насмеялся: "Из Назарета может ли быть что доброе?" Его собственная семья пыталась спрятать его, считая, что он не в своем уме. Знатоки религии собирались убить его. Что до людей "от сохи", то в какой-то момент они говорили о нем: "Он одержим бесом и безумствует" так же искренне, как потом пытались сделать его царем.

Мне кажется, что Бог должен был обладать мужеством, чтобы отложить в сторону силу и величие и придти к человеческим существам, которые встречали его таким же смешанным чувством издевки и скептицизма, какое я испытал, впервые услышав о раввине Шнеерсоне из Бруклина. Нужна была смелость для того, чтобы рискнуть сойти на планету, известную своим грубым насилием, к людям той расы, которая, как известно, отвергает своих пророков. Мог ли Бог совершить большую глупость?

Для первой ночи в Вифлееме тоже нужно было мужество. Как должен был чувствовать себя в эту ночь Бог Отец, беспомощный, как и любой отец на земле, наблюдая за тем, как его перепачканный в крови сын появился на свет в жестоком, холодном мире? В моей голове звучат строки из двух совершенно разных рождественских песен. Одна из них, "Маленький Господь Иисус, не плачет", кажется мне стерилизованным вариантом того, что произошло в Вифлееме. Я представляю себе Иисуса, плачущего, как и любой другой младенец, в ту ночь, когда он вошел в мир, в мир, где у него в молодости будет гораздо больше причин для слез. Вторая строчка, из песни "О маленький городок Вифлеем" кажется сегодня такой же проникновенной и правдивой, какой она была две тысячи лет назад: "Надежды и страхи всего мира отдыхают на тебе сегодня".

"Стоящее в стороне от других вероучений, христианство добавило мужество к прочим добродетелям Создателя", - сказал Д. К. Честертон. Потребность в подобного рода смелости возникла с первой ночи пребывания Иисуса на земле и не иссякала до последней.

Существует еще одно восприятие Рождества, которое я никогда не встречал на рождественских открытках, возможно потому, что ни один художник, даже Уильям Блейк, не мог о нем судить. Двенадцатая глава Апокалипсиса приоткрывает занавес, чтобы дать нам мельком увидеть Рождество таким, каким оно должно было выглядеть, если бы мы посмотрели на него с расстояния, на которое удалена от Земли туманность Андромеда: Рождество глазами ангелов.

Это повествование разительно отличается от рождественских историй в Евангелиях. В Откровении Иоанна Богослова не упоминаются пастухи и царь-детоубийца; напротив, оно изображает дракона, ведущего жестокий бой на небесах. Женщина, обличенная в солнце, с венцом из двенадцати звезд на голове кричит от боли, собираясь родить младенца. Внезапно в повествовании появляется большой красный дракон, увлекая своим хвостом с неба третью часть звезд и повергая их на землю. Он жадно сгибается над женщиной, готовый пожрать ее младенца, когда она родит. В последний момент младенец оказывается унесенным в безопасное место, женщина бежит в пустыню и вселенская война начинается.

Как ни посмотри, Апокалипсис - необычная книга, и читатели должны проникнуться ее стилем, чтобы понять этот удивительный спектакль. Наша жизнь, кажется, представляет собой две истории, протекающие параллельно, одна на земле, а другая на небе. В Апокалипсисе же они увидены одновременно, что позволяет нам ненадолго заглянуть за кулисы этого представления. На земле родился младенец, царь узнал о нем, и началось преследование. На небе все начинается с Великого Вторжения, смелого рейда повелителя добра в империю зла.

Джон Мильтон величественно выразил это видение в своих поэмах Потерянный рай и Возвращенный рай, в которых в центре повествования находятся небо и ад, а земля является всего лишь местом битвы их сил. Современный автор Д. Б. Филлипс также использовал этот прием, только на менее эпическом материале, и в это Рождество я обратился к фантазии Филлипса, чтобы попытаться освободиться от моей земной перспективы.

В версии Филлипса архангел показывает молодому ангелу все великолепие вселенной. Они наблюдают вращающиеся галактики и пылающие солнца, а затем перелетают через необъятные пространства космоса, пока, наконец, не попадают в особенную галактику, состоящую из пятисот миллиардов звезд.

Когда они приблизились к звезде, которую мы называем нашим Солнцем и к вращающимся вокруг него планетам, архангел указал на маленькую незначительную сферу, медленно вращающуюся вокруг своей оси. Маленькому ангелу она показалась нелепой как грязный теннисный мячик, его сознание было преисполнено глобальности и величия того, что он увидел до этого.

"Я хочу, чтобы ты обратил на нее особое внимание", - сказал архангел, указав на нее рукой.

"Но она кажется мне очень маленькой и довольно грязной", - ответил маленький ангел: "Что в ней особенного?"

Когда я читал книгу Филлипса, я думал о впечатлениях, переданных на Землю астронавтами с космического корабля "Аполлон", которые описывали нашу планету как "аккуратную, круглую, красивую и маленькую", как шар с голубыми, зелеными и коричневыми оттенками, подвешенный в пространстве. Джим Ловелл, размышляя в последствии об этой сцене, сказал: "Это было просто еще одно небесное тело, приблизительно в четыре раза больше, чем Луна. Но оно заключало в себе все надежды, и все, что в этой жизни знал и любил экипаж "Аполлона 8". Это было самое красивое зрелище из всего, что можно было увидеть в космосе". Это был взгляд с позиций человеческого существа.

Однако маленькому ангелу земля не показалась столь впечатляющей. Он в ошеломленном недоумении слушал слова архангела о том, что эта планета, маленькая и незначительная, и не особенно чистая, и есть та знаменитая планета, которую посетил Господь.

"Ты хочешь сказать, что наш великий и славный Принц ... сошел во Плоти на этот третьесортный маленький шар? Для чего Ему это понадобилось?" ...

Лицо маленького ангела скривилось от отвращения. "Не хочешь же ты сказать", - продолжил он, "что он пал так низко, чтобы стать одним из этих ползающих, пресмыкающихся созданий на этой непостоянной планете?"

"Именно это я и хочу сказать. И я не думаю, что ему бы понравилось, что ты говоришь о них в таком тоне, называя их "ползающими, пресмыкающимися созданиями". Поскольку, каким бы странным это нам ни казалось, он любит их. Он сошел к ним, чтобы поднять их до Себя".

Маленький ангел выглядел смущенным. Это было недоступно его пониманию.

Это недоступно также и моему пониманию. Однако я признаю, что эта идея является ключом к пониманию Рождества и, в действительности, есть краеугольный камень моей веры. Будучи христианином, я верю в то, что мы живем в двух параллельных мирах. Один мир состоит из холмов и озер, и хлебов, и политиков, и пастухов, пасущих стада в ночи. Другой мир состоит из ангелов, злых сил и каких-то потусторонних пространств, называемых небесами и адом. Однажды ночью, в холоде, в темноте меж неровных холмов Вифлеема, судьбы этих двух миров драматически пересеклись. Бог, не знающий ни вчера, ни завтра, вошел во время и пространство. Бог, который не ведает никаких ограничений, заточает себя в кожу младенца, в зловещие оковы смертности.

"Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари", - напишет позднее апостол; "Он есть прежде всего и все Им стоит". Но несколько очевидцев рождественской ночи ничего из вышеперечисленного не увидели. Они увидели младенца, пытавшегося впервые двигать своими ручками и ножками.

Может ли она быть правдой, эта вифлеемская история о Создателе, решившем родиться на одной маленькой планете? Если да, то это история, не похожая на все остальные. Нам никогда больше не придется сомневаться в том, имеет ли то, что случилось на маленьком грязном шарике, отношение ко всей остальной вселенной. Не удивительно, что сонм ангелов внезапно запел песню, поражая не только нескольких пастухов, но целую вселенную.

Глава 3 Декорации: Еврейские корни и почва

Вот еще одно великое противоречие: хотя он был евреем, его последователи евреями не были. Вольтер.

Проведя детство в религиозной общине в Атланте, штат Джорджия, я не знал ни единого еврея. Я представлял себе евреев как иностранцев, которые говорят с сильным акцентом, носят странные шляпы и живут в Бруклине или в других столь же отдаленных местах, где они учатся на психиатров и музыкантов. Я знал, что евреи как то связаны имеют какое-то отношение ко Второй Мировой войне, но мало слышал о массовом уничтожении евреев фашистами. И уж конечно эти люди не имели никакого отношения к моему Иисусу.

Так было, пока я в двадцатилетнем возрасте не познакомился с еврейским фотографом, который освободил меня от многих заблуждений в отношении его расы. Однажды мы разговаривали допоздна, и он рассказал мне, каково было потерять двадцать семь членов своей семьи во времена массового уничтожения евреев фашистами. Позднее он познакомил меня с Элаей Визелем, Чеймом Потомом, Мартином Бьюбером (Бубером) и другими еврейскими писателями, и после этого знакомства я взглянул на Новый Завет другими глазами. Как я мог упустить это! Упустить чисто еврейские черты Иисуса, начиная с первого предложение из Евангелия от Матфея, которое представляет Иисуса как "Сына Давидова, Сына Авраамова".

В церкви мы признавали Иисуса "Сыном Божиим, Единородным, от Отца рожденным прежде всех времен... Богом истинным от Бога истинного". Эти утверждения из Символа Веры были удалены из евангельского рассказа об Иисусе, выросшем в еврейской семье в деревенском пригороде Назарета. Позднее я выяснил, что даже евреи, обращенные в христианскую веру - они могли бы сделать более основательным рассказ о жизни Иисуса на еврейской земле - не были приглашены на Халкедонский собор, на котором принимался Символ Веры.

Мы, неевреи, постоянно сталкиваемся с опасностью оставить еврейские черты Иисуса, и даже его человеческие черты без внимания.

То, что мы создали своего собственного Иисуса, является историческим фактом. Когда я начал понимать Иисуса, то пришел к мысли, что, возможно, он провел свою жизнь среди евреев не просто для того, чтобы спасти американцев в двадцатом веке. У него единственного из всех людей была возможность выбирать, где и когда родиться, и он выбрал набожную еврейскую семью, живущую в отдаленной провинции языческой империи. Я могу представить себе Иисуса, не принимая во внимание то, что он был евреем, легче, чем Ганди, не принимая во внимание то, что он был индийцем. Мне придется вернуться назад, далеко назад, и изобразить Иисуса как еврея первого века нашей эры с браслетом на его запястье и пылью Палестины на его сандалиях.

Мартин Бьюбер (Бубер) сказал: "Мы, евреи, знаем [Иисуса] - с его порывами и эмоциями настоящего еврея - с такой стороны, которая остается недоступной пониманию неевреев". Он, конечно, прав. Чтобы понять жизнь Иисуса, как и жизнь любого другого человека, я должен что-нибудь узнать о его семье, культуре и обстановке, в которой он жил.

Следуя этому принципу, Матфей начинает свое Евангелие не так, как можно было бы предположить, слоганом о том, "как эта книга изменит Вашу жизнь", а наоборот - сухим списком имен,

генеалогическим древом Иисуса. Матфей выбрал представительный список, состоящий из двадцати двух поколений евреев с целью показать королевскую ветвь в роду Иисуса. Так же как предки свергнутых королей Европы, крестьянская семья Марии и Иосифа могла проследить свою родословную до нескольких впечатляющих предков, включая величайшего короля Израиля Давида и истинного его основателя Авраама (Список, представленный Матвеем (Матфеем), раскрывает еще несколько семейных тайн. Приглядимся к именам упомянутых в нем женщин (редкость для еврейской генеалогии). Как минимум, трое из них были иностранками, что, возможно, было приемом, с помощью которого Матфей намекал на то, что Иисус обращался ко всему миру. В жилах еврейского мессии текла кровь неевреев!) Фамари, бездетной вдове, пришлось переодеться проституткой и соблазнить своего тестя, чтобы внести свою лепту в родословную Иисуса. Рахиль не просто претворялась, а действительно была проституткой.

Иисус вырос в то время, когда возрождалось "еврейское самосознание". В качестве контрмеры, направленной против насильственного распространения греческой культуры, семьи стали давать детям имена, напоминавшие о временах патриархов и исхода из Египта (в отличие от коренных американцев, которые предпочитают африканские или испанские имена). Так, Мария была названа в честь Мириам, сестры Моисея, а Иосиф получил свое имя в честь одного из двенадцати сыновей Иакова, одного из четырех братьев Иисуса.

Имя Иисуса происходит от слова иешуа - "он спасет" - обычное для того времени имя. (Как видно на примере бейсболистов высшей лиги, имя Иисус снова становится популярным среди латиноамериканцев). Его обычность, подобно сегодняшним именам "Боб" или "Джо" (Может быть можно заменить на русские "Иван" или "Петр"???), должно быть, резала евреям слух в первом веке нашей эры, когда они слушали слова Иисуса. Евреи не произносили священного имени БОГ, за исключением первосвященника, делавшего это раз в год, и даже сейчас ортодоксальные евреи осторожно произносят (spell - пишут??? В устной речи они стараются вообще избегать прямых упоминаний) только первую и последнюю буквы этого слова - Б_Г (В современной русской еврейской литературе используется аббревиатура: "Б-г"). Для людей, воспитанных в такой традиции, мысль о том, что обыкновенный человек с таким именем, как Иисус, может быть Сыном Божьим и Спасителем мира, казалась совершенно кощунственной. Иисус был человеком и, Бог свидетель, сыном Марии.

Знаки того, что Иисус принадлежал к еврейскому народу, встречаются нам в Евангелиях на каждом шагу. В детстве Иисусу сделали обрезание. Важно, что одна сцена, взятая из описания детства Иисуса, изображает его семью, присутствующую на традиционном празднике в Иерусалиме, в нескольких днях пути от родного города Иисуса. Будучи взрослым, Иисус молился в синагоге и храме, следуя еврейским обычаям, и говорил на языке, понятном его спутникам евреям. Даже его споры с другими евреями, такими как фарисеи, подчеркивали тот факт, что они ожидали от него, что он примет их ценности и будет поступать как они.

Как отметил немецкий теолог Юрген Мольтманн, если бы Иисус жил во времена Третьего Рейха, весьма вероятно, что его бы сожгли как других евреев или отправили в газовую камеру. Погром, имевший место в его время, избиение Иродом младенцев, был направлен непосредственно против Иисуса.

И "жена Урии", Вирсавия, была предметом страсти Давида, что привело к большинству (ко многим?) известных скандалов, разыгравшихся в Ветхом Завете вокруг царского трона. Сомнительное поведение этих предков Иисуса говорит о том, что он вступил в человеческую историю в жестокое время, добровольный наследник их позора. Напротив, генеалогия Ирода Великого, в правительство которого родился Иисус, была затемнена его тщеславием, поскольку он не желал делить ни с кем свое происхождение.

Один из моих знакомых раввинов сказал мне, что христиане воспринимают страдания Иисуса на кресте, "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" как момент глубокого разногласия между

Отцом и Сыном; евреи же воспринимают эти слова как предсмертный крик любого другого еврейского мученика. Иисус был не первым и не последним евреем, который выкрикивал слова псалмов во время пытки.

Однако за несколько поколений, сменившихся при (после) жизни Иисуса, произошла странная перемена. За редким исключением, евреи перестали следовать за ним, и церковь стала исключительно нееврейской. Что же произошло? Мне кажется очевидным, что Иисусу не удалось соответствовать тем представлениям о Мессии, которые были у евреев.

Невозможно переоценить важность слова Мессия среди верующих евреев. Рукописи Мертвого Моря, обнаруженные в 1947 году, подтверждают, что кумранское общество ожидало грядущего появления какого-нибудь Мессии, каждый день оставляя для него свободное место во время трапезы. В высшей степени дерзко было бы предположить, что маленькая провинция, втиснутая между великими державами, могла породить всемирного правителя, но евреи, тем не менее, в это верили. Они делали ставку на будущего царя, который вернет их нации былое величие.

При жизни Иисуса, идея восстания витала в воздухе. Время от времени появлялись псевдо-мессии, возглавлявшие мятежи, обреченные на то, чтобы быть жестоко подавленными. В качестве примера возьмем пророка, известного как "Египтянин", увлекавшего толпы людей в пустыню и утверждавшего, что по его повелению стены Иерусалима падут; римский правитель послал за ним отряд солдат, которые уничтожил четыре тысячи мятежников.

Когда распространился другой слух о том, что в пустыне объявился долгожданный пророк, толпы народа отправились туда, чтобы посмотреть на дикого человека, облаченного в шкуру верблюда. "Не я Христос", - настаивал Иоанн Креститель, который продолжал будить надежды, говоря в экзальтированных выражениях о том, чье явление грядет. Вопрос, Иоанна обращенный к Иисусу: "Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?" - был в прямом смысле слова вопросом века, который произносился повсюду.

Каждый иудейский пророк учил, что однажды Бог установит свое царство на земле, и поэтому слухи о "Сыне Давида" так воспламеняли сердца евреев. Бог должен был лично доказать, что Он не оставил их. От Него ожидали, чтобы Он, как восклицал Исаия: "...расторг небеса и сошел! горы растаяли бы от лица Твоего, как от плавящего огня, ... от лица Твоего содрогнулись бы народы".

Но давайте будем говорить откровенно. Когда некий "Джон" (Иван???), о котором говорил пророк, появился на сцене, горы не растаяли, и народы не содрогнулись. Иисусу не удалось оправдать чрезмерные надежды евреев. Случилось обратное: римляне стерли Иерусалим с лица земли на памяти одного поколения. Молодая христианская церковь восприняла разрушение храма как знак того, что соглашение между Богом и Израилем расторгнуто, и после первого века нашей эры лишь очень немногие евреи приняли христианство. Христиане присвоили еврейские Книги, переименовав их в "Ветхий завет", и искоренили многие еврейские обычаи.

Отвергнутые церковью, обвиненные в смерти Иисуса, некоторые евреи развили ответную агитацию против христиан. Они распустили слух, что Иисус был незаконнорожденным сыном Марии и некого римского солдата, и написали злую пародию на Евангелие. Иисус был повешен накануне Пасхи потому, как сообщалось в одной из версий, что "занимался колдовством и обманывал и вводил в заблуждение Израиль". Человек, чье рождение ангелы приветствовали провозглашением мира на земле, стал величайшим предметом спора в человеческой истории.

Несколько лет назад я познакомился с десятью христианами, десятью евреями и десятью мусульманами в Новом Орлеане. Психиатр и писатель М. Скотт Пек пригласил нас туда, чтобы выяснить, сможем ли мы преодолеть наши разногласия и образовать своего рода коммуну.

Представители каждого вероисповедания исполняли свои обряды - мусульмане по пятницам, евреи по субботам, христиане по воскресеньям - в которых всем остальным было предложено участвовать. Обряды имели поразительное сходство и напоминали нам, как много общего между тремя религиями. Вероятно, причина глубины разногласий между тремя традициями лежит в их общем наследии: семейные споры всегда самые непримиримые, а гражданские войны - самые кровавые.

В Новом Орлеане я выучил новое слово: суперсессионизм (от англ. supersede - отвергать, не принимать). Евреям была невыносима мысль о том, что христианская вера вытеснила иудаизм. "То, что моя религия якобы должна отправиться в дом престарелых, я считаю историческим недоразумением, - сказал один из них: мне режет слух выражение "Ветхозаветный Бог" или вообще, если на то пошло, "Ветхий" Завет". Кроме того, христиане позаимствовали слово Мессия или, по крайней мере, его греческий эквивалент - "Христос". Один раввин рассказал мне о том, как рос в ортодоксальном еврейском семействе в маленьком городке в Штате Вирджиния. Каждый год христиане просили его отца, уважаемого члена общины (который, к тому же, будучи евреем, имел беспристрастное мнение по этому поводу), оценить красоту рождественских гирлянд и решить, какие дома достойны приза. В детстве этот раввин проходил вместе с отцом мимо каждого дома в городе, с интересом и непониманием разглядывая гирлянды рождественских фонариков (англ. Christ-mas lights), т.е. дословно: фонариков мессии.

Я и не представлял себе, что мусульмане относятся к обеим религиям как к силам, подменившим ислам. По их мнению, также как христианство произошло от иудаизма и включило в себя некоторые его части, так и ислам произошел от обеих религий и включил в себя их части. Авраам был пророком, Иисус был пророком, но Магомет был Настоящим Пророком. Ветхий Завет, также как и Новый Завет, имеют право на существование, но Коран является "последним откровением". Слушая рассуждения в таком тоне о моей собственной религии, я понял, как чувствовали себя евреи две тысячи лет назад.

Кроме того, выслушав, как представители трех религий понимают различия между ними, я понял, как велики изменения, произошедшие благодаря Иисусу. Обряды мусульман в основном состояли из благоговейных молитв, обращенных ко Всевышнему. Еврейские обряды включали чтения из Псалмов и Торы, а также некоторые проникновенные песнопения. Любые из этих элементов можно обнаружить и в христианской службе. То, что отличало нас от других, было Причастие. "Сие есть тело мое", - произносил наш предводитель, прежде чем раздать просфоры - тело Христа, точка расхождения.

Когда мусульмане завоевали Малую Азию, они превратили многие христианские церкви в мечети, вырезая на стенах следующие строгие надписи, чтобы предотвратить любое упоминание о христианах: "Бог не рожден и Сам не был Отцом". Такую же фразу можно написать и на стене синагоги. Великий перелом в истории следует искать в Вифлееме и Иерусалиме. Был ли Иисус действительно Мессией, Сыном Божиим?

Как объяснили мне евреи в Новом Орлеане, Мессия, который умирает в возрасте тридцати трех лет, нация, которая приходит в упадок после смерти ее Спасителя, мир, который становится все более разобщенным - эти факты отнюдь не свидетельствуют в пользу Иисуса в глазах его соплеменников.

Однако, несмотря на две тысячи лет раздоров, несмотря на все, что произошло в этом веке насилия и антисемитизма, интерес к фигуре Иисуса среди евреев не угасает. Когда в 1925-ом году еврейский ученый Йозеф Клаузнер решил написать книгу об Иисусе, он смог найти только три полноценных сочинения, написанных еврейскими учеными того времени. Теперь подобных сочинений тысячи, включая самые яркие из тех, что существуют. Современным еврейским школьникам рассказывают, что Иисус был великим учителем, возможно, самым великим еврейским учителем, который впоследствии был признан неевреями.

Можно ли читать Евангелие без предрассудков? Евреи читают его с подозрением, готовясь быть опозоренными. Христиане читают Евангелие через призму церковной истории. И тем и другим, как мне кажется, стоит остановиться и поразмышлять над первыми словами из Евангелия от Матфея:

"Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова". Сын Давида говорит о мессианских предках Иисуса, которых евреям не следует игнорировать; "название, от которого он бы не отказался даже во спасение своей жизни, не могло не иметь для него большого значения", - отмечает К. Х. Додд (Ч. Г. Додд). Сын Авраама говорит о еврейских предках Иисуса, которых мы, христиане, также не имеем права игнорировать. Ярослав Пеликан пишет:

Разве было бы столько антисемитизма, разве было бы столько погромов, разве был бы Аушвиц, если бы каждая христианская церковь и каждая христианская семья переосмыслили свои молитвы к Марии и изображали ее на иконах не только как Матерь Божию и Царицу Небесную, но и как еврейскую девушку и новую Мариам, а Иисуса на его иконах не только как Пантократора, но и как Рабби Иешуа бар-Йозеф, Раввина Иисуса из Назарета?

В молодости я не знал ни одного еврея. Теперь знаю. Я знаю кое-что об их культуре. Я знаю о верности традициям, благодаря которым священные праздники остаются актуальными даже для семей, уже давно не верящих в их значение. Знаю страстные аргументы, которые поначалу отпугивали меня, но скоро привлекли как своего рода личное обязательство. Знаю об их уважении, даже почтении перед законностью, и это в обществе, как правило, предпочитающем независимость.

Знаю о традиции гуманитарных наук, которые помогли сохранить их культуру, вопреки безжалостным попыткам остальных уничтожить ее. Знаю об их способности брать друг друга под руку и танцевать и смеяться даже тогда, когда мир дает мало поводов для веселья.

Это была культура, в которой вырос Иисус, еврейская культура. Да, он изменил ее, но точкой отсчета для него всегда был тот факт, что он еврей. Теперь, когда я спрашиваю себе, каким был Иисус в подростковом возрасте, я думаю еврейских мальчиков, которых я знал в Чикаго. И когда меня коробит от этой мысли, я вспоминаю, что в свое время Иисус вызывал обратную реакцию. Еврейский мальчик - конечно, но Сын Божий?

Иисус выбирал не только расу, он также выбирал время и место рождения. История стала, по словам Бонхеффера "утробой для рождения Бога". Почему именно этот исторический момент? Иногда я удивляюсь, почему Иисус не появился в наше время, когда он мог бы воспользоваться средствами массовой информации. Или раньше, во времена Исаии, когда все также ожидали появления Мессии, и Израиль еще был независимой нацией? Почему первый век нашей эры оказался подходящим временем для сошествия Бога в мир?

Каждый век имеет свое основное настроение: светлая уверенность девятнадцатого века, хаос насилия двадцатого века. Во времена рождения Иисуса, в годы расцвета Римской Империи, царили надежда и оптимизм. Как Советский Союз до его распада или Британская Империя при Королеве Виктории, Рим нес мир на острие меча, в общем и целом, даже покоренные народы объединялись. Так было везде, кроме Палестины.

Во времена Иисуса надежды возлагались на "новый мировой порядок". Эту фразу, звучащую как слова пророка из Ветхого Завета, придумал Вергилий, утверждавший, что "новая человеческая раса сойдет с небесных высот", перемены, которые последуют за этим, приведут к "рождению ребенка, которое ознаменует конец железного века человечества и начало золотого века". Вергилий, конечно, написал эти пророческие слова не об Иисусе, а о Цезаре Августе, "живом божестве", "восстановителе мира", которому удалось воссоединить империю после гражданской войны, разгоревшейся из-за убийства Юлия Цезаря.

С точки зрения лояльных римских граждан, Август дал народу мир, безопасность, развлечения: короче говоря, хлеб и зрелища. Pax Romanum гарантировал жителям, что они защищены от внешних врагов и могут пользоваться благами римской юстиции государственного управления. А между тем,

греческая душа постепенно заполняла римское тело. Люди по всей империи одевались как греки, строили свои здания в греческом стиле, занимались греческим спортом и говорили по-гречески. Везде, кроме Палестины.

Палестина, единственная жертва, которую не могла переварить анаконда, безмерно раздражала Рим. В противоположность римской терпимости в религиозном отношении, евреи крепко держались за свое представление о едином Боге, их Боге, который открыл им особую культуру как Избранным Людям. Уильям Барклей (Баркли) так описывает, что происходило, когда сталкивались эти два общества: "Простым историческим фактом является то, что за тридцать лет с 67 по 37 год до Р. Х., до появления Ирода Великого, не менее ста пятидесяти тысяч человек в Палестине погибло во время революционных восстаний. В мире не было более нестабильной и взрывоопасной страны, чем Палестина."

Евреи встретили эллинизацию (навязанную греческую культуру) так же свирепо, как сражались с римскими легионами. Раввины поддерживали эту антипатию, напоминая евреям о попытках одного сумасшедшего из царской династии Селевкидов по имени Антиох эллинизировать евреев, имевших место более века назад. Он заставил их сделать операции, устраняющие обрезание, чтобы они могли обнаженными принимать участие в греческих атлетических соревнованиях. Он заперол священника до смерти за отказ есть свинину, и убил мать и ее семь сыновей за то, что они не поклонились идолу. Он совершил отвратительный акт вандализма: ворвавшись в Святое-святых храма, он принес в жертву нечистую свинью на алтаре в честь греческого бога Зевса и вымазал алтарь ее кровью.

Мероприятие Антиоха с треском провалилось, подняв евреев на открытый мятеж под предводительством маккавеев. (Евреи до сих пор отмечают праздник обновления, ханука, в память об этой победе.) Действительно, более века маккавеи удерживали иностранных захватчиков, пока неумолимая сила Римской империи не сломила Палестину. Римской империи потребовалось более тридцати лет, чтобы уничтожить все следы восстания; затем они посадили на трон местного правителя Ирода в качестве их собственного марионеточного "Царя евреев". Глядя на то, как римляне убивают женщин и детей в их домах, на рынках и даже в храме, он сказал одному командиру:

"Римляне что, собираются лишить город всех его жителей и имущества и сделать меня царем пустыни?" Почти. Ко времени, когда Ирод взшел на трон не только Иерусалим, но и вся остальная страна лежали в руинах.

Ирод Великий еще был у власти, когда родился Иисус. Под его железной пятой Палестина оставалась относительно спокойной, для продолжительной войны у евреев уже не хватало ни силы духа, ни средств. Землетрясение, произошедшее в 31 году до Р. Х., уничтожило 30000 человек и много скота, что привело к еще большему разорению. Евреи называли такого рода трагедии "муками Мессии" и молили Бога послать им спасителя.

Сейчас, когда Советская империя распалась, трудно найти современный аналог той сложной ситуации, в которой оказались евреи под властью римлян. Может быть Тибет под управлением Китая? Или негры в Южной Африке до того, как они получили свободу от закона о меньшинствах? Самая провокационная мысль посещает тех, кто побывал в современном Израиле и невольно заметил схожесть в положении Галилейских евреев во времена Иисуса и Палестинцев в наше время. И те и другие обслуживали экономические интересы своих более богатых соседей. И те и другие жили в маленьких селениях, лагерях беженцев, в окружении чужой и более прогрессивной культуры. И те и другие переносили нападки, дискриминацию и комендантский час.

Как заметил Малкольм Маджеридж в 1970 году: "Израильская армия взяла на себя роль римских легионеров. Теперь арабы оказались в положении угнетенного народа; хотя они и имеют право посещать свои мечети и исполнять свои религиозные обряды, как евреи при жизни Иисуса, с ними все равно обращаются как с гражданами второго сорта".

Кроме того, обе группы, современные Палестинцы и Галилейские евреи, охотно прислушиваются к зачинщикам, призывающим к вооруженному восстанию. Представьте себе современный Средний Восток со всем его насилием, интригами и враждующими партиями. Вот в такой взрывоопасной обстановке и был рожден Иисус.

Путь из Иудеи в Галилею в весеннее время - это путь из мира коричневых красок в царство зеленых, из засушливой, каменистой местности в едва ли не самую богатую растительностью область Средиземноморского бассейна. Фрукты и овощи растут здесь в изобилии, рыбаки выходят в Галилейское море, а на западе, за чередой холмов видна сверкающая синь самого Средиземного моря. Родной город Иисуса Назарет, такой захолустный, что он даже не попадает в число шестидесяти трех городов, упомянутых в Талмуде, лежит на склоне одного из холмов, на высоте 1300 футов над уровнем моря. С вершины холма взгляду открывается широкая панорама всей местности от горы Кармель на океанском побережье до снежной вершины горы Хермон на севере.

Галилея привлекает своими плодородными землями, живописными видами и мягким климатом, и совершенно ясно, что Иисус провел свое детство здесь. Полевые цветы и сорняки, растущие прямо посреди посаженных злаков, трудоемкий способ молотить пшеницу, фиговые деревья, виноград, покрывающий склоны холмов, поля, созревшие для жатвы - все это потом отразится в его притчах и сказаниях. Пожалуй, можно сказать, что некоторые характерные черты Галилеи не были показаны. Всего лишь в трех милях к северу, располагался хорошо видный из Назарета, сияющий город Сепфорис, который как раз в то время отстраивался заново. Соседи Иисуса - возможно и его отец - были заняты там на строительных работах.

Большую часть жизни Иисуса строительные бригады трудились над созданием этой прекрасной греко-романской метрополии, с ее характерными колоннадами улиц, форумом, дворцом, купальней, а также гимназией, роскошными виллами, построенными сплошь из белого известняка и покрашенными под мрамор. Во внушительном театре, вмещавшем четыре тысячи зрителей, греческие актеры, или *hýrosçites*, развлекали многонациональные толпы. (Позднее Иисус позаимствовал это слово для описания людей, играющих на публику (лицемеров??)). При жизни Иисуса Сепфорис был столицей Галилеи, уступая по своему значению во всей Палестине только Иерусалиму. Однако в Евангелиях ни разу не сказано, что Иисус посетил или хотя бы упомянул этот город. Не был он также и в Тиберии, зимней резиденции Ирода, расположенной неподалеку, на берегу Галилейского озера. Он избегал центров, где царили благополучие и политическая мощь.

Хотя Ироду Великому удалось сделать Галилею самой процветающей провинцией в Палестине, только немногие пожинали плоды этого успеха. Безземельные крестьяне по большей части находились в услужении у богатых землевладельцев (еще один факт, нашедший отражение в притчах Иисуса). Эпидемии или неурожаи, следствия плохой погоды, причиняли ущерб большинству семей. Мы знаем, что Иисус вырос в бедности, его семья не могла позволить себе принести в жертву в храме ягненка и отдавала вместо этого пару голубок или голубей.

Галилея слыла местностью, чей климат был благоприятен для революционеров. В 4 году до Р.Х., примерно в то время, когда родился Иисус, один из мятежников взломал арсенал в городе Сепфорисе и ограбил его, чтобы вооружить своих соратников. Римские войска отбили город и сожгли его - вот причина того, почему он восстанавливался - распяв две тысячи евреев, которые принимали участие в восстании. Десять лет спустя другой мятежник по имени Иуда поднял бунт, призывая своих земляков не платить налоги языческому римскому императору. Он способствовал основанию партии зелотов, которая тревожила римские власти следующие шестьдесят лет. Двое из сыновей Иуды были распяты после смерти Иисуса, а его последний сын окончательно отбил крепость Масада (крепость Масаду) у римлян, поклявшись защищать ее, пока жив хоть один еврей. В конечном итоге, 960 еврейских мужчин, женщин

и детей предпочли покончить с собой, чем сдаться римлянам. Жители Галилеи были свободолюбивы до мозга костей.

Несмотря на все ее процветание и политическую активность, Галилея снискала мало уважения у всей остальной страны. Это была самая удаленная от Иерусалима провинция и самая отсталая в культурном плане. Церковная литература того времени изображает жителей Галилеи мужланами, представляющими собой мишени для анекдотов на национальной почве. Те из них, кто учил Иврит, имели такое грубое произношение, что их никогда не приглашали читать Тору в других синагогах. Если человек небрежно говорил даже на арамейском наречии, это было отличительным знаком его галилейского происхождения (как однажды обнаружил Симон Петр, когда его выдал провинциальный акцент). Арамейские слова, сохранившиеся в Евангелиях, являются свидетельством того, что Иисус тоже говорил на этом северном диалекте, без сомнения вызывая этим скептическое отношение к себе. "Разве из Галилеи Христос придет?" "Из Назарета может ли быть что доброе?"

Другие евреи относились к Галилее как к воплощению духовной распущенности. Один из фарисеев, после одиннадцати бесплодных лет, сокрушался: "Галилея, Галилея, ты ненавидишь Тору!" Никодим, выступавший на стороне Иисуса, вынужден был замолчать, когда в его сторону был брошен упрек: "И ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк". Родные братья Иисуса ободряли его: "Выйди отсюда и пойдешь в Иудею". При том, что центр религиозной власти располагался в Иерусалиме, Галилея казалась наиболее неподходящим местом для явления Мессии.

Когда я читаю Евангелия, я пытаюсь мысленно перенести себя назад, в те времена. Как бы я отреагировал на угнетения? Попытался ли бы я быть образцовым гражданином, ни во что не соваться, спокойно жить самому и давать жить другим? Увлекли бы меня ярые мятежники, вроде zelotim? Стал ли бы я отстаивать свои интересы более нечестными способами, возможно, избегая уплаты налогов? Или, быть может, я бросил бы все силы на участие в каком-нибудь религиозном движении, сторонясь политических дискуссий? Какой тип еврея выбрал бы я для своей жизни в первом веке.

В то время в Римской империи жило восемь миллионов евреев, и только чуть больше четверти из них населяли собственно Палестину, и иногда они испытывали терпение римлян до последнего. Римляне сжигали евреев-"безбожников" за их отказ поклоняться греческим и римским богам и относились к ним как к неполноценным членам общества из-за их странных обычаев: евреи отказывались есть "нечистую" еду своих соседей, избегали любой работы по вечерам в пятницу и субботу, и пренебрежительно относились к гражданскому долгу. Несмотря на это, Рим утвердил за иудаизмом статус официальной религии.

Во многих отношениях, те невзгоды, которые выпадали на голову еврейских лидеров, напоминали бедственное положение русских церквей во время правления Сталина. Они могли выбрать сотрудничество, что означало прерогативу вмешательства правительства в дела церкви, либо они могли избрать свой собственный путь, что означало жестокие гонения. Ирод великий вполне подходил под сталинскую модель, держа религиозную общину в постоянном страхе, наблюдая за ней с помощью целой сети шпионов. "Он менял своих Первосвященников так, словно это было платье его гардероба", - сказал один еврейский писатель.

В ответ на это евреи разбились на партии, которые пошли по разным путям: сотрудничества или сепаратизма. Это были те партии, которые потом последуют за Иисусом, будут слушать его речи, проверять его, снимать с него мерку.

Ессеи были самыми независимыми из всех. Будучи пацифистами, они не оказывали активного сопротивления ни Ироду ни римлянам, а, наоборот, собирались в монашеские общины и удалялись в пещеры бесплодной пустыни. Убежденные в том, что нашествие римлян ниспослано на них в качестве кары за несоблюдение ими Закона, они посвятили себя непорочности. Ессеи каждый день совершали ритуальное омовение, соблюдали строгую диету (строгий пост???), чтити субботу, не носили украшений,

не клялись, и все материальные блага у них были общими, они надеялись на то, что их вера ускорит приход Мессии.

Зелоты (Зилоты), исповедовавшие другую стратегию независимости, выступали за вооруженный мятеж против "нечистых" чужеземцев. Одно крыло зелотов (зилотов) специализировалось на террористических актах против римлян, тогда как другое действовало по типу "полиции нравов", держа соотечественников-евреев в рамках нравственности. По одной и ранних версий об этнических чистках, зелоты (зилоты) объявили, что каждый, вступивший в брак с женщиной другой расы, будет подвергнут линчеванию. В годы влияния Иисуса наблюдатели несомненно отметили бы, что в группу его последователей входил также зелот Симон. С одной стороны, социальные контакты Иисуса с "нееврейями" и чужеземцами, не говоря уже о притчах о добром самаритянине, должны были привести шовинистически настроенных зелотов (зилотов) в бешенство.

С другой стороны, коллаборационисты пытались развивать свою деятельность внутри самой системы. Римляне облекли официальными полномочиями еврейский совет, называемый Синедрион, и, в благодарность за возвращенные ему привилегии, Синедрион сотрудничал с римлянами, выявляя малейшие намеки на восстание. В интересах Синедриона было предотвратить мятежи и те жестокие репрессии, которые бы непременно за ними последовали.

Еврейский историк Иосифус рассказывает об одном крестьянине-мятежнике, который, агитируя толпу, выкрикивал "горе Иерусалиму" в разгар народных празднеств. Синедрион попытался применить к нему санкции, но это оказалось бесполезным, и он вынужден был обратиться к римскому правительству за должным возмездием. С крестьянина была до кости содрана кожа, и мир был восстановлен. По той же причине Синедрион послал своих представителей допросить Иоанна крестителя и Иисуса. Были ли они и вправду движимы побуждением сохранить спокойствие? Если да, то стоило ли им обращаться к римлянам. Каифа, Первосвященник, великолепно сформулировал точку зрения коллаборационистов: "...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб".

Саддукеи были наиболее яркими коллаборационистами. Они первыми прошли процедуру эллинизации и, затем, сотрудничали по очереди с маккавеями, римлянами и теперь - с Иродом.

Исповедуя гуманную веру (вероятно, подразумевается гуманистическая вера, отвергающая чудеса и сосредоточенная на человеке), саддукеи не верили в загробную жизнь, или в божественное вмешательство в происходящее на земле. То, что происходит, происходит, и, поскольку в будущем не существует никакой системы воздаяния и кары, человек вправе наслаждаться, как может, временем, отведенным ему на земле. Роскошные жилища, серебряная и золотая кухонная утварь, обнаруженная археологами, свидетельствуют о том, что саддукеи действительно в достаточной мере радовались жизни. Из всех партий, существовавших в Палестине, главе саддукеев, как никому другому, было, что терять в случае изменения положения дел.

Популярная среди представителей среднего класса партия фарисеев часто занимала выжидающую позицию, балансируя между сепаратизмом и коллаборационизмом. Фарисеи придерживались высоких образцов непорочности, особенно в таких вещах, в таких вещах, как соблюдение субботы, ритуальная чистоплотность и точное соблюдение постов. С евреями, нарушающими эти ритуалы, они обращались, как с "нееврейями", не допуская их в местные советы, бойкотируя их деятельность и подвергая их гонениям и остракизму. Однако фарисеи уже получили свою долю преследований: в один из дней восьмьсот фарисеев в мгновение ока были распяты на кресте. Хотя фарисеи страстно верили в Мессию, они не спешили следовать за каждым самозванцем или любителем творить чудеса, который мог навлечь на нацию бедствия.

Фарисеи вели борьбу осторожно, рискуя своей жизнью только в случае крайней необходимости. Однажды Понтий Пилат попытался нарушить заключенное с евреями соглашение о том, что римские войска не вступят в Иерусалим с флагами, на которых будет изображен образ ("икону") императора.

Фарисеи расценили этот поступок как акт идолопоклонства. В знак протеста толпа евреев, в большинстве своем состоящая из фарисеев, обступила дворец Пилата и в течение пяти дней и ночей продолжала что-то вроде сидячей забастовки, плача и умоляя его изменить решение. Пилат отправил их на ипподром, где в засаде ожидали солдаты, и каждому, кто не прекратит свои мольбы, грозила смерть. Все как один они пали ниц, обнажили свои шеи и объявили, что они готовы скорее умереть, чем дать нарушить свои законы. Пилат отступился.

Когда я рассматриваю каждую из этих групп, то прихожу к выводу, что самой привлекательной партией для меня могла бы быть партия фарисеев. Я бы восхищался их прагматическим отношением к власти имущим, уравновешенным их готовностью отстаивать свои принципы. Будучи людьми порядка, фарисеи порождали из своей среды хороших граждан. (Ученые не могут прийти к общему мнению, почему Евангелия отмечают так много конфликтов между Иисусом и фарисеями, тогда как у него было гораздо больше общего с ними, чем с саддукеями, ессеями или зелотами. Одним из объяснений этого факта может быть то, что Евангелия были написаны спустя несколько десятилетий после смерти Иисуса. К тому времени Иерусалим был разрушен, и остальные партии, по всей вероятности, исчезли. Вполне объяснимо, что евангелисты сконцентрировались на единственном выжившем противнике, представляющем угрозу для христианства, на фарисеях.) Радикалы вроде ессеев и зелотов (зилотов) действовали бы мне на нервы; саддукеи были бы мне смешны как оппортунисты. Поэтому, симпатизируя фарисеям, я бы стоял в толпе слушателей Иисуса, наблюдая за тем, как он пытается найти ответ на злободневные вопросы.

Одержал бы Иисус надо мной победу? Как бы мне ни хотелось, я не могу дать простого ответа на этот вопрос. Время от времени Иисусу удавалось смутить каждую из групп и вызвать их враждебное отношение. Он не придерживался ни сепаратизма, ни коллаборационизма, радикально смещая акценты с царства Ирода или Цезаря на Царство Божие.

С нашей сегодняшней точки зрения может показаться сложным выделить нюансы, которые отличали одну партию от другой или понять, почему разгорелась полемика из-за столь незначительных аспектов в учении Иисуса. Несмотря на все их различия, ессеи, зелоты (зилоты), фарисеи и даже саддукеи преследовали одну цель: сохранить все, что было истинно еврейским, о чем бы ни шла речь. Для осуществления этой цели Иисус представлял собой угрозу, и я уверен в том, что тоже ощутил бы эту угрозу.

Поэтому евреи возводили подобие стены вокруг своей культуры, в надежде уберечь свою маленькую нацию больших идеалов от язычников, окружавших ее со всех сторон. Мог ли Бог освободить их от Рима, как однажды он освободил их от Египта? Одно из поверий гласило, что если весь Израиль будет каяться от восхода до заката, или если весь Израиль по всем канонам соблюдет хотя бы две субботы, тогда вскоре придет спасение в лице Мессии. Некоторое духовное возрождение, стимулированное строительством нового роскошного храма, действительно приближалось. Возведенный на огромном основании, которое возвышалось над всем Иерусалимом, храм стал средоточием национальной гордости и надежды на будущее.

Я, подобно другим евреям, осудил бы высказывания Иисуса об официальной власти, о соблюдении субботы и о храме, потому что они противоречили этому оптимизму. Как бы я мог примирить мое уважение к ценностям семьи с высказыванием вроде: "Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником". Что Иисус хотел этим сказать? Понятно, что высказывание "могу разрушить храм Божий и в три дня создать его", переданное официальному Синедриону, воспринималось не как пустое бахвальство, а как форма кощунства и даже государственной измены, измены тому сокровенному, что спланивало евреев. Прощение грехов, которое предлагал Иисус, казалось Синедриону совершенно

неуместным, как неуместен сегодня человек, предлагающий кому-либо достать паспорт или разрешение на строительство. Кем он себя возомнил, что пытается присвоить себе права всей церковной системы?

Как выяснилось, страхи евреев по поводу полного краха их культуры оказались полностью обоснованными. Не Иисус, а другая харизматическая личность возглавила восстание, которое, в конце концов, в 70 году нашей эры привело к тому, что римляне разрушили храм и стерли Иерусалим с лица земли. Город будет позднее отстроен как римская колония с храмом в честь бога Юпитера на месте снесенного еврейского храма. Евреям было под страхом смерти запрещено входить в город. Рим положил начало эмиграции, которая не закончилась и по сей день, навсегда изменив лицо Иудаизма.

Глава 4 Испытание: откровенный разговор в пустыне

Любовь подчиняется и повелевает только теми, кто подчиняется. Любовь это отречение. Бог это отречение.

Симона Вейл

Евангелия утверждают, что Иисус, еврей, выросший в окрестностях Галилеи, был никто иной, как Сын Божий, посланный с небес, чтобы возглавить борьбу со злыми силами. Принимая во внимание такую миссию, немедленно задаешься определенными вопросами о том, были ли в этой миссии приоритеты. Во главе списка стоят природные бедствия: если Иисус обладал властью исцелять болезни и воскрешать умерших, почему бы не взяться за решение нескольких макро-проблем вроде землетрясений и ураганов, а, может, и за весь зловеющий рой мутирующих вирусов, настоящее бедствие для земли?

Философы и теологи возлагают вину за многие из все еще существующих на земле несчастий на последствия человеческой свободы, которая поднимает целый ряд новых вопросов. Может быть, мы и вправду наслаждаемся слишком большой свободой? У нас есть свобода вредить друг другу и убивать друг друга, вести всемирные войны, грабить нашу планету. Мы даже обладаем свободой бросать вызов Богу, жить безо всяких ограничений, словно окружающего нас мира не существует. По крайней мере, Иисус мог придумать какую-нибудь неопровержимое доказательство, которое заставило бы замолчать всех скептиков, решительно передав остальное в руки Бога. Такого, как он есть, Бога легко отрицать и пренебрегать им.

В юности первый "официальный" поступок Иисуса, когда он ушел в пустыню, чтобы встретиться с обвинителем лицом к лицу, предоставил ему возможность адресовать к кому-либо эти проблемы. Сам Сатана испытал Сына Божьего нарушить правила и пойти по более простому пути ошеломления людей своим сиянием.

На кон на песчаных равнинах Палестины было поставлено больше, чем просто характер Иисуса; человеческая история висела на волоске.

Когда Джон Мильтон написал продолжение своей поэмы "Потерянный рай", он сделал именно Испытание, а не распятие переломным стремлении Иисуса завладеть миром. В Саду мужчина и женщина пережили грехопадение, соблазнившись на обещания Сатаны поднять их над тем положением, которое им определено. Тысячи лет спустя другой представитель - Второй Адам, по словам Павла - сталкивается с подобной проверкой, однако любопытно вывернутой наизнанку. Можешь ли быть подобным Богу? - спросил Змей в Эдеме; Можешь ли во истину быть человеком? - спросил искушитель в пустыне.

Когда я читаю историю испытания Иисуса дьяволом, мне приходит в голову, что, при отсутствии свидетелей, все известные нам подробности должны исходить от самого Иисуса. По какой-то причине Иисус чувствовал себя обязанным открыть своим ученикам этот момент борьбы и человеческой

слабости. Я полагаю, что искушение было неподдельным противоречием, а не ролью, которую разыгрывал Иисус по заранее подготовленному сценарию. Тот же самый искушитель, который нашел уязвимое место в Адаме и Еве, рассчитал свой выпад против Иисуса с чрезвычайной тщательностью.

У Луки происходящее имеет оттенок невысказанной до конца драмы. "Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал". Подобно воинам, вышедшим на поединок, два вселенских гиганта сошлись на пустынной сцене. Один, только начавший свою миссию на вражеской территории, пришел в ужасно ослабленное состояние. Другой, уверенный в себе и чувствующий себя как дома, завладел инициативой.

Мне не дают покоя некоторые подробности искушения. Сатана сказал Иисусу превратить камень в хлеб, предлагал ему все царства вселенной, побуждает его броситься с высокого купола, чтобы проверить заповедь Господа о неприкосновенности Иисуса. Где же зло в этих просьбах? Три искушения кажутся чем-то вроде прерогатив Иисуса, очень характерные черты ожидаются в Мессии. Почему бы Иисусу не увеличить количество хлебов до пяти тысяч, это была бы гораздо более впечатлительная демонстрация. Он мог бы также преодолеть смерть и воскреснуть, чтобы стать Царем Царей.

Три искушения не кажутся несущими зло сами по себе - и все же совершенно ясно, что в пустыне произошло что-то кардинально важное.

Английский поэт Жерар Мэнли Хопкинс представляет Искушение как нечто похожее на ознакомительную встречу между Иисусом и Сатаной. Под темным покровом Воплощения Сатана не был в точности уверен, был ли Иисус обыкновенным человеком или явлением Бога человеку, или ангелом с ограниченной властью, как он сам. Он провоцировал Иисуса на то, чтобы тот сотворил чудеса с той лишь целью, чтобы разведать, насколько силен его противник. Мартин Лютер, рассуждая о том, что в течение всей своей жизни Иисус "вел себя скромно, общался с грешными мужчинами и женщинами и, в конечном итоге, его никто не воспринимал всерьез", в связи с чем "дьявол не заметил и не узнал его. Ибо взор дьявола направлен вдаль; он ищет только чего-то большого и выдающегося и входит в него; он не смотрит вниз, себе под ноги".

В евангельских текстах каждый участник этого поединка относится к другому с некоторым осторожным уважением, словно два боксера, кружащиеся на ринге. Для Иисуса труднее всего было не поддаться искушению сразу. Почему бы просто не уничтожить искушителя, спасая человеческую историю от злодеяний? Иисус на это не пошел.

Со своей стороны, Сатана предложил сделку: его отказ от власти над миром в обмен на удовольствие ощущать свое превосходство над Сыном Божиим. Хотя Сатана сам предложил эти испытания, в конце концов, он же их и не выдержал. В двух испытаниях он просто попросил у Иисуса доказательств его личности; в третьем он требовал поклонения, на которое Бог никогда не согласится.

Искушение разоблачило Сатану, в то время, как Бог остался под маской. Если ты Бог, - сказал Сатана, - тогда порazi меня. Поступи так, как поступил бы Бог. Иисус ответил: Только Бог принимает подобные решения, и посему я ничего не сделаю по твоей команде.

В легких фильмах Вима Вендера об ангелах (Крылья желания; Даль близка), небесные создания обсуждают друг с другом с детской наивностью, на что это должно быть похоже: пить кофе, переваривать пищу, ощущать тепло и боль, чувствовать, как двигается твой скелет при ходьбе, чувствовать прикосновение другого человеческого существа, восклицать "ай!" и "ой!", поскольку не все известно заранее, жить минутами и часами и таким образом столкнуться с понятием "теперь", вместо простого и понятного "вечность". В возрасте тридцати лет или около того, когда Иисус впервые вышел на поединок с Сатаной в пустыне, он уже ощутил все эти "преимущества" человеческого бытия. Он уютно чувствовал себя в своей оболочке из кожи.

Когда я оглядываюсь на три искушения, я вижу, что Сатана предложил соблазнительный прогресс. Его искушения были обращены к доброму началу человеческого существа, а не к злomu: вкушать хлеб, не будучи подверженным строгим законам голода и земледельческого труда, рискнуть, не подвергаясь настоящей опасности, наслаждаться славой и силой, и в перспективе не оказаться в горьком одиночестве - одним словом, нести корону, а не крест. (Искушение, которое выдержал Иисус, до сих пор является объектом вождения многих из нас, его последователей).

Апокрифические Евангелия, признанные церковью ложными, делают предположение, что было бы, если бы Иисус не устоял перед искушениями Сатаны. Эти фантастические сочинения изображают младенца-Иисуса, делающего из глины воробьев, которых он мог оживить одним дыханием, и бросающего сушеную рыбу в воду, чтобы посмотреть, как она чудесным образом поплывет. Он превращал своих товарищей по детским играм в козлов, чтобы проучить их, и делал людей слепыми и глухими просто ради удовольствия их вылечить. Апокрифические Евангелия второго века нашей эры являются предшественниками современных комиксов. Их ценность заключается в том контрасте, который они образуют по отношению к настоящим Евангелиям, изображающим Мессию, который не использует чудодейственную силу для своей выгоды. Начиная с Искушений, Иисус выказал нежелание брать в руки бразды правления миром.

Малкольм Маджеридж во время съемок документального фильма в Израиле неожиданно для себя задумался над Искушением:

Как раз в самый подходящий момент для съемок, когда тени были достаточно длинными и свет не слишком слабым, я случайно заметил невдалеке целое поле камней, одинаковых, и необычайно похожих на буханки хлеба, коричневые и хорошо пропеченные. Как легко было бы Иисусу превратить эти каменные хлебы в съедобные, как, позднее, он превратил воду в вино на свадебном празднестве! Да, в конце концов, почему бы и нет? Римские власти раздавали бесплатный хлеб, чтобы поддержать авторитет империи Кесаря, и Иисус мог делать то же самое для поддержания своего авторитета...

Иисус мог по мановению руки сделать так, чтобы основой христианского мира стали не четыре сомнительных Евангелия, и не потерпевший поражение человек, прибитый к кресту, а принципы тщательного социально-экономического планирования. Любая утопия могла обратиться в реальность, любая надежда могла сбиться и любой сон стать явью. Каким благодетелем стал бы Иисус тогда. Ему бы в равной степени рукоплескала Лондонская Школа Экономки и Гарвардская Школа Бизнеса; статуя на Парламент Сквер, и еще большая на Капитолийском Холме, и на Ред Сквер... Вместо этого, он отверг такую возможность, сказав, что следует поклоняться только Богу.

По мнению Маджериджа, Искушение вращалось вокруг основного вопроса, возникавшего в сознании соотечественников Иисуса: Каким должен быть Мессия? Народный мессия, который превращал бы камни в хлеб, чтобы кормить толпы людей? Мессия Торы, возвышающийся во славе на вершине храма? Царь Мессия, правящий не только Израилем, но и всеми государствами земли? Короче говоря, Сатана предлагал Иисусу шанс стать громогласным Мессией, в котором, как нам кажется, мы нуждаемся. Конечно, в описании Маджериджа я узнаю Мессию, которого я себе представляю.

Мы готовы ко всему, кроме Страдающего Мессии, каким и был Иисус, с одной стороны. Сатана почти попал в яблочко, когда предложил Иисусу броситься с высоты вниз, чтобы проверить милость Божию. Однажды, в порыве гнева, Иисус бросил Петру строгий упрек: "Отойди от Меня, сатана! - сказал он: "...ты мне соблазн! Потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое". Петр возразил на предсказание Иисуса о страданиях и смерти: "Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с тобою", - и эта инстинктивная защитная реакция задела Иисуса за живое. По словам Петра, Иисус снова слышал обольщение Сатаны, искушавшего его ступить на более легкий путь.

Когда Иисуса прибили к кресту, он услышал последнее искушение. Преступник насмеялся над ним: "если Ты Христос, спаси себя и нас". Зрители подхватили крик: "Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему". Но ни помощи, ни чуда не было, не было легкого, безболезненного пути. Хотя Иисус спасал других, и так легко, он не мог спасти себя самого. Об этом он должен был знать, когда оказался лицом к лицу с Сатаной в пустыне.

Мои собственные соблазны обычно включают такие типичные пороки, как похоть и жадность. Однако когда я размышляю об искушениях Иисуса, я нахожу, что их центром является причина его прихода на землю, его "стиль" работы. На самом деле, Сатана предлагал Иисусу ускоренный вариант осуществления его миссии. Он мог завоевать доверие толпы, создавая по мере необходимости пищу, и затем, взяв под контроль все государства земли, и при этом все время оставаться в безопасности. "Почему твои ноги медлят нести тебя к тому, что всего лучше?" - язвительно замечает Сатана по версии Мильтона.

Впервые я обнаружил подобный взгляд на проблему в творчестве Достоевского, который сделал сцену искушения центральной сценой своего великого романа Братья Карамазовы. Агностик Иван Карамазов пишет сочинение под названием "Великий Инквизитор", где местом действия является Севилья шестнадцатого века в о времена расцвета инквизиции. В этой поэме переодетый Иисус появляется в городе в то время, когда ежедневно на костре сжигали еретиков. Великий Инквизитор, "девятистолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами", узнает Иисуса и приказывает бросить его в темницу. Сцена посещения в тюрьме намеренно построена так, что обращается к искушению в пустыне.

У Инквизитора есть обвинение в адрес Иисуса: отказавшись от трех искушений, Иисус лишился трех величайших сил, бывших в его распоряжении: "чудо, тайна и авторитет". Он должен был последовать совету Сатаны и творить чудеса по требованию, чтобы увеличить свою славу среди людей. Ему следовало принять предложенную ему власть и силу. Неужели Иисус не понимал, что людям нужно нечто большее, чем очередной предмет поклонения, который не подлежит сомнению? "Вместо того, чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениям душевное царство человека веками. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою".

Как утверждал Инквизитор, Иисуса, выдержавшего искушение Сатаны пренебречь человеческой свободой, теперь было слишком легко отвергнуть. Он отказался от самого главного преимущества: от силы вызывать веру. К счастью, продолжает хитрый Инквизитор, церковь распознала ошибку и исправила ее, и с тех пор полагалась на чудо, тайну и власть. По этой причине Инквизитор должен казнить Иисуса еще раз, чтобы он не мешал работе церкви.

Этой сцене из Карамазовых добавил пикантности тот факт, что во время ее написания в России зарождалась организация коммунистических революционеров. Как отмечал Достоевский, они тоже позаимствуют свою систему у церкви. Они обещали обратить камни в хлеб и гарантировали безопасность всех граждан в обмен на одну простую вещь: их свободу. Коммунизм станет в России новой религией, которая тоже будет основываться на чуде, тайне и власти.

Более столетия спустя после того, как Достоевский написал этот обескураживающий диалог о силе и свободе, у меня появилась возможность посетить его родину и воочию убедиться, к каким результатам привело семидесятилетнее правление коммунистов. Я приехал в ноябре 1991 года, когда Советская империя распадалась, Михаил Горбачев уступал дорогу Борису Ельцину, а вся нация пыталась заново переосмыслить себя. Железная хватка власти ослабла, и теперь люди соревновались в свободе слова, говоря все, что пожелают.

Я отчетливо помню встречу с издателями газеты Правда, в прошлом официального печатного органа Коммунистической Партии. Правда, как и любое другое учреждение, покорно служила коммунистической "церкви". Однако теперь тираж Правды катастрофически падал (с одиннадцати миллионов до 700000), так как коммунизм впал в немилость. Издатели Правды казались людьми серьезными, искренними, проникательными - и потрясенными до глубины души. Потрясенными настолько, что теперь они спрашивали совета у представителей религии, которую основатель их партии назвал "опиумом для народа".

Издатели с легкой завистью заметили, что христианство и коммунизм имеют много общих идеалов: равенство, равноправие, справедливость и расовая гармония. И все же им пришлось признать, что марксистская реализация этих принципов породила самые ужасные кошмары, какие только видел мир. Почему?

"Мы не знаем, как мотивировать для людей проявление сострадания", - сказал главный редактор: мы пытались собирать деньги для детей, пострадавших в Чернобыле, но средний российский гражданин лучше потратит эти деньги на выпивку. Как вы перевоспитываете людей и находите подходящие мотивы? Как вы делаете их добрыми?"

Семьдесят четыре года коммунизма, несомненно, доказали, что добро не может появиться по указанию Кремля и быть навязано силой оружия. По горькой иронии судьбы попытки привить мораль ведут к появлению патологических бунтарей и правителей-тиранов, которые преступают все границы морали. Я уехал из России с четким ощущением, что нам христианам стоило бы заново выучить простой урок Искушения. Добро не может быть навязано со стороны, оно должно вырастать изнутри.

Искушение в пустыне показывает принципиальную разницу между Божественной силой и силой Сатаны. Сатана властен принуждать, ослеплять, добиваться повиновения, разрушать. Люди многое переняли у этой силы, а правительства глубоко зачерпывают из ее источника. С помощью хлыста, полицейской дубинки или АК 47, человеческие существа могут заставить других людей делать почти все, что им нужно. Сила Сатаны действует извне и принудительно.

Божественная сила, напротив, действует изнутри и по доброй воле. "Ты не сошел [с креста] потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной", - сказал Инквизитор Иисусу в романе Достоевского. Такая сила иногда может казаться слабостью. Божественная сила, обреченная на постепенную мягкую трансформацию из глубины человеческой души наружу, необратимо зависящая от человеческого выбора, похожа на своего рода отречение. Все родители и любящие люди знают, что любовь может оказаться бессильной, если тот, на кого она направлена, решает отвергнуть ее. "Бог не нацист", - сказал Томас Мертон. Действительно, это так. Повелитель Вселенной станет ее жертвой, бессильный перед отрядом солдат в саду. Бог делал себя слабым только с одной целью - чтобы предоставить людям возможность, самим принять свободное решение, как с ним поступить. (В пьесе Дороти Сейерс под названием Человек, рожденный, чтобы стать царем царь Ирод говорит волхвам: "Нельзя править людьми при помощи любви. Когда вы найдете Вашего царя, скажите ему об этом. Только три вещи позволяют управлять людьми: страх, жадность и обещание безопасности". Царь Ирод понимал принципы управления, которыми пользовался Сатана и которые Иисус отверг в пустыне.)

Сёрен Кьеркегор писал о легкой руке Господа Бога: "Всемогущий, который может простереть свою карающую десницу над миром, может также и коснуться его с такой легкостью, что творение получит независимость". Иногда, признаюсь, мне хочется, чтобы рука Бога была тверже. Моя вера страдает от переизбытка свободы, от слишком многих искушений неверием.

Иногда я хочу, чтобы Бог ошеломил меня, превратил мои сомнения в уверенность, предъявил окончательное доказательство его существования и того, что он не чужд человеку.

Я бы хотел, чтобы Бог принимал более активное участие в делах человеческих. Если бы Бог просто проявил свою волю и сбросил с трона Саддама Хуссейна, сколько жизней было бы спасено во время войны в Персидском заливе. Если бы Бог сделал то же самое Гитлером, сколько евреев осталось бы в живых. Почему Бог сидит "сложена руки"?

Я хотел, чтобы Бог принял более активное участие и в моей собственной жизни. Я хочу быстрых и эффективных ответов на мои молитвы, исцеления моих болезней, защиты и безопасности для моих близких. Я хочу, чтобы Бог не был двусмысленным, я хочу, чтобы он был тем, к кому бы я мог апеллировать, убеждая моих сомневающихся друзей.

Когда меня посещают такие мысли, я чувствую в себе грех, приглушенное эхо того вызова, который Сатана бросил Иисусу две тысячи лет назад. Теперь Бог преодолевает эти искушения, как некогда Иисус преодолел их на земле, делая ставку на неторопливость и мягкость. Как пишет Георг МакДональд,

Вместо того, чтобы сокрушить зло своей божественной силой; вместо того, чтобы творить правосудие и наказывать виновных; вместо того, чтобы посредством правления совершенного государя установить мир на земле; вместо того, чтобы собрать детей Иерусалима под Своим крылом, хотя бы они того или нет, и спасти их от тех ужасов, которые мучили его всезнающую душу - Он позволил злу править бал, пока оно в состоянии это делать; Он довольствовался неторопливой, не впечатляющей и только самой необходимой помощью; Он делал людей добрыми; предоставил свободу Сатане, нисколько его не контролируя...

Любить добродетель, значит, стимулировать ее рост, а не мстить за нее.... Он отвергал всякое побуждение действовать быстрее, принося при этом меньше добра.

"Иерусалим, Иерусалим", - воскликнул Иисус, в эпизоде, на который ссылается МакДональд, "сколько раз я стремился собрать ваших детей вместе, как курица собирает цыплят под своим крылом, но вы не желали этого". Ученики предлагали, чтобы Иисус обрушил огонь на не желающие каяться города; Иисус же, напротив, испустил беспомощный крик, как бы ни удивительно было слышать фразу "если только" из уст Сына Божьего. Он не хотел навязывать себя тем, кто этого не желал.

Чем больше я пытаюсь узнать Иисуса, тем большее впечатление на меня производит то, что Иван Карамазов "чудом сдержанности". Чудеса, которые предлагал Сатана, знамения и чудеса, которых требовали фарисеи, те окончательные доказательства, которых жажду я - это не было бы серьезной проблемой для всемогущего Бога. Гораздо более удивителен его отказ демонстрировать свою силу и ошеломлять. Настоятельное желание Бога предоставить человеку свободу настолько абсолютно, что Он подарил нам способность жить так, как будто Он не существует, плевать Ему в лицо, распинать Его на кресте. Безусловно, Иисус знал обо всем этом, когда стоял лицом к лицу с искусителем в пустыне, сосредоточив свою мощь на энергии сдержанности.

Я верю в то, что Бог сдерживает себя, потому что никакая пиротехническая демонстрация всемогущества не достигнет той цели, которой Он жаждет достичь. Хотя сила и может принудить к подчинению, только любовь может вызвать любовь в качестве ответной реакции, что и является тем единственным условием, которого Бог требует от нас и той причиной, по которой он нас создал. "И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе", - сказал Иисус. Если не учитывать то, что добавляет Иоанн, "сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет". Природа Бога раскрывается в том, что он отдает себя; Он взывает к священной любви.

Мне вспоминается один день в Чикаго, послеобеденные часы которого я проводил в ресторане на открытом воздухе, слушая, как один пожилой человек рассказывал историю своего "блудного сына". Джейк, его сын, не мог удержаться ни на одном из рабочих мест. Он спускал все свои деньги на наркотики и алкоголь. Домой он звонил редко и доставлял мало радости и много горя своим родителям.

Отец Джейка описал мне ту беспомощность, которую он чувствовал в своих словах, подобных тем, которые Иисус обращал к Иерусалиму. "Если бы я только мог вернуть его, дать ему кров и попытаться показать ему, как я его люблю", - сказал он. Он попытался овладеть своим голосом, затем добавил: "Странно то, что хотя Джейк отвергает меня, но его любовь значит для меня больше, чем любовь трех моих других сыновей, которые отвечают мне взаимностью. Странно, не так ли? Такова любовь".

Мне кажется, что в этой последней фразе, состоящей из двух слов, больше проникновения в тайну Божественной сдержанности, чем в любой книге по теодицее, которую мне приходилось держать в руках. Почему Бог довольствуется неторопливым и не впечатляющим ростом добродетели, вместо того, чтобы мстить за нее. Такова любовь. Любовь обладает своей собственной силой, единственной силой, которая способна полностью овладеть человеческим сердцем.

Хотя и потерпев неудачу во всех трех попытках, Сатана все же с деланной улыбкой покидает поле брани. Твердый отказ Иисуса играть по тем правилам, которые предлагает ему Сатана, не означали того, что сам Сатана не может продолжать игру по этим правилам. В конце концов, в его распоряжении все еще оставались все царства Вселенной, а теперь вдобавок к этому он еще и познакомился с самообладанием Бога. Самообладание Бога создает благоприятную возможность для тех, кто ему противостоит.

Конечно, последовали и другие стычки. Иисус силой изгонял демонов, но Дух, которым он заменял их, был гораздо менее властным и всегда зависел от воли того человека, который был им одержим. Возможности для совершения зла предоставлялись в изобилии: Иисус также допускал их в своем подобии Царства Божьего, растущего посреди зла, как колосья пшеницы, окруженные сорняками.

С точки зрения Сатаны, искушение предоставляет новую возможность проявить себя. Дети из Повелителя мух могли излазить свой остров вдоль и поперек, абсолютно свободные от авторитета взрослых. Более того, Бог мог быть обвинен в произошедших несчастьях. Если Бог собирался сидеть сложа руки, в то время как происходили такие злодеяния, как крестовые походы и массовое уничтожение евреев фашистами, то вполне естественно обвинить в этом отца, а не детей. Мне кажется, что выдержав искушение в пустыне, Иисус подверг риску репутацию Бога. Бог обещал когда-нибудь вернуть земле бывшее совершенство, но как быть, пока этого не произошло? Болото человеческой истории, насилие, присутствующее даже в истории церкви, грядущий апокалипсис - стоит ли все это божественной сдержанности? Проще говоря, стоит ли платить такую цену за человеческую свободу?

Ни один человек, живущий в процессе возвращения земле совершенства, а не наслаждающийся его плодами, не может честно ответить на этот вопрос. Все, что я могу сделать, это вспомнить о том, что Иисус, единственный боец, стоящий во всеоружии лицом к лицу со Злом, обладающий силой, способной уничтожить его, избирает другой путь. Защита свободной воли этого известного своей греховностью рода казалась ему стоящим делом. Этот выбор не мог даваться ему легко, поскольку он подразумевал не только его собственные страдания, но и страдания его последователей.

Когда я обзираю последние годы жизни Иисуса, я понимаю, что идея сдержанности, зародившаяся в пустыне, оставалась с ним до самого конца. Я не могу себе представить, чтобы Иисус кого-нибудь принуждал. Напротив, он демонстрировал последствия выбора, а затем предоставлял человеку возможность принимать решение.

Он бескомпромиссно отвечает на вопрос богатого человека, а затем отпускает его. Марк дает очень точный комментарий: "Иисус, взглянув на него, полюбил его". Иисус не испытывал иллюзий по поводу того, чем мир ответит ему: "И по причине умножения беззакония во многих охладает любовь".

Иногда мы используем термин "комплекс спасителя", описывая нездоровый синдром, сопровождающийся навязчивой идеей решать чужие проблемы. Однако, настоящий Спаситель, похоже, был свободен от этого комплекса. Он не был обязан при жизни переделывать весь мир или исцелять людей, которые не были готовы к тому, чтобы быть исцеленными. Как пишет Мильтон, "сначала в

Иисусе было больше от человека и небес, / когда он находил слова, чтоб покорить согласные сердца, / заставить веру сделать то, что делал страх".

Короче говоря, Иисус проявлял невероятное уважение к человеческой свободе. Когда Сатана попросил предоставить ему возможность испытать Петра и просеять его как пшеницу, даже тогда Иисус не отказал ему в просьбе. Его ответ: "Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя". Когда от него отвернулись люди, и многие ученики покинули его, Иисус сказал Двенадцати избранным, и в голосе его слышалась горечь: "Не хотите ли и вы отойти?" Когда его жизнь достигла роковой черты в Иерусалиме, он догадался о замыслах Иуды, но не попытался предотвратить его злодеяние - что также является следствием сдержанности.

"Возьми крест свой и следуй за Мною", - сказал Иисус, пригласив их следовать за собой самым бесхитростным образом.

Эта сдержанность Иисуса - качество, которое кто-то назовет божественной скромностью - поразила меня. Погрузившись в чтение Евангелий, я осознал, что я ожидал увидеть в нем те же качества, которые я встретил в южной фундаменталистской церкви моего детства. Там я часто ощущал себя жертвой эмоционального давления. Вера проповедовалась в стиле "Веруй и не задавай вопросов!" Обладая властью творить чудеса, тайной и авторитетом, церковь не оставляла места сомнению. Я также познакомился с манипулятивными приемами "спасения души", некоторые из них подразумевали то, что я должен был преподнести себя человеку, с которым я разговаривал, с самой неприглядной стороны. Однако теперь я не могу обнаружить ни одно из этих качеств в жизни Иисуса.

Если я правильно читал историю церкви, многие другие последователи Иисуса поддались тем искушениям, которые он преодолел. Достоевский искусно воспроизвел сцену искушения в пыточной камере Великого Инквизитора. Как в церкви, основанной Тем, кто выдержал искушения, могла существовать Инквизиция навязанной веры, которая не прекращалась в течение пятисот лет. Между тем, в Женеве, в более мягком протестантском варианте, официальные власти принудительно вмешивались в дела церкви и отказывались считать Евхаристию преступлением(??????). Еретики там тоже сжигались на костре.

К своему стыду, христианская история обнаруживает постоянные попытки сделать путь Христа более удобным. Иногда церковь идет на сотрудничество с правительством, что представляет собой кратчайший путь к власти. "Поклонение успеху в общих чертах является формой идолопоклонничества, которую дьявол насаждает наиболее усердно", - писал Хельмут Тилике о немецкой церкви времен слепого увлечения личностью Адольфа Гитлера. "В первое время после 1933 года мы могли наблюдать наводящий на размышления факт добровольного подчинения, которое коренится в большом успехе, наблюдать, как под влиянием этого успеха люди, даже христиане, переставали спрашивать себя, во имя чего и какой ценой..."

Иногда церковь возвращает своих собственных мини-Гитлеров, таких как Джим Джонс и Дэвид Кореш, которые слишком хорошо понимают, какая сила заключена в чуде, тайне и авторитете. Но случается также, что церковь просто заимствует приемы манипуляции, отточенные политиками, коммерсантами и рекламными агентами.

Я могу быстро распознать все эти пороки. Однако когда я от анализа церковной истории обращаюсь к себе самому, я замечаю, что я тоже слишком уязвим для этого искушения. Мне не хватает силы воли отказаться от простых решений человеческих проблем. Мне не хватает терпения, чтобы позволить Богу неторопливо и "по-джентельменски" выполнять свою работу. Я хочу добиться контроля над самим собой, чтобы заставить других участвовать в делах, в которые я верю. Я готов обменять некоторые свободы на гарантию безопасности и защиты. Я готов пожертвовать даже большим, чтобы получить шанс осуществить мои амбиции.

Когда я чувствую, что эти искушения овладевают мной, я обращаюсь к истории об Иисусе и Сатане в пустыне. То, что Иисус не поддался искушениям со стороны Сатаны, обеспечило мне свободу, в которой я упражняюсь, когда оказываюсь лицом к лицу с моими искушениями. Я исповедую то же доверие и терпение, которые продемонстрировал Иисус. И я радуюсь тому, что, как говорится в Послании к Евреям Святого Апостола Павла, "ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха... Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь".

Глава 5 В профиль: на что бы я обратил внимание?

Все в личности Христа поражает меня. Его дух внушает мне благоговейный страх, и его воля ставит меня в тупик. Не существует таких слов, которыми можно было бы обозначить сравнение между ним и кем-либо еще в мире. Он действительно непостижим... Я напрасно ищу в истории кого-нибудь, кто был бы похож на Иисуса Христа или что-нибудь, что могло бы сравниться с Евангелием. Ни история, ни человечество, ни время, ни природа не несут в себе того, с чем бы я мог сравнить или чем бы я мог объяснить это явление. Все здесь исполнено исключительности.

Наполеон

Апостольское вероучение касается только одной грани жизни Иисуса, начиная с его рождения и перескакивая непосредственно к его смерти, сошествию в ад, и восхождению на небеса. Подождите минуту - все ли мы учли? Что происходило в промежутке между тем, когда его родила Дева Мария, и тем, когда Понтий Пилат послал его на смерть? Каким-то образом, все то, что говорил и делал Иисус в течение его тридцати трехлетнего пребывания на земле отходит на второй план в поспешной попытке интерпретировать его жизнь. Как прошла его жизнь здесь?

Мои воспоминания о воскресной школе в значительной степени нивелируют мои попытки изобразить повседневную жизнь Иисуса, поскольку там она представлялась в виде безжизненных фигурок. Вот он читает свои проповеди. Вот он держит на руках ягненка. Вот он говорит с самаритянкой, а вот другой разговор - с человеком по имени Никодим. Наиболее живой была сцена, когда ученики в их миниатюрной лодочке качались на волнах нарисованного голубого моря. Мне вспоминается один эпизод, изображающий Иисуса, стоящего в храме с хлыстом в руке, но все это совершенно не соответствовало тому, что я узнал о нем. Так, он никогда не изображался во время веселых празднований. Возможно, я и узнал в воскресной школе некоторые факты из его жизни, но как личность он оставался для меня далеким, и в его личности мне не доставало характерных черт.

Фильмы об Иисусе помогли мне оживить его образ. Заметно, что в некоторых из них, таких как Иисус из Назарета режиссера Дзефирелли, приложены большие усилия по воссозданию событий в точном соответствии с евангельскими повествованиями. В отличие от застывших школьных сценок, фильмы представляют Иисуса в действии, окруженного энергичными слушателями, которые толкают друг друга, чтобы протиснуться в первые ряды и обратиться к нему со своими претензиями.

Когда я смотрю эти кинокартины, а затем возвращаюсь к Евангелиям, то пытаюсь представить себя одним из действующих лиц в качестве журналиста или, по меньшей мере, в роли похожего персонажа из первого века н.э. Я стою в толпе, слушая и делая записи, намереваясь уловить какие-нибудь характерные черты в моих сообщениях, и в то же время опасаясь того, как бы он не оказал влияния на меня лично. Что

я вижу? Что производит на меня впечатление? Что разочаровывает меня? Как я могу представить его моим читателем?

Я не могу начать с того, с чего я обычно начинаю репортаж о каком-либо человеке, то есть с описания того, как выглядит мой персонаж. Этого никто не знает. Первые полу реалистичные изображения Иисуса появились не ранее пятого века н.э., да и те были чистой спекуляцией; до тех пор пока греки не начали (с тех пор греки начали ???), изображать его молодым, безбородым человеком, напоминающим бога Аполлона.

В 1514 году кто-то отыскал документ, подписанный именем Публия Лентула, римского правителя, пришедшего к власти после Понтия Пилата, и содержащий следующее описание Иисуса:

Это человек высокого роста, стройный и производящий дружелюбное и скромное впечатление; цвет его волос, ниспадающих изящно вьющимися локонами, трудно поддается описанию... разделенные прямым пробором, они струились ему на плечи по моде, существовавшей тогда в Назарете; у него был высокий, внушительный лоб; на его щеках с приятным румянцем не было и намека на прыщи или морщины; его нос и рот были четко очерчены; его борода, того же цвета, что и волосы, начиналась под подбородком и разделялась надвое; его глаза были ярко голубыми, светлыми и спокойными...

Я узнаю в этом описании Иисуса с писаных маслом картин, висящих на бетонной стене в церкви, которую я посещал в детстве. Однако уже в следующей фразе фальсификатор выдает себя: "Никто не видел, чтобы он смеялся". Читал ли он те же Евангелия, что и я, документы, которые не говорят ни слова о внешности Иисуса, но изображают его творящим свое первое чудо на свадьбе, дающим игривые прозвища своим ученикам, и каким-то образом завоевывающим репутацию человека, "который любит есть и пить вино"? Когда ханжи критиковали его учеников за их вольности в соблюдении обрядов, Иисус отвечал: "Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?" Из всех тех имиджей, которые Иисус мог для себя выбрать, он остановился на образе жениха, чье сияние оживляет все свадебное веселье.

Однажды я показал в классе несколько десятков слайдов, по-разному изображающих Иисуса - африканских, корейских, китайских - а потом попросил класс описать то, как по их мнению выглядел Иисус. Практически каждый предположил, что он был высокого роста (что нехарактерно для еврея первого века н.э.), большинство сказало, что он имел привлекательную внешность, и никто не предположил, что он страдал излишним весом. Я показал им фильм, снятый Би-Би-Си о жизни Иисуса, где главную роль исполнял толстяк-коротышка, и некоторые ученики в классе сочли это вызывающим. Мы предпочитаем высокого, симпатичного и, главное, стройного Иисуса.

Одна из традиций, датированная вторым веком н.э., представляла Иисуса горбуном. В Средневековье христиане повсеместно верили в то, что Иисус страдал проказой. Большинство сегодняшних христиан нашли бы такие замечания омерзительными и, возможно, еретическими. Разве он не был прекрасным представителем человеческого рода? Однако во всей Библии я нахожу только одно описание внешности, в пророчестве, написанном за сотни лет до рождения Иисуса. Это описание Исаии, находящееся в отрывке, который Новый Завет относит к жизни Иисуса:

Как многие изумлялись, смотря на Тебя, - столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его - паче сынов человеческих... нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Поскольку Евангелие умалчивает об этом, мы не можем с уверенностью ответить на простой вопрос, как выглядел Иисус. Мне кажется, что это хорошо. Наше восторженные представления об Иисусе

говорят больше о нас самих, чем о нем. В нем не было ничего сверхъестественного: Иоанн Креститель признал, что никогда бы не узнал Иисуса, если бы ему не было ниспослано особого откровения. В соответствии с тем, что пишет Исаия, мы не можем объяснить его притягательность ни его красотой, ни величием ни чем-либо еще, относящимся к его внешности. Разгадка заключается не в этом.

Я оставляю внешний облик в стороне, чтобы понять, каков был Иисус как личность. Сколько очков он бы набрал при тестировании?

Личность, которая проступает на страницах Евангелий, заметно отличается от образа Иисуса, с которым я вырос, того образа, который я теперь узнаю в некоторых старых голливудских фильмах об Иисусе. В этих фильмах Иисус излагает свои мысли от случая к случаю и без эмоций. Он шагает по жизни как единственный спокойный персонаж среди толпы суетливых статистов. Ничто не смущает его. Он излагает свою мудрость спокойным и размеренным тоном. Короче говоря, это Иисус Прозака.

В противоположность этому, Евангелия описывают человека, который обладает такой харизмой, что люди готовы просидеть три дня без отдыха и без еды, чтобы услышать его захватывающие речи. Он кажется восторженным, импульсивно "движимым состраданием", "полным жалости". Евангелия открывают нам всю палитру эмоциональной реакции Иисуса: неожиданная симпатия к прокаженному, восхищение успехами его учеников, взрыв гнева, направленный против жестокосердных законников, скорбь по бесчувственному городу, и затем, этот ужасный, прорывающийся в криках, страх в Гефсиманском саду. Он проявлял неисчерпаемое терпение по отношению к отдельным людям, но был совершенно нетерпим ко всему, связанному с общественными институтами и несправедливостью.

Однажды я участвовал в акции некоего мужского движения, целью которого было помочь людям "понять их собственные эмоции" и вырваться из оков стереотипов, присущих мужскому полу. Будучи участником небольшой группы и слушая, как другие мужчины говорят об их мучительных попытках выразить себя, и пережить настоящую близость, я понял, что Иисус представлял собой идеал мужской полноценности, которому и девятнадцать столетий спустя все еще не соответствует большинство мужчин. Как минимум три раза он показывал свою слабость перед своими учениками. Он не скрывал своих страхов и без колебаний просил их о помощи: "Душа Моя скорбит смертельно", - сказал он им в Гефсиманском саду; "Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною". Кто из сегодняшних лидеров не побоялся бы предстать столь уязвимым.

В отличие от большинства людей, которых я знаю, Иисус также любил хвалить других людей. Когда он творил чудо, то часто говорил, что оно произошло благодаря самому исцеляемому: "Вера твоя спасла тебя". Он называл Нафанаила подлинным "израильтянином, в котором нет лукавства". Об Иоанне Крестителе он говорил, что не было более великого человека, рожденного женщиной. Непостоянному Петру он дал прозвище "Камень". Когда раболепная женщина выразила ему свою преданность очень экстравагантным образом, Иисус защитил ее от нападков и сказал, что рассказ о ее щедрости будет жить в веках.

Евангелия рассказывают, что Иисус быстро устанавливал контакт с людьми, которые ему встречались. Говорил ли он с женщиной у колодца, с религиозным лидером в саду, или с рыбаком на берегу озера, он сразу же улавливал суть дела, и после нескольких сказанных реплик, они открывали ему свои самые сокровенные тайны. Люди того времени привыкли держаться на почтительном расстоянии от раввинов и "святых", но Иисус вызывал другое отношение к себе, он настолько притягивал к себе, что люди собирались толпами вокруг него, только для того, чтобы прикоснуться к его одежде.

Романистка Мэри Гордон упоминает чувствительность Иисуса по отношению к женщинам и детям как одну из основных черт, которые ее привлекли: "Без сомнения, Он единственный нежный герой в литературе. Можно ли представить себе нежного Одиссея, Энея?" По поводу отношения Иисуса к дочерям Иерусалима, "увы женщинам с детьми в эти дни" ("Горе же беременным и питающим сосцами в те дни;"??? Мк.13:17, Лк.21:23), Гордон сообщает: "Я знала, что хочу иметь детей; я чувствовала, что эти

слова обращены ко мне. Теперь я думаю: сколько мужчин приняли бы во внимание трудности беременности и воспитания ребенка?"

Иисус не просто механически следовал списку "Дела, которые я бы хотел сделать сегодня", и я сомневаюсь, что он оценил бы наше современное пристрастие к пунктуальности и точному планированию. Он посещал свадебные торжества, которые длились по несколько дней. Он уделял внимание каждому встречному, который к нему обращался, будь то женщина, страдающая кровотечением, которая робко касалась его одежды, или слепой бродяга, который надоедал ему. Два самых впечатляющих его чуда (воскрешение Лазаря и дочери Иаира) имели место только вследствие того, что он появился слишком поздно, чтобы вылечить больного человека.

Как точно выразился Бонхеффер, Иисус был "человеком, живущим для других". Он держал себя открытым - открытым для других людей. Он принимал почти все приглашения к обеду, и в результате ни один из известных людей не имел такого обширного списка друзей, начиная с богатых людей, римских центурионов, фарисеев, и заканчивая сборщиками податей, проститутками и жертвами проказы. Людям нравилось находиться рядом с Иисусом; его появлению всегда сопутствовала радость.

И все же, благодаря этим качествам, которые являются признаками того, что психологи любят называть самоутверждением, Иисус разрушал стереотипы.

Как пишет К.С.Льюис: "Он совсем не был похож на тот портрет, который психологи составляют для утвердившего себя, уравновешенного, уверенного в себе, счастливого в браке, имеющего профессию, известного гражданина. Вы не можете быть вполне уверенными в своем мире, если вам говорят, что "в вас живет дьявол" и, в конце концов, прибывают обнаженным к куску дерева".

Подобно большинству современников Иисуса, я бы, без сомнения, отверг странную комбинацию необычных высказываний, исходящих от еврейского мужчины совершенно обычного вида. Что утверждал, что является Сыном Божиим и, тем не менее, ел и пил как другие люди и даже уставал и чувствовал себя одиноким. Что же на самом деле он был за существо?

С одной стороны, Иисус, казалось, чувствовал себя здесь "как дома", но с другой стороны, он однозначно чувствовал себя "не дома". Я вспоминаю тот единственный эпизод из его молодости, когда он пропал из Иерусалима и получил взбучку от своей матери. Загадочная запись слов, которые произносит мать-еврейка, "Чад, что Ты сделал с нами?" возможно, не проливает свет на этот эпизод - родители, в конечном итоге, искали его в течение трех дней. Иисус ответил: "Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?" Уже тогда трещина, вопрос верности семье, разделили Иисуса и его родителей.

Живя на планете свободной воли и беспредела, Иисус часто должен был ощущать себя "не дома". В такие дни он уходил из дома и молился, словно бы для того, чтобы вдохнуть чистого воздуха из системы жизнеобеспечения, который дал бы ему силы жить на отравленной планете. Однако он не всегда получал четкие ответы на свои молитвы. Лука сообщает о том, что он молился всю ночь перед тем как выбрать Двенадцать учеников - и даже при этом в их числе оказался предатель. В Гефсимании он впервые попросил, чтобы чаша страданий миновала его, но этого, конечно, не произошло. Этот эпизод в саду изображает человека, который ощущает себя отчаянно "не дома", хотя и отвергает все искушения спастись сверхъестественным образом.

По-моему, один эпизод в Евангелиях совмещает "дома" и "не дома" в ощущениях Иисуса. Шторм разыгрался на Галилейском море, чуть не перевернув лодку, в которой лежал спящий Иисус. Он встал и крикнул стихии ветра и волн: "Умолкни! Перестань!" Ученики в ужасе отпрянули. Что за человек может приказывать стихии так, словно одергивает непослушного ребенка?

Демонстрация силы посреди шторма помогла убедить учеников в том, что Иисус был непохож на других людей. Однако это также дает представление о глубинах Божественного Воплощения. "Бог

уязвим", - сказал философ Жак Маритен. В результате Иисус, смертельно уставший, уснул. Более того, Сын Божий, будучи причиной чуда, был и одной из его жертв: создатель дождевых облаков стоял под дождем, создатель звезд страдал от жары и обливался потом под палестинским солнцем. Иисус подчинял себя законам природы даже в тех случаях, когда они не соответствовали его желаниям ("Если возможно, да минует Меня чаша сия!") Он жил и умер, подчиняясь земным законам.

* * *

Еще никому не известный, он приходит в небольшую деревню в Нижней Галилее. На него смотрят холодные, суровые глаза крестьян, проживших в бедности достаточно, чтобы точно знать, где пролегает граница между бедностью и нищетой. Он выглядит как нищий, но его взгляд недостаточно раболопен, его голос недостаточно жалобен, его походка недостаточно шаркающая. Он говорит о Божьих Заповедях, и они слушают его скорее из любопытства, чем по какой-либо другой причине. Они знают все о законах и власти, о царстве и империи, но все это знакомо им в виде налогов и долгов, недоедания и болезней, земельных притеснений и дьявольского угнетения. Что они действительно хотят знать, так это ответ на вопрос, может ли царство Божие помочь парализованному ребенку, слепым старикам-родителям, бесноватому, вопящему в своем мучительном одиночестве среди могил на краю деревни? (Джон Доминик Кроссан)

Соседи Иисуса быстро поняли, что он мог сделать для них. Благодаря ему парализованный ребенок начал ходить, и слепые увидели свет, и демоны оставили сумасшедшего, блуждающего среди могил. Когда Иисус подтвердил свою миссию исцелителя и учителя, его соседи в изумлении спросили: "Откуда у Него такая премудрость и силы? не плотников ли Он сын? Не Его ли мать называется Мария?"

Поначалу, возможно, в течение года, Иисуса ждал большой успех. К нему стекалось так много людей, что иногда ему приходилось бежать от них на лодке. Без сомнения, именно физические исцеления принесли ему известность. Евреи, которые верили в Дьявола, верили в то, что Дьявол насыпает болезни и что святой человек может стать посредником для вмешательства Бога, имели большой опыт общения с чудотворцами. (Один из них, по имени Хони, жил незадолго до Иисуса, и его имя упоминается историком Иосифусом). Иисус имел представление о некоторых конкурентах, однако сдерживал порыв своих учеников осудить их.

Около трети Евангельских историй содержат физические исцеления, и, подчиняясь своему инстинкту журналиста, я возможно пристальнее изучил бы эти случаи, отыскав медицинские свидетельства и побеседовав с семьями тех, с кем произошло чудо. Исцеления были непохожими друг на друга и не вписывались в рамки реальности. По меньшей мере, одного человека Иисус исцелил на расстоянии, некоторые из них происходили мгновенно, другие длились какое-то время; многие требовали того, чтобы исцеляемый следовал определенным требованиям.

Я бы отметил у Иисуса любопытную амбивалентность совершаемых им чудес. С одной стороны, Иисус исцелял, спонтанно реагируя на человеческие нужды: он видел страдающего человека, чувствовал сострадание и исцелял человека. Он ни разу не отверг обращенный к нему призыв о помощи. С другой стороны, Иисус, конечно же, не выставлял на показ свою силу. Он обвинял этот "род лукавый и прелюбодейный", который шумно требовал знамений и, подобно тому, как он делал это в пустыне, он преодолел все искушения устроить для этой публики зрелище. Марк упоминает семь отдельных случаев, когда Иисус наставляет исцеленного им человека: "Не говори никому!" В тех регионах, где в людях не было веры, он не творил чудес.

Возможно, я стал бы рассуждать о том, что человек, наделенный такой силой, мог бы сделать в Риме, Афинах или Александрии. Братья Иисуса предполагали, что он, по крайней мере, сосредоточит свою деятельность в Иерусалиме, столице Израиля. Однако сам Иисус предпочитал держаться в стороне от

общего внимания. Не доверяя толпе и общественному мнению, он большую часть времени проводил в небольших городках, не имеющих особого значения.

Несмотря на его амбивалентность, Иисус не колебался прибегать к чудесам как к средству доказательства своей сущности: "Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте мне по самым делам", - сказал он своим ученикам. А когда его крестный отец (??? - Обычно, крестный отец - не тот кто крестит, а тот кто присутствует на крещении и берет на себя поручительство за духовное воспитание ребенка. Хотя возможно сам автор сознательно смешал эти два понятия) Иоанн Креститель, томясь в тюремной камере, выразил сомнение насчет того, действительно ли Иисус является Мессией, последний дал ученикам Иоанна такой ответ (в пересказе Фредерика Бюхнера):

Пойдите и расскажите Иоанну, что вы видели здесь. Скажи ему, что здесь люди, которые сменили свое подслеповатое песье зрение на очи орла. Скажи ему, что здесь люди, которые сменили алюминиевые ходули на походную обувь. Последние стали первыми, и многие остановившиеся сердца начинают биться впервые в жизни.

***

Ели бы я подумал, как одним словом описать Иисуса его современникам, я бы остановился на слове раввин, или учитель. В Соединенных Штатах сегодняшнего дня я не знаю аналогов жизни Иисуса. Конечно, в его стиле много общего с современными проповедниками-евангелистами, с их палаточными городками и стадионами, с их группами поддержки, рекламными стендами и рассылками по почте, с их презентациями, оборудованными электроникой. Его маленькая группа последователей, у которых не было постоянной методики, бродила из города в город, не следуя никакой определенной стратегии.

"Лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову", сказал Иисус. Если бы они жили в наше время, во время ожесточения против бродяжничества, Иисус и его ученики скорее всего были бы арестованы полицией и выдворены из города. Древние времена, однако, знал множество таких учителей (действительно, существовала даже школа философов, называемых Странствующими, основанная на этом общем принципе - делиться мыслями на ходу).

В Индии у меня была возможность наблюдать воочию что-то подобное жизни, которую вел Иисус. Там христиане-евангелисты продолжают линию существовавших в индуизме и буддизме "святых людей". Они собираются вокруг железнодорожных станций, представляясь пассажирам, ожидающим поезд, и спрашивая их, не хотят ли они узнать больше о Боге. Некоторые путешествуют из города в город в сопровождении своих учеников. Другие приглашают учеников встретиться в ashrams, где они вместе выполняют обряды поклонения и изучают Писание.

Группа под предводительством Иисуса функционировала, не имея никаких штаб-квартир или другой собственности и, видимо, не имея никаких ответственных лиц, кроме казначея (Иуда).

С финансовой точки зрения они, похоже, едва сводили концы с концами. Иисус посылал Петра рыбачить, чтобы собрать денег для уплаты налогов. Он позаимствовал монету, чтобы проиллюстрировать свое высказывание о Кесаре, и, когда он решил прекратить ходить пешком, осла ему тоже пришлось позаимствовать. Когда его ученики проходили по полю, они срывали колосья пшеницы, чтобы добыть сырое зерно, пользуясь законом Моисея, который позволял бедным брать небольшую часть урожая. Когда Иисус встречал влиятельных людей вроде Никодима или богатого молодого правителя, ему и в голову не приходило, что человек, обладающий деньгами и влиянием, возможно, может быть полезен.

На какие средства жил сам Иисус? На Среднем Востоке того времени учителя жили на пожертвования благодарных слушателей. Лука отмечает, что некоторые женщины, которых излечил

Иисус - включая жену министра финансов Ирода - помогали распространять весть о нем. Трогательно, что многие из этих женщин решились на длительное и опасное путешествие из Галилеи в Иерусалим во время Пасхального Поста, и оставались с Иисусом у креста после того, как самые близкие ученики его покинули.

В любом случае, Иисус был мастерским учителем. Его последователи были очарованы магнетической силой его слов, которые по описанию поэта Джона Берримана были "кратки, точны, ужасны и полны свежести". Иисус читал свои самые вдохновенные проповеди экспромтом, в виде спонтанного ответа на вопросы. У женщины было семь мужей: чьей женой она будет в грядущей вечной жизни? Не преступают ли закона те, кто платят налоги языческим властям? Как я должен поступать, чтобы наследовать жизнь вечную? Кто важнее всех в царстве небесном? Как человек может быть рожден старым?

Ярослав Пеликан рассказывает об одном раввине, которого спросил ученик: "Как получается, что вы раввины так часто преподносите свое учение в форме вопроса?" Раввин ответил: "Чем же тебя не устраивает вопрос?" Иисус также очень часто отвечал вопросом на вопрос в стиле Сократа, ведя ищущего ответ к точке озарения. Его ответы затрагивали не только самую сердцевину проблемы, но и сердца слушателей. Я сомневаюсь, что после любой беседы с Иисусом я бы чувствовал себя самоуверенным или самодовольным.

Я был бы изумлен притчами Иисуса, способом оформления мысли, который стал его фирменным знаком. Писатели всегда восхищались его мастерством доказательства истины в форме беседы с помощью подобных повседневных историй. Бранящаяся (докучающая, настырная, жалующаяся ... Мк.18:2-5) женщина испытывает терпение судьи. Царь ввязывается в плохо спланированную войну. Группа детей ссорится на улице. Человека ограбили и оставили умирать разбойники. Одинокая женщина, потеряв монету, ведет себя так, как будто потеряла самое важное в жизни. В притчах Иисуса нет выдуманных героев и запутанных сюжетов; он просто описывает жизнь, которая течет вокруг него.

Притчи превосходно послужили тем целям, которые ставил перед собой Иисус. Всем нравятся интересные истории, и умение Иисуса рассказывать истории помогало ему поддерживать интерес самого неграмотного общества крестьян и рыбаков. Поскольку истории легче вспомнить, чем понятия или концепции, притчи также помогали сохранить его учение: много лет спустя, когда люди размышляли над тем, чему учил Иисус, притчи вспоминались ярко и в деталях. Одно дело говорить в абстрактных выражениях о бесконечной, безграничной любви Божией. И совсем другое дело рассказывать о человеке, который отдает свою жизнь за друзей или об отце, который с душевной болью каждую ночь оглядывает горизонт в надежде, что появится его блудный сын.

Иисус пришел на землю полный "благодати и истины", как говорит Евангелие от Иоанна, и эта фраза хорошо резюмирует его учение. Во-первых, благодать: в отличие от тех, кто пытался усложнить веру и превратить ее в законничество, Иисус проповедовал простую идею Божией любви. Без всякой на то причины - и уж, конечно, не потому, что мы это заслужили - Бог решил одарить нас любовью, которую мы получаем безвозмездно, без ограничений, "с доставкой на дом".

Одна раввинская притча того времени рассказывает о владельце фермы, который пошел в город, чтобы нанять временных работников для уборки урожая. Время шло и лишь к одиннадцати часам ему удалось нанять самую последнюю бригаду работников, которым не потребовалось и часа, чтобы показать, чего они стоят. В простой (обычной) версии этой истории опоздавшие возместили потерю времени такой хорошей работой, что хозяин отблагодарил их, заплатив им целую суточную плату. В версии Иисуса ничего не говорится об усердии работников. Вместо этого он делает акцент на щедрости нанимателя - Бога - который в равной степени осеняет своей благодатью как заслуженных работников, так и новичков. Никто не остается обиженным, но все получают награду, гораздо большую, чем заслужили.

Если не считать этого акцента на благодати, никто не может обвинить Иисуса в том, что он принижает святость Бога. У меня скорее вызвала бы недоумение истина, которую провозгласил Иисус, истина более бескомпромиссная, чем те, которые проповедовали самые радикальные раввины его времени. Наставники того времени старались "не налагать на общину обязательств, пока большинство ее членов не будут в состоянии их выполнить". Иисус не был столь терпим. Он расширил понятие смертного греха от убийства до гнева, понятие прелюбодеяния до похоти, понятие воровства до помышления о краже: "Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный", - сказал он, устанавливая нравственный уровень, которому никто не смог бы соответствовать.

Как заметил Элтон Трублад, все основные символы, которые использовал Иисус, были строго и даже агрессивного свойства: ярмо как символ непосильной ноши, чаша как символ страдания, полотенце как атрибут служения, и, наконец, крест как символ казни. "Вычислите издержки", - честно предупредил Иисус тех, кто отважился пойти за ним.

Один современный раввин, по имени Якоб Нойснер, ведущий ученый в области иудаизма в эпоху раннего Христианства, посвятил одну из своих пятисот книг (Беседы раввина с Иисусом) вопросу о том, как бы он держал себя с Иисусом. Нойснер исполнен глубокого уважения по отношению к Иисусу и христианству, что такая манера доносить свою мысль какую мы наблюдаем в Нагорной Проповеди, "впечатляет и трогает" его. Он говорит, что это было бы ему интересно в такой степени, что он, возможно, влился бы в толпу тех, кто следовал за Иисусом везде, куда бы он ни направился, приобщаясь к его мудрости.

В конечном итоге Нойснер приходит к выводу, что он принял бы общество раввина из Назарета. "Иисус делает важный шаг - в неверном направлении", - говорит он, перенося акцент с "мы", как это было принято в еврейской общине, на "я". Нойснер не может примириться с переходом от Торы к Иисусу в качестве единственного авторитета. Во главу угла ставится фигура Иисуса, а не учение как таковое... В итоге учитель, Иисус, предъявляет требования, которые может предъявлять только Бог". При всем своем уважении к Иисусу, Нойснер не разделяет его позицию, не будучи способным на такое радикальное изменение своей веры.

Нойснер прав в том, что личность Иисуса с трудом укладывается в рамки понятия раввин, не говоря уже о странствующих учителях, таких как Конфуций или Сократ. Он не столько искал истину, сколько демонстрировал ее на себе самом. По словам Матфея, "Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи". Книжники старались избегать субъективных оценок, основываясь в своих глоссариях скорее на тексте Писания и общепризнанных комментариях. У Иисуса были свои взгляды, и он использовал Писание в качестве комментария. "Вы слышали, что сказано древним... а я говорю вам..." - то и дело раздается его наставляющий голос.

Он был источником всего, и когда он говорил, он не делал различий между своими словами и словами Бога. Его слушатели правильно понимали скрытый смысл его слов, даже отвергая их. "Он богохульствует!" - говорили они.

Бесстрашный Иисус никогда не избегал конфликтов. Он принимал вызов, брошенный критиканами и насмешниками всех мастей. Однажды он схлестнулся с толпой, собиравшейся забросать камнями падшую женщину. В другой раз, когда служители пытались схватить его, им пришлось вернуться в храм с пустыми руками: "Никогда человек не говорил так, как Этот Человек", - потрясенные тем, что они увидели. Иисус даже отдавал приказания демонам: "Замолчи и выйди из него". "Дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него!" (Интересен тот факт, что бесы всегда признавали Иисуса "Сыном Бога Всевышнего"; только люди ставили это под вопрос).

То, что утверждал Иисус о себе (Я и Отец одно целое; я могу прощать грехи; я могу построить храм в три дня) было беспрецедентно и постоянно доставляло ему неприятности. Действительно, его учение

было настолько связано с его личностью, что многое из того, что он сказал, не могло пережить его самого; великие высказывания умерли вместе с ним на кресте. Ученики, которые следовали за ним как за наставником, вернулись к своему привычному образу жизни, печально говоря: "А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля". Это привело к тому, что Воскрешение превратило провозглашение истины в поклонение тому, кто ее провозглашал.

Я представлял себя в толпе, собравшейся вокруг Иисуса, простым зевакой, зачарованным словами учителя, но сопротивляющимся его влиянию. Если я перенесу свое внимание с фигуры самого Иисуса на толпу людей, окружающую меня, то я увижу, то я увижу несколько группировок слушателей, которые образуют вокруг него концентрические круги.

Дальше всех, во внешнем круге, находятся случайные прохожие, любопытные и те, кто, также как я, пытается понять, кто такой Иисус. Присутствие всех этих людей служит гарантией безопасности Иисуса: ворча, что "весь мир идет за Ним", его враги медлят с тем, чтобы схватить его. Особенно в первое время еврейские патриоты следовали за Иисусом, ожидая, что он провозгласит восстание против Рима. Я замечаю, что Иисус никогда не обращается к этой внешней группе. Однако его проповедь обращена и к ним, и это само по себе отличает его от ессеев и других сектантов, которые допускают на свои встречи только посвященных.

Ближе к центру я замечаю группу, состоящую примерно из сотни ближайших последователей. Многие из этих спутников Иисуса, как мне известно, присоединились к нему после ареста Иоанна Крестителя - ученики Иоанна жаловались, что "всякий" следовал за Иисусом ("все идут к нему" Ин. 3:26). Пренебрегая популярностью, Иисус обращает большинство своих высказываний не к массам, а к этим внимательным слушателям. Он постепенно возлагает на них все более серьезные обязательства, обращаясь к ним в строгих выражениях, которые кого угодно наставят на путь истинный. Вы не можете служить двум господам, говорит он. Откажитесь от любви к деньгам и удовольствиям, которые предлагает мир. Отрекитесь от себя самих. Служите другим. Несите свой крест.

Последняя фраза не просто метафора: на палестинских дорогах римляне часто прибивали гвоздями наиболее отъявленных преступников в назидание остальным евреям. Какие ассоциации могло вызвать это "приглашение" Иисуса следовать за ним в сознании его учеников? Значит ли это, что он намеревается возглавить процессию мучеников? Похоже, что так. Одну притчу Иисус повторяет чаще других: "Сберегший душу свою, потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее".

Мне вспоминается, как ближайшие из учеников Христа, Двенадцать Апостолов, хвастались, что готовы пойти на такую жертву. "Не знаете, чего просите, - сказал Иисус, - можете ли пить чашу, которую Я буду пить". "Можем", - настаивают они в своей наивности.

Иногда я спрашиваю себя, хотел ли бы я присоединиться к двенадцати ученикам. Это не имеет значение. В отличие от других раввинов, Иисус сам определил круг своих ближайших учеников, не дожидаясь, пока они выберут его своим учителем. Притяжение Иисуса было столь велико, что ему было достаточно нескольких фраз, чтобы убедить их оставить свои семьи и работу и пойти за ним. Две пары братьев - Иаков и Иоанн, и Петр с Андреем - вместе занимались рыбной ловлей, и когда он призвал их, они оставили свое дело (что характерно, после того, как Иисус устроил им самый удачный лов в их жизни). Все, кроме Иуды Искариота, выходцы из родной провинции Иисуса - из Галилеи; Иуда родом из Иудеи, что говорит о том, как распространилась слава Иисуса по всей стране.

Меня бы удивило то, какую разношерстную компанию представляли собой Двенадцать избранных. Симон Зелот (Зилот) принадлежит к партии, находящейся в крайней оппозиции Риму, в то время как сборщик податей Матфей еще совсем недавно состоял на службе у марионеточного правителя, посаженного Римом. Никто из ученых, таких как Никодим, или состоятельных меценатов вроде Иосифа

из Аримафеи, не попал в круг избранных. Нужно внимательно присматриваться к человеку, чтобы обнаружить у него задатки лидера.

По моему наблюдению, в действительности, наиболее характерной чертой учеников Иисуса кажется их глупость. "Неужели и вы так непонятливы? - говорит Иисус, и снова: "Доколе буду терпеть вас?" В то время, как он пытается объяснить им, что смысл лидерства в служении, они препираются из-за того, кто займет наиболее высокое положение. Их примитивная вера приводит Иисуса в отчаяние. После каждого совершенного чуда, они со страхом и нетерпением ожидают следующего. Сможет ли он накормить пять тысяч человек, или хотя бы четыре? Большую часть времени стена непонимания отделяет Двенадцать Апостолов от Иисуса.

Зачем Иисус тратит столько времени на этих очевидных неудачников? Чтобы ответить на этот вопрос, я обращаюсь к тексту Марка, который упоминает причины, которыми руководствовался Иисус, выбирая Двенадцать учеников: "чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь".

Чтобы с Ним были. Иисус никогда не пытался скрывать свое одиночество и свою зависимость от других людей. Он выбрал своих учеников не как слуг, но как друзей. Он делил с ними свои радости и беды, и обращался к ним в случае необходимости. Они стали его семьей, заменив ему мать и братьев и сестер. Они отказались от всего ради него, также как он отказался от всего ради них. Попросту говоря, он любил их.

Чтобы посылать их на проповедь. С того момента, как он впервые пригласил их следовать за ним, Иисус всегда помнил о том, что произойдет на Голгофе. Он знал, что время его пребывания на земле ограничено, и полный успех его миссии зависел не только от того, что он успеет сделать за несколько лет, но и от того, что Двенадцать Апостолов - точнее, одиннадцать, за которыми потом последуют тысячи, а позднее миллионы - сделают после того, как он покинет этот мир.

Станным образом, когда я смотрю на то время, когда жил Иисус, с точки зрения сегодняшнего дня, то именно ординарность учеников внушает мне надежду. Непохоже, чтобы Иисус выбирал своих последователей в зависимости от наличия у них природного таланта, или совершенства, или задатков великой личности. Когда он жил на земле, то окружал себя обыкновенными людьми, которые не понимали его,

Не всегда проявляли достаточную силу духа, а иногда вели себя как неподатливые на обучение школьники. В особенности на долю троих из них (братьев Иакова и Иоанна, а также Петра) приходились наиболее строгие выговоры - хотя двое из них станут самыми известными предводителями раннего христианства.

Я не могу избавиться от впечатления, что Иисус предпочитает работать с бесперспективными учениками. Однажды, дав семидесяти двум ученикам пробное задание, он с радостью выслушал принесенные ими сообщения об успехах. Ни одно место в Евангелии не изображает Иисуса в таком ликование. "В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю, Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было твое благоволение". Из такого сброда Иисус сформировал церковь, которая продолжает развиваться и через девятнадцать столетий.

Часть вторая. Зачем Он пришел

Глава 6 Заповеди блаженства: Счастливые несчастны

Святой - это человек, который превозносит то, чем мир пренебрегает.

Д. К. Честертон

В юности Нагорная проповедь будоражила мое воображение. Я читал книги вроде "Его стопами" Чарльза Шелдона, торжественно клялся поступать так, как поступил бы Иисус", и обращался к 5 - 7 главам Евангелия от Матфея за советом. Но как быть с такими советами! Я что, должен был калечить себя из-за каждого приснившегося пошлого сна? Позволять школьным "байкерам" тузить себя? Вырывать себе язык, сказав резкое слово своему брату?

Однажды я настолько почувствовал себя виновным в пристрастии к материальным предметам, что отдал одному приятелю свою любимую коллекцию, состоявшую из 1100 карточек с фотографиями бейсболистов, в том числе, оригинал 1947 года с изображением Джеки Робинсона и Микки Ментла, когда его только что приняли в команду. Вместо ожидаемого божественного воздаяния за этот акт отречения, я вынужден был претерпеть вопиющую несправедливость, глядя на то, как мой друг распродал коллекцию с огромной прибылью. "Блаженны изгнанные за правду", - утешал я себя.

Даже теперь, будучи взрослым человеком, я чувствую, что я до сих пор не преодолел свой кризис Нагорной проповеди. Правда, я временами пытался взглянуть на нее как на риторическую гиперболу, но чем больше я изучаю жизнь Иисуса, тем больше понимаю, что утверждения, содержащиеся в Нагорной проповеди, представляют собой ядро его учения. Если мне не удастся понять эту проповедь, я не пойму его самого.

Иисус произнес эту знаменитую проповедь в то время, когда его популярность была на подъеме. Толпы людей преследовали его по пятам, мучимые одним вопросом: Пришел ли, наконец, Мессия?

Учитывая эту необычную ситуацию, Иисус оставил в стороне притчи и представил своей аудитории законченную "философию жизни", наподобие того, как кандидат в президенты торжественно оглашает новую политическую программу. Посмотрим на эту программу.

Когда пришло время изучать заповеди блаженства с моим классом в чикагской церкви на улице Ла Салле, я использовал мою обычную методику предварительной демонстрации фильмов об Иисусе. Поскольку я обратился к пятнадцати различным фильмам, поиск и отбор нужных моментов занимал у меня несколько часов в неделю, большую часть времени я проводил в ожидании того, пока видеоманитофон перемотает пленку до соответствующего места. Чтобы не скучать, пока магнитофон жужжал и пощелкивал, выискивая требуемый фрагмент, я смотрел по телевизору программы Си-Эн-Эн. Пока счетчик добирался, скажем, до отметки девять минут двадцать две секунды фильма Сесилия Б.Де Милля Царь царей, я узнавал новости со всего мира. Затем я нажимал кнопку "воспроизведение" и переносился в Палестину первого века нашей эры.

В течение той недели в 1991 году, когда я проходил с классом заповеди блаженства, в мире происходило много событий. В ходе наземной операции, длившейся всего лишь сотню часов, союзные войска одержали сокрушительную победу над Ираком в войне в Персидском заливе. Как и большинство американцев, я с трудом верил, что война, вызывавшая столько опасений, закончилась так быстро, с таким небольшим количеством потерь с американской стороны. Пока мой видеоманитофон на заднем плане занимался поиском на целлулоидной оболочке, заключавшей в себе Иисуса, различные комментаторы на экране при помощи различных карт и таблиц иллюстрировали то, что конкретно происходило в Кувейте. Затем выступал генерал Норман Шварцкопф.

Си-Эн-Эн сообщала об изменениях в программе передач: они собирались показать прямое включение с первой пресконференции командующего союзными войсками. Некоторое время я пытался продолжить подготовку к уроку. Я посмотрел пять минут на Иисуса, провозглашающего заповеди

блаженства, по версии Пазолини, затем несколько минут на то, как союзные войска захватывают Кувейт по версии Шварцкопфа. Скоро я совсем перестал заниматься видеоманитофоном - Бурный Норман оказался слишком привлекательным. Он рассказывал о "последней бомбардировке" иракской элитной Республиканской Гвардии, о ложном вторжении с моря, о том, как

Союзникам удалось дойти до Багдада, не встретив сопротивления. Он благодарил жителей Кувейта, Саудовской Аравии, англичан и всех остальных, кто встал под знамена многонациональной армии. Полная уверенность в отношении своей боевой задачи и гордость за солдат, выполнивших ее, придавали генералу очень бравый вид. Я, помнится, подумал: хочется, чтобы войну вел именно такой человек.

Брифинг закончился, Си-Эн-Эн переключилась на рекламу, а я вернулся к видеокассетам. Макс фон Зидоу, бледный блондин, изображавший Иисуса в фильме Величайшая из рассказанных историй, произносил Нагорную Проповедь в неправдоподобной интерпретации: "Блаженны ... нищие ... духом", - распевал он с ярко выраженным скандинавским акцентом: " ибо ... их... есть ... царствие... небесное". Мне пришлось привыкать к вялому, по сравнению с брифингом Шварцкопфа, темпу фильма, потребовалось несколько секунд, чтобы преодолеть иронию ситуации: я только что видел заповеди блаженства наоборот!

Блаженны сильные - так звучала заповедь генерала. Блаженны победители. Блаженна та армия, которая достаточно богата, чтобы иметь мощные бомбы и ракеты Пэтриот. Блаженны освободители, солдаты-покорители.

Странное сопоставление двух речей дало мне почувствовать, как Нагорная Проповедь, должно быть, шокировала аудиторию, палестинских евреев первого века нашей эры. Вместо генерала Шварцкопфа у них был Иисус, и угнетенным людям, жаждавшим освобождения от римского правления, Иисус давал сенсационные и непопулярные наставления. Если вражеский солдат даст тебе пощечину, подставь другую щеку. Будь благодарен за свою бедность.

Иракцы, побежденные на поле боя, ответили актом низкой мести и подожгли кувейтские нефтяные скважины; Иисус предписывал испытывать по отношению к врагу не желание мести, а любовь. Как долго смогло бы царство, основанное на подобных принципах, противостоять Риму?

"Счастливы жертвы авиа налетов и бездомные", - мог бы с тем же успехом сказать Иисус. "Блаженны потерпевшие поражение и оплакивающие павших товарищей. Блаженны курды, все еще страдающие под гнетом Ирака". Любой греческий ученый скажет вам, что слово "блаженный" слишком нейтральное и спокойное, чтобы выразить ту ударную силу, которую подразумевал Иисус. Греческое слово означает нечто вроде короткого восторженного вскрика: "Ну, ты и счастливчик!"

"Как счастливы несчастные!" - сказал в действительности Иисус.

***

Через несколько лет после описанного выше эпизода с войной в Персидском заливе я получил приглашение в Белый Дом. Президент Билл Клинтон, встревоженный сообщениями о его низком рейтинге среди христианских евангелистов, собрал двенадцать человек на неофициальном завтраке, чтобы выслушать наши претензии. Каждому из нас отводилось пять минут на то, чтобы высказать президенту и вице-президенту наши мнения. В моей голове промелькнул вопрос: "А что бы сказал Иисус в такой ситуации?" - и я сразу же понял, что единственный раз, когда Иисус встречался с влиятельными политическими лидерами, у него были связаны руки и спина испачкана кровью. Между церковью и властью всегда были нелегкие отношения.

Я обратился к заповедям блаженства и был снова поражен. А что получится, если я перескажу их содержание современными словами?

Господин Президент, во-первых, я хочу посоветовать вам не обращать столько внимания на экономику и трудоустройство. Снижение валового национального продукта, в действительности является

благодать для страны. Неужели вы не понимаете, что бедные люди - самые счастливые? Чем больше бедных будет у нас в США, тем блаженнее мы будем. А им принадлежит царствие небесное.

Не тратьте столько времени на здравоохранение. Видите ли, господин президент, плачущие тоже блаженны, поскольку они утешаются.

Я знаю, вы слышали от религиозных организаций о растущей секуляризации нашей страны. Закон Божий давно не преподается в школах, а протестующих против абортс сажают под арест. Успокойтесь, сэр. Притеснения со стороны государства дают христианам возможность стать изгнанными за правду, а посему - блаженными. Спасибо вам за предоставленные возможности.

Я не представил президенту Клинтону подобную речь, предпочтя вместо этого рассказать об актуальных проблемах американских христиан, но мне пришлось уйти о поставившего меня в тупик вопроса. Какое значение могут иметь заповеди блаженства в обществе, которое уважает уверенного в себе, самонадеянного, богатого человека? Мы верим в то, что блаженны счастливые и сильные. Блаженны те, кто голодает и испытывает жажду в надежде на лучшие времена, кто стремится стать Первым.

Некоторые психологи и психиатры, следуя за Фрейдом, указывают на заповеди блаженства как на доказательство неуравновешенности Иисуса. Как сказал один известный английский психолог в речи, подготовленной для Королевского Медицинского общества:

Дух самопожертвования, которым пропитано христианство, и который так высоко ценится в христианской религиозной жизни, является сдержанным проявлением мазохизма. Более сильную степень его выражения в учении Христа мы находим в Нагорной Проповеди. Она благословляет бедных, смиренных, гонимых; призывает нас не сопротивляться злу, но подставить для пощечины другую щеку; а также делать добро тем, кто нас ненавидит и прощать людям их прегрешения. Все это дышит мазохизмом.

Так что же это - мазохизм или глубокая мудрость? Каждый, кто решиться на быстрый и простой ответ, вероятно, никогда не воспринимал заповеди блаженства всерьез.

То есть, если упростить вопрос, истинны ли заповеди блаженства? Если это так, то почему тогда церковь не поощряет бедность, скорбь, кротость, гонения, вместо того, чтобы бороться с ними? Каково же настоящее значение этой загадочной этической основы учения Христа?

Если бы я был среди тех, кому Иисус впервые провозглашал заповеди блаженства, я думаю, что я покинул бы это собрание, чувствуя себя смущенным или оскорбленным, неудовлетворенным. Спустя девятнадцать столетий я все еще пытаюсь разгадать их. Однако теперь, особенно когда я вспоминаю о моем подростковом, когда я прилагал бешеные усилия, чтобы следовать им слово в слово, я вижу, что мое понимание развивалось ступенчато.

Я не готов, и, может быть, никогда не буду готов утверждать: "Вот, что означают заповеди блаженства". Но постепенно, шаг за шагом, я пришел к тому, что признаю их как важные истины. Для меня они существуют как минимум на трех уровнях понимания.

Заманчивые обещания. На первом уровне понимания я рассматривал заповеди блаженства как подачку, которую Иисус бросил тем, кому не повезло в жизни: "Хорошо, поскольку вы небогаты, и ваше здоровье оставляет желать лучшего, и ваши лица мокры от слез, я подброшу вам несколько милых фраз, чтобы вам стало легче". Позднее, когда мой цинизм постепенно исчез, а моя вера укрепилась, я стал рассматривать их как основные идеи, центральные для учения Иисуса.

В отличие от средневековых королей, которые бросали народу монеты (или современных политиков, которые раздают обещания беднякам перед выборами), у Иисуса была возможность предложить своим слушателям более существенное, даже вечное вознаграждение. Единственный из всех людей на земле,

Иисус действительно жил "по ту сторону", и он, сошедший с небес, отлично знал, что дары царства небесного легко перевесят все страдания, которые мы можем претерпеть в этой жизни. Плачущие будут утешены; кроткие наследуют землю; алчущие насытятся; чистые сердцем узрят Бога. Иисус мог давать такие обещания с полным правом, поскольку он пришел возвестить Царство Божие, которое продлится вечно.

Однажды летом я встречался с группой переводчиков Библии из города Уиклифа ("с группой переводчиков из организации Библейские Переводчики Уиклифа" (организация получила название в честь одного из первых переводчиков Библии на английский язык - Джона Уиклифа)) в их аскетической штаб-квартире посреди аризонской пустыни. Многие из них жили в передвижных вагончиках, а мы разместились в бетонном здании с металлической крышей. Я был потрясен тем выбором, который сделали эти профессиональные лингвисты, готовившиеся к жизни в бедности и в тяжелых условиях в отдаленном поселении. Они очень любили петь одну песню: "И посылаю я тебя на бескорыстный труд, служить без платы, без любви, безвестно, не дожидаясь зова..." Слушая их, я подумал, что эта песня не совсем правдива: эти миссионеры не собирались трудиться безвозмездно. Скорее они переносили трудности, надеясь на особое вознаграждение. Они служили Богу, будучи уверенными в том, что Бог в свое время оценит их труды - если не здесь, то в жизни вечной.

По утрам, пока солнце еще не встало над холмами, я бегал трусцой вдоль пыльных дорог, которые вились между высокими стволами кактусов сагуаро. Опасаясь гремучих змей и скорпионов, я обычно смотрел под ноги на дорогу, но как-то утром, пробегая по новому маршруту, я поднял голову и увидел курорт, маячивший передо мной как мираж. Я подбежал поближе и обнаружил два крупных бассейна, залы для занятия аэробикой, беговую дорожку, сады с пышной растительностью, баскетбольную площадку, футбольное поле и конюшни. Все эти удобства, как мне удалось выяснить, принадлежали клинике, которая специализировалась на расстройствах желудка и обслуживала кинозвезд и спортсменов. Клиника работает по последней двенадцати-уровневой программе, имеет штат, укомплектованный магистрами и докторами наук, и берет с клиентов около 300 долларов в день.

Я медленно побежал назад, к кучке домиков и построек Уиклиффской базы, прекрасно понимая, как они контрастируют с великолепной архитектурой клиники, специализирующейся на желудочных расстройствах. Одно учреждение было призвано спасать души, готовить людей к тому, чтобы служить Богу здесь и в вечности; другое было призвано спасать тела, готовить людей к наслаждениям этой жизни. Казалось совершенно очевидным, какое из учреждений мир ценит больше.

В заповедях блаженства Иисус чтит людей, которые, вероятно не пользовались в этой жизни особыми привилегиями. Бедным, страдающим, смиренным, голодным, гонимым, нищим духом он дал уверенность в том, что их служение не пройдет незамеченным. Они получают соответствующее вознаграждение. "В действительности, - пишет К. С. Льюис, - если мы примем во внимание непомерные обещания воздаяния и призрачную природу этих обещаний, данных в Евангелиях, то может создаться впечатление, что Господь Наш находит наши желания не слишком сильными, а слишком слабыми. Мы создания, живущие в полсилы, развлекающиеся алкоголем, сексом, честолюбием, в то время как нам предложена бесконечная радость, словно невежественное дитя, продолжающее делать куличики в песочнице, поскольку оно не может представить себе преимущества отпуска на море".

Я знаю, что для многих христиан акцент на будущем воздаянии вышел из моды. Мой бывший пастор Билл Лесли обычно говорил: "Поскольку церкви становятся богаче и удачливее, вместо гимна 'Этот мир не мой дом, я лишь странник, проходящий мимо' они отдают теперь предпочтение гимну 'Это мир моего отца (Отца)'. В Соединенных Штатах, по крайней мере, христиане живут настолько хорошо, что уже не идентифицируют свою жизнь с теми обстоятельствами, о которых Иисус говорил в заповедях блаженства - что может послужить объяснением тому, что они звучат так необычно для нашего уха.

Да, как напоминает нам К. С. Льюис, мы не должны сбрасывать со счетов величину будущего воздаяния. Достаточно послушать песни, сочиненные американскими рабами, чтобы понять утешение, приносимое верой. "Спустись пониже, прекрасная колесница, явившаяся, что забрать меня домой". "Когда я попаду на небо, то собираюсь там надеть свою мантию, собираюсь закричать на все Божии небеса". "Мы скоро станем свободны, мы скоро станем свободны, когда Господь призовет нас домой". Если бы эти песни писали для рабов их хозяева, они звучали бы непристойно; напротив, эти песни исходили из уст самих рабов, людей у которых было мало надежды в этом мире, но которые возлагали надежды на грядущий мир. Для них все надежды были сосредоточены на Иисусе. "Никто не знает какие беды я терплю, никто, кроме Иисуса". "Я возложу все мои беды на плечи Иисусу".

У меня больше не вызывают усмешки вечные воздаяния, упомянутые в заповедях блаженства как "награда на небесах". Что хорошего в том, чтобы верить в грядущее воздаяние? Что хорошего принесла Терри Уэйту вера в то, что он не проведет остаток своей жизни прикованным к ручке двери в грязной квартире в Бейруте, но что его будет окружать мир его семьи и друзей, мир милосердия и любви, вера в то, что он будет слушать музыку и вкушать пищу и что его ожидают хорошие книги, если ему хватит сил продержаться чуть подольше? Что хорошего принесла рабам вера в то, что Бог не был удовлетворен миром, в котором существовали непосильный труд и хозяева, вооруженные кнутами из воловьих жил и веревками для повешения. Вера в грядущее воздаяние означает веру в то, что длинная рука Господа несет справедливость, вера в То, что однажды гордыня буден повергнута, смирение восторжествует и голод будет утолен сполна.

Перспектива грядущих воздаяний ни в коей мере не исключает нашу потребность бороться за справедливость сейчас, в этой жизни. Однако нельзя отрицать очевидного исторического факта, что для заключенных советского Гулага и для рабов в Америке и христиан в подвальных помещениях римских амфитеатров, ожидавших своей очереди быть растерзанными дикими зверями, обещанное воздаяние было источником не стыда, а надежды. Это помогает выжить. Это, в конечном итоге, позволяет верить в справедливого Бога. Слово колокол, звучащий из иного мира, обещанное Иисусом воздаяние возвещает о том, что независимо от того, как складываются обстоятельства, будущее за добром, а не за злом.

Моя жена, Джанет, которая работала в контакте с Чикагской программой по предоставлению жилья пенсионерам, консультировала самую бедную прослойку общества во всех Соединенных Штатах. Около половины ее клиентов составляли белые, половину - черные. Все они много пережили в своей жизни - две мировых войны, Великую депрессию, социальные перевороты - и все они, будучи семидесяти-восьмидесятилетними стариками, жили, предчувствуя дыхание смерти. Однако Джанет обратила внимание на бросающееся в глаза различие в том, как черные и белые относились к смерти. Конечно, были исключения, но тенденция выглядела примерно так: большинство белых ощущали возрастающую тревогу и страх. Они жаловались на свою жизнь, на своих близких, на ухудшающееся здоровье. Черные, напротив, сохраняли чувство юмора и бодрость духа, хотя у них и были более очевидные причины для горечи и отчаяния.

Чем вызвана эта разница? Джанет пришла к выводу, что ответом на этот вопрос была надежда, надежда, которая восходила непосредственно к основополагающей вере черного населения в небеса.

Если вы желаете познакомиться с современными представлениями о небесах, посетите какие-нибудь негритянские кладбища. С характерным красноречием священники рисуют мир загробной жизни таким безмятежным и живописным, что у любого из присутствующих на отпевании возникает желание попасть туда. Скорбящие конечно чувствуют печаль, но печаль особого свойства: как паузу, временное отступление в битве, чей исход был уже заранее предрешен.

Я уверен, что для этих никем не замеченных святых, которые научились воспринимать Бога и радоваться ему, несмотря на все трудности их жизни на земле, небеса скорее кажутся чем-то вроде долгожданного возвращения домой, нежели визитом на новое место. В их жизни заповеди блаженства

стали реальностью. Для тех людей, которые потерялись среди боли, разрушенных домов, в экономическом хаосе, среди ненависти и страха, среди насилия - им Иисус обещает жизнь, которая будет гораздо более продолжительной и более насыщенной, чем это существование на земле, жизнь полную здоровья, благополучия, и удовольствия, и мира. Жизнь, в которой осуществиться воздаяние.

Великий Переворот. Долгое время, и даже очень долгое, я учился уважать те воздаяния, которые обещал нам Иисус. Даже если эти воздаяния будут иметь место когда-то в будущем, и заманчивые обещания не удовлетворяют сегодняшних потребностей. Между прочим я также стал верить в то, что заповеди блаженства в равной степени относятся как к настоящему, так и к будущему. Они четко показывают контраст между тем, как можно добиться успеха в царствии небесном и в царстве этого мира.

Д. Б. Филлипс составил заповеди блаженства, которые действуют в этом мире:

Блаженны "пробивные": ибо они найдут место в этом мире.

Блаженны крепкие орешки: ибо они не позволят жизни помыкать собой.

Блаженны те, кто жалуется: ибо, в конце концов, они найдут выход.

Блаженны пресыщенные: ибо они никогда не беспокоятся согрешив.

Блаженны надсмотрщики за рабами: ибо они получают результат.

Блаженны знающие этот мир: ибо они всегда найдут обходной путь.

Блаженны нарушители спокойствия: ибо люди их заметят*.

Современное общество живет по правилу, гласящему, что выживает самый приспособленный. "Тот, кто умирает, набрав максимум очков", - как гласит надпись на одной автомобильной наклейке. Таково мнение нации, обладающей самым лучшим оружием и самым большим валовым национальным продуктом. Владелец команды "Чикаго Буллс" вкратце резюмировал эту идею в связи с уходом из спорта (временным) Майкла Джордана: "Он является воплощением Американской Мечты, - сказал Джерри Рейнсдорф, - Американская Мечта - это такой момент жизни, когда ты не должен делать ничего, чего ты не хочешь делать, а можешь делать что угодно из того, что хочешь".

Это может быть и американская мечта, но это точно не мечта Иисуса, которую он выразил в заповедях блаженства. Заповеди блаженства довольно ясно объясняют, что Бог видит мир совсем другими глазами. Похоже, что Бог предпочитает бедных и тех, кто горюет о 500 самых богатых людях мира и супермоделях, резвящихся на пляже. Проще говоря, Бог, по всей видимости, предпочитает Южный Центр Лос Анжелеса пляжу Малибу, и Руанду Монте-Карло. На самом деле Нагорную проповедь можно было бы озаглавить не "выживает сильнейший", "триумф слабых".

Разнообразные сцены из Евангелия дают яркое представление о том, какого сорта люди производили на Иисуса впечатление. Вдова, которая пожертвовала последние две монеты. Всеми презираемый сборщик налогов, который был настолько запуган, что взобрался на дерево, чтобы лучше разглядеть Иисуса. Безымянный, неизвестный ребенок. Женщина, имевшая несколько неудачных браков. Слепой нищий. Человек, пораженный проказой. Сила, правильные взгляды, связи и инстинкт самосохранения могут привести человека к успеху в таком обществе, как наше, но человеку со всеми этими качествами закрыт вход в царствие небесное. Зависимость, страдание, раскаяние, готовность измениться - вот ворота в Царство Божие.

"Блаженны нищие духом", - сказал Иисус. В одном комментарии эта фраза переводится "Блаженны отчаявшиеся". Не имея другого выхода, отчаявшиеся могут обратиться к Иисусу, он единственный, кто может дать им утешение, которого они жаждут. Иисус действительно считал, что нищий духом, или

страдающий, или гонимый, или жаждущий справедливости имеет исключительное преимущество перед всеми остальными.

Возможно, лишь возможно, отчаявшийся человек возопит к Богу о помощи. Если да, то он действительно блажен.

Католические ученые придумали фразу "Божественное предпочтение бедным" что описать тот феномен, который они обнаружили как в "Ветхом Завете", так и в "Новом Завете": склонность Бога к беднякам и неудачникам. Почему Бог уделяет беднякам особое внимание по сравнению с другими группами? Меня всегда это интересовало. Что в бедняках так привлекает Бога? Я получил помощь в этом вопросе от автора по имени Моника Хеллвег, которая составила список следующих "преимуществ" бедного человека:

1. Бедные знают, что они крайне нуждаются в спасении.
2. Бедные знают, что они зависят не только от Бога и сильных мира сего, но и друг от друга.
3. Бедные считают, что их безопасность обеспечивается не вещами, а людьми.
4. У бедных нет преувеличенного чувства важности их собственной персоны и преувеличенной нужды владеть какой-либо собственностью.
5. Бедные меньше полагаются на конкуренцию, чем на сотрудничество.
6. Бедные знают отличие между предметами первой необходимости и предметами роскоши.
7. Бедные умеют ждать, потому что приобрели своего рода упорное терпение, происходящее от осознанной зависимости.
8. Страхи бедных более реалистичны и менее преувеличены, поскольку им уже известно, что человек может пережить много страданий и нужды.
9. Когда бедным проповедуют Евангелие, они воспринимают его как добрую весть, а не как угрозу или укор.
10. Бедные могут ответить на призыв Евангелия с полной самоотдачей и с чистым сердцем, поскольку им нечего терять и они готовы ко всему.

В конечном итоге, мы приходим к выводу о том, что бедные люди, независимо от их собственного выбора - они, возможно, хотят совершенно другого - находятся в таком положении, которое снискало благодать Божию. Находясь в состоянии нужды, зависимости, и неудовлетворенности жизнью, они могут получить безвозмездный дар Божественной любви.

В качестве эксперимента я вернулся к списку Моника Хеллвиг, заменив слово "бедный" словом "богатый", и заменив каждую сентенцию на противоположную. "Богатые не знают о том, что они крайне нуждаются в спасении... Богатые считают, что их безопасность обеспечивается не людьми, а вещами..." (Иисус делал нечто похожее в заповедях блаженства по версии Луки, но эта их часть привлекает гораздо меньше внимания: "Напротив, горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение").

Затем я сделал нечто более пугающее: я подставил слово "Я". Просмотрев заново каждое из десяти утверждений, я спросил себя, на что больше похожа моя собственная позиция, на позицию бедных или богатых. Легко ли я осознаю, в чем я нуждаюсь? С готовностью ли я отдаю себя в зависимость от других людей и от Бога? В чем я вижу свою безопасность? Что я больше люблю, соревноваться или сотрудничать? Различаю ли необходимость и роскошь? Терпелив ли я? Как звучат для меня заповеди блаженства, как укор или как добрая весть?

Проведя этот эксперимент, я начал понимать, почему многие святые сами накладывали на себя епитимью бедности. Зависимость, смирение, простота, сотрудничество и чувство отречения - это те качества, которые особенно высоко ценятся в духовной жизни, и которых так нелегко достичь тем людям, которые живут с комфортом. Возможно, к Богу и можно прийти другим путем, но это, увы,

чрезвычайно трудно - также трудно, как верблюду пролезть в игольное ушко. В Великом Перевороте, к которому ведет Царство Божие, зажиточные люди очень редко становятся святыми.

Я не думаю, что бедные люди более добродетельны, чем все остальные (хотя я сделал для себя вывод, что они более чуткие, и часто более щедрые люди), но они менее склонны притворяться добродетельными. В них нет высокомерия среднего класса, который умеет искусно скрывать свои проблемы за фасадом самоуверенности. В них больше естественного доверия, поскольку у них нет выбора; им приходится зависеть от других просто для того, чтобы выжить.

Теперь я рассматриваю Заповеди блаженства не как покровительственные наставления, а как глубокое проникновение в тайну человеческого существования. Царствие Божие выворачивает наизнанку все понятия. Бедные, голодающие, смиренные и притесненные действительно блаженны. Не из-за того печального положения, в котором они находятся - Иисус всю жизнь пытался смягчить их страдания. Скорее, они блаженны из-за присущего их положению преимущества, которое они имеют перед тем, кто лучше устроился и доволен собой. Люди, которые богаты, удачливы и красивы, могут прожить жизнь легко, полагаясь на то, что им дала природа.

Люди, которые лишены таких природных преимуществ, и, по этой причине, не имеют успеха в этом мире, могут просто обратиться к Богу в час нужды.

Люди не готовы должным образом принять отчаяние. Но, когда они это делают, Царство Божие становится для них ближе.

Психологическая реальность. Совсем недавно я начал видеть третий уровень истины в заповедях блаженства. Иисус не просто предложил нам идеал, к которому следует стремиться, имея в перспективе соответствующие воздаяния; он не просто потряс устои нашего общества, построенного на культе успеха; он еще и выдвинул простую формулу психологической истины, истины самого высокого уровня, который нам известен на земле.

Заповеди блаженства показывают, что то, что ценится в Царствии Небесном, приносит нам пользу и в этой жизни, здесь и сейчас. Мне потребовалось много лет, чтобы распознать эту истину, и только сейчас я начинаю понимать заповеди блаженства. Они, по-прежнему, нервируют меня каждый раз, как я их читаю, но это происходит потому, что я распознаю в них богатство, которое разоблачает мою собственную нищету.

Блаженны нищие духом... Блаженны кроткие.... В книге Пола Джонсона Интеллектуалы детально и убедительно показано то, что все мы, на самом деле, и так уже знаем: люди, которых мы превозносим, которых стремимся превзойти, и которых помещаем на обложки журналов, на самом деле не такие цельные, счастливые, уравновешенные люди, какими мы их себе представляем. Хотя герои Джонсона (Эрнест Хемингуэй, Бертран Рассел, Жан-Поль Сартр, Эдмунд Уилсон, Бертольд Брехт, и т.д.) по любым современным стандартам могут называться людьми преуспевающими, было бы трудно собрать более жалкую, эгоцентричную, вульгарную компанию.

Моя карьера в качестве журналиста предоставила мне возможность брать интервью у "звезд", включая футбольных знаменитостей, киноактеров, музыкантов, популярных писателей, политиков и работников телевидения. Это люди, которые занимают почетное место в средствах массовой информации. Мы лебезим перед ними, вглядываясь в детали их жизни: в то, какую одежду они носят, какую еду они предпочитают, как они занимаются аэробикой, каких людей любят, какой зубной пастой пользуются. Я должен сказать, насколько позволяет судить мой скромный опыт, что принципы

Пола Джонсона на поверку оказались правдой: наши "идолы" оказались самой жалкой компанией, какую я когда-либо встречал. У большинства из них неудачные или распавшиеся браки. Почти все они

неизбежно зависят от визитов к психотерапевту. По иронии судьбы, эти супергерои, похоже, страдают от комплекса неполноценности.

Я также проводил время с людьми, которых я называю "людьми служения". Доктора и медсестры, которые работают среди последних бродяг, пациентов, больных проказой в индийских деревнях. Выпускник Принстона, который содержит приют для бездомных в Чикаго. Медицинские работники, которые бросили высокооплачиваемую работу, чтобы корпеть в захолустном городишке в штате Миссисипи. Медперсонал, работающий в Сомали, Судане, Эфиопии, Бангладеш и других вместилищах человеческих страданий. Доктора наук, которых я встречал в Аризоне, когда они продирались сквозь джунгли Южной Америки, переводя Библию на неизвестные языки.

Я готов был уважать этих людей служения, воспринимать их жизнь как вдохновляющий пример. Я не был готов им завидовать. Однако когда я теперь сравниваю обе эти группы: "звезд" и людей служения, последние совершенно четко выглядят как победители, как осененные благодатью. Без сомнения, я предпочел бы проводить время с этими людьми, чем со "звездами": в них есть такая глубина и богатство природы и даже радость, которую я не встречал ни у кого более. Люди служения работают подолгу за маленькую плату и не получая за это признания, "зарывая в землю" свои таланты и умения среди бедных и необразованных людей. Однако, каким-то образом, растрчивая свою жизнь, они находят себя.

Теперь я верю в то, что нищие духом и кроткие действительно блаженны. Им будет принадлежать Царствие Небесное, и они наследуют землю.

Блаженны чистые сердцем. В тот период моей жизни, когда я боролся с половым влечением, мне попала статья, в которой была ссылка на небольшую книгу под названием *Во что я верю?* написанную французским католическим автором Франсуа Мориаком. Меня удивил тот факт, что Мориак, будучи пожилым человеком, отводил значительное место в книге рассуждениям о своей похоти. Он объяснял: "Пожилым возраст таит в себе опасность испытания, вдвойне более тяжкого, поскольку воображение пожилого человека ужасным образом замещает то, в чем ему отказывает природа".

Я понял, что Мориак знал, что такое похоть. Новеллы *Клубок змей* и *Поцелуй для прокаженного*, благодаря которым он получил Нобелевскую премию в области литературы, изображают похоть, борьбу с ней и сексуальное насилие лучше, чем все, что я когда-либо читал. Для Мориака половое влечение было хорошо известным полем битвы.

Мориак отверг большинство аргументов в пользу полового воздержания, которые ему приводили в дни его католического воспитания. "Брак излечит от похоти": это не сработало в случае с Мориаком, также как и во многих других, поскольку похоть подразумевает привлекательность незнакомых людей и вкус к приключениям и случайным встречам. "При помощи самодисциплины Вы сможете преодолеть похоть": Мориак считал, что половое влечение, подобно волне во время прилива, способно, смести все самые лучшие намерения. "Настоящая полнота ощущений может быть достигнута только в моногамном браке": возможно, это и правда, но это не кажется правдой тому, кто не способен побороть свое сексуальное желание даже в моногамном браке. Таким образом, он взвесил традиционные аргументы в пользу воздержания и нашел их недостаточными.

Мориак пришел к выводу, что самодисциплина, подавление эмоций, и рациональная аргументация являются неподходящим оружием в борьбе против порывов к половой распущенности. В конце концов, ему удалось найти только одну причину, по которой стоит ограничивать себя, и заключается она в том, что Иисус представил в Заповедях блаженства: "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят". По словам Мориака, порочность отделяет нас от Бога. Духовная жизнь подчиняется таким же непререкаемым законам, как законы физического мира... Воздержание является условием любви более высокого уровня - страсть выше всех иных страстей - любовь к Богу. Да, на карту поставлено именно это, и ничуть не меньше".

Чтение Франсуа Мориака не примирило меня с похотью. Но, вне всякого сомнения, я должен сказать, что его анализ показался мне точным. Любовь, которую Господь обращает к нам, требует того, чтобы наши помыслы кристально очистились, прежде чем мы удостоимся высшей любви, другого способа достичь ее не существует. Этим и мотивируется необходимость оставаться непорочным. Потаенными похотливыми мыслями я исчерпываю лимит моих доверчивых (доверительных) отношений с Богом.

Чистые сердцем действительно блаженны, ибо они узрят Бога. Это настолько же просто, насколько и сложно.

Блаженны милостивые. Истинность этой заповеди открыл мне Генри Ноуен, священник, который частенько преподавал в Гарварде. На пике своей карьеры Ноуен покинул Гарвардский университет и уехал в общину Дейбрейк, недалеко от Торонто, вызванный туда своим другом по имени Адам, чтобы взять на себя тяжелую обыденную работу. Ноуен избрал служение не интеллектуалам, а молодому человеку, который многими воспринимался как бесполезная личность, которой не следовало появляться на свет.

Ноуен описывает своего друга:

Адам, двадцати пяти летний молодой человек, который не может говорить, не в состоянии одеваться, не может сам ходить, не может есть без помощи. Он не плачет и не смеется. Он очень редко смотрит в глаза. У него искривлен позвоночник. Движения его рук и ног судорожны. Он страдает тяжелой формой эпилепсии и принимает сильнодействующие лекарства, не проходит и нескольких дней, чтобы с ним не случился сильный припадок. Иногда, когда ему внезапно становится особенно плохо, он испускает тяжелый стон. Несколько раз я видел большую слезу, скатывающуюся по его щеке.

У меня уходит примерно полтора часа времени, чтобы разбудить Адама, дать ему лекарство, положить его в ванную, помыть, побрить, почистить зубы, одеть его, отвести в кухню, накормить завтраком, посадить его в инвалидную коляску и отвезти его туда, где он проводит почти весь день, занимаясь лечебной физкультурой.

Приехав в гости к Ноуену в Торонто, я увидел, как он возится с Адамом, и, должен признаться, у меня возникли глубокие сомнения по поводу того, что это лучшее применение для такого человека, как Ноуен. Я разговаривал с Ноуеном и читал многие из его книг. У него есть, что рассказать людям. Неужели никто не мог взять на себя такую грубую работу как уход за Адамом? Когда я однажды случайно затронул этот вопрос в разговоре с самим Ноуеном, он объяснил мне, что я совершенно неправильно интерпретирую ситуацию: "Я ничем не жертвую, - настаивал он, - это я выигрываю от этой дружбы, а не Адам".

Затем Ноуен начал перечислять мне все преимущества этой дружбы. Часы, проведенные с Адамом, сделали его внутренний мир толь совершенным, что, в сравнении с затраченным временем, большинство более возвышенных миссий, которые он мог бы выполнить, кажутся скучными и поверхностными. Еще до того, как он начал ухаживать за беспомощным великовозрастным ребенком, он понял, насколько было отмечено стремлением к конкуренции и соперничеству его желание успеха в Академии и в должности священника. Адам научил его тому, что человеком нас делает не наш разум, не наша способность рассуждать о нашей способности любить, а наш сердце. Из простой души Адама он почерпнул "опустошенность", которая должна наступить, прежде чем нас заполнит Бог - тот вид опустошенности, которой монахи-пустынники достигают только после долгих исканий и постов.

В течение всего нашего разговора Генри Ноуен возвращался к моему вопросу, словно не мог поверить, что я спросил его об этом. Он продолжал размышлять о преимуществах, которые ему дали отношения с Адамом.

В действительности, он наслаждался душевным покоем нового качества, обретенным не в четырех стенах величественного Гарварда, а у постели больного Адама. Я покинул Дейбрейк, осознав мою собственную духовную нищету - я, пытающийся построить свою жизнь писателя таким образом, чтобы она была заполнена работой и сосредоточена на одной основной цели. Я понял, что милостивые действительно блаженны, поскольку по отношению к ним также будет проявлено милосердие.

Блаженны миротворцы... Блаженны изгнанные за правду. Эта истина открылась окольным путем. Великий романист Лев Толстой пытался следовать этой истине, но его раздражительный характер все равно вел его по пути миротворца. Однако, Толстой красноречиво писал о Нагорной Проповеди, и полвека спустя один индийский аскет, по имени Моханда Ганди (Мохатма Ганди ???, М.Л. Кинг читал его биографию, и учился его тактике борьбы), прочитал Царство Божие в тебе и решил жить, в точности следуя принципам Нагорной Проповеди.

В кинокартине Ганди есть одна замечательная сцена, в которой Ганди пытается объяснить свою философию пресвитерианскому миссионеру Чарли Эндрюсу. Прогуливаясь вместе по одному южно-африканскому городу, оба внезапно обнаруживают, что им преградили путь бандиты. Преподобный Эндрюс, завидев угрожающего вида гангстеров, решает бежать от них. Ганди останавливает его: разве в Новом завете не сказано, что если враг ударит тебя по правой щеке, то ты должен подставить ему левую? Эндрюс бормочет, что ему казалось, что эта фраза употреблена в переносном смысле. "Я в этом не уверен", - отвечает Ганди. "Мне кажется, он имел в виду то, что нужно проявить смелость - быть готовым выдержать удар, много ударов, чтобы показать, что ты не уступишь, и тебя не сломить. И когда ты это сделаешь, что-то отзовется в человеческой натуре, нечто, что уменьшит его ненависть и вызовет уважение. Я думаю, что Христос имел в виду это, и я видел, как это действует".

Много лет спустя некий американский священник Мартин Лютер Кинг Младший изучил тактику Ганди и решил применить ее на практике в Соединенных Штатах. Многие чернокожие покинули Кинга из-за его идеи ненасилия и обратились к риторике "черной силы". После того, как тебя дюжину раз ударили по голове полицейской дубинкой, а потом еще и получив пинок от тюремщика, начинаешь сомневаться в эффективности ненасилия. Но сам Кинг никогда не колебался в этом вопросе.

Когда начались беспорядки, в таких местах, как Лос Анджелес и Гарлем, Кинг стал переезжать из города в город, пытаясь остудить горячие головы, настойчиво напоминая демонстрантам, что перемены в области морали невозможно достичь аморальными методами. Он почерпнул эти идеи из Нагорной Проповеди и у Ганди, и почти во всех его речах повторялась одна мысль. "Христианство, - говорил он, - всегда настаивало на том, что крест, который мы несем, предшествует короне, которую мы затем будем носить. Чтобы стать христианином, нужно поднять свой крест со всеми сопутствующими трудностями, мучениями и неудобствами, и нести его пока этот самый крест не оставит на нас своей отметины не спасет нас, заставив нас пройти тем великим путем, по которому ведет только страдание".

У Мартина Лютера Кинга были некоторые слабые стороны, но в одном он был прав. Вопреки всем трудностям, вопреки инстинкту самосохранения, он оставался верен миротворческим принципам. Он не отступил. Когда все призывали к отмщению, он призывал к любви. Участники маршей в защиту прав граждан грудью вставали против полицейских с дубинками, брандспойтов, и рычащих немецких овчарок. Действительно, именно это принесло им победу, к которой они так стремились. Историки указывают на одно событие, которое явилось моментом, когда общественный резонанс в пользу этого вопроса достиг критической точки. Это случилось на мосту за пределами города Селма, штат Алабама, когда шериф Джим Кларк натравил своих полицейских на вооруженных черных демонстрантов. Американская общественность, ужаснувшись этой сцене неоправданного насилия, наконец, согласилась дать ход биллю о правах граждан.

Я вырос в Атланте, в городе, где бывал Мартин Лютер Кинг, и я со стыдом признаю, что в то время как он проводил марши в таких городах, как Селма, Монтгомери и Мемфис, я был на стороне белых шерифов с дубинками и немецкими овчарками. Я торопился осуждать его пороки, и не спешил признать грех собственной слепоты. Но, поскольку он оставался верен себе, подставляя себя в качестве мишени, а не используя арсенал своего опыта, ему удалось сломить мое морализаторство.

Настоящая цель, любил говорить Кинг, заключается не в том, чтобы нанести белому человеку поражение, а в том, чтобы "пробудить в угнетателе чувство стыда и заставить его задуматься о своем ложном чувстве превосходства... Итогом должно стать примирение; итогом должно стать искупление; итогом должно стать создание общества, живущего по законам любви". Это было именно то, что Мартину Лютеру Кингу удалось так затронуть даже в таких расистах, как я.

Кинг, как до него Ганди, принял смерть мученика. После его смерти все больше и больше людей принимают принцип ненасильственного протеста как способа добиться справедливости. На Филиппинах, после мученической смерти Бениньо Аквино, простые люди свергли правительство, собираясь на улицах для молитвы. Танки военных застревали в толпе коленапреклоненных Филиппинцев, словно остановленные невидимой силой. Позднее, в памятный 1989 год в Польше, Венгрии, Чехословакии, Восточной Германии, Болгарии, Югославии, Румынии, Монголии, Албании, в Советском Союзе, Непале и в Чили более половины биллиона людей сбросили ярмо угнетателей, прибегнув к ненасильственному протесту. Во многих из этих стран, особенно это касается стран Восточной Европы, христианская церковь стояла во главе этого протеста. Протестующие маршировали по улицам, неся в руках свечи, распевая гимны и читая молитвы. Как и во времена Иисуса в беспорядке рушились стены.

Миротворцы будут названы сыновьями и дочерьми Божиими, блаженны также и гонимые за правду, ибо их есть Царствие Небесное.

Блаженны плачущие. Поскольку я написал книги с такими названиями, как Где Бог, когда человек страдает, Разочарование в Боге, я тоже был среди плачущих. Сначала они пугали меня. У меня не было ответов на те вопросы, которые они мне задавали, и я чувствовал себя неловко, видя их скорбь, особенно мне вспоминается один год, когда по приглашению одного из моих соседей я присоединился к одной группе, проходящей лечение в больнице по соседству. Эта группа, под названием Подведи Итоги Своей Жизни, состояла из умирающих людей, и я в течение года сопровождал моего соседа на их встречи.

Естественно я не мог сказать, что меня "радовали" собравшиеся; это было бы неподходящим словом. Однако эти встречи стали для меня одним из наиболее значительных событий каждого месяца. В отличие от какой-нибудь вечеринки, участники которой стараются произвести друг на друга впечатление, демонстрируя свое положение и силу, в этой группе никто к этому не стремился. Одежда, манеры, мебель в их домах, названия фирм, где они работали, новые автомобили - какое значение это могло иметь для людей, готовящихся умереть? Более, чем кто-либо из встречавшихся мне людей, члены этой группы сосредотачивались на жизненно важных вопросах. Я понял, что мне хочется, чтобы кто-нибудь из моих ветреных, наслаждающихся прелестями жизни друзей, принял участие в этих встречах.

Позднее, когда я писал о том, что я почерпнул от скорбящих и страдающих людей, я начал получать письма от незнакомых мне людей. У меня было три папки этих писем, каждая толщиной в три дюйма.

Они относятся к наиболее ценным для меня вещам. Одно письмо длиной двадцать шесть страниц, было написано на бумаге в голубую полоску матерью, сидящей в холле больницы, в то время как хирурги оперировали опухоль мозга у ее четырехлетней дочери. Другое письмо пришло от человека, стоявшего на пороге смерти и "писавшего" при помощи выдохов воздуха в трубку, которые компьютер переводил в буквы на принтере.

История многих из тех людей, которые мне писали, не закончилась хэппи-эндом. Некоторые все еще чувствуют себя оставленными Богом, почти никто не нашел ответа на вопрос "зачем?" Но я видел достаточно скорби для того, чтобы поверить Иисусу, который обещал, что плачущие утешатся.

Я знаю две небольших общины, управляемые частным образом, которые своим образованием обязаны горю. Первая из них сложилась тогда, когда одна женщина в Калифорнии узнала, что ее сын, зеница ее ока, умирает от СПИДа. Она практически не нашла сострадания и поддержки в своей церкви и общине по той причине, что молодой человек был гомосексуалистом. Она чувствовала себя такой одинокой и нуждающейся в помощи, что решила издавать информационный бюллетень, который сейчас объединяет большое количество родителей, чьи дети являются гомосексуалистами. Хотя она предлагает незначительную, с профессиональной точки зрения, помощь и не обещает чудесного исцеления, сотни родителей сегодня видят в этой мужественной женщине спасительницу.

Другая женщина, в Уисконсине, потеряла своего сына, погибшего во время крушения вертолета Военно-морских Сил Соединенных штатов. Многие годы она не могла избавиться от темного облака скорби, нависшего над ней. Она держала комнату сына нетронутой, в том состоянии, в каком он ее оставил. Внезапно она начала обращать внимание на то, как часто в новостях сообщают о крушении вертолетов. Она думала о других семьях, столкнувшихся с трагедиями наподобие ее собственной, и ее заинтересовало, не может ли она им чем-нибудь помочь. Теперь, где бы ни произошло крушение военного вертолета, она посылает пачку писем и материальную помощь офицеру в Министерстве Обороны, который переправляет посылку семье пострадавшего. Около половины из этих людей поддерживают друг с другом регулярную переписку, и, выйдя на пенсию, эта женщина из Уисконсина намеревается создать свою собственную "общину страдания". Эта деятельность, разумеется, не уменьшила ее скорби по сыну, но это дало ей какой-то смысл, и она больше не чувствует себя беспомощной перед лицом горя.

Я понял, что не существует более эффективного средства, чем то, которое Генри Ноуен называет "раненый исцелитель". Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны алчущие и жаждущие правды. В каком-то смысле, каждый упомянутый мной в этой литании Заповедям Блаженства подтверждает заключительное обещание Иисуса. "Слуги", растрачивающие свои жизни среди бедности и нужды, Франсуа Мориак, призывающий к непорочности, Генри Ноуен, моющий и одевающий Адама, доктор Мартин Лютер Кинг и все, кто научился методам ненасилия, матери юношей-гомосексуалистов и пилотов Военно-морских Сил, сумевшие выйти за пределы своего собственного горя - все эти люди и есть алчущие и жаждущие правды. Каждый из них получил какое-нибудь воздаяние, не только в будущей, но также и в этой жизни.

Одна албанская монахиня провела шестнадцать лет в эксклюзивных условиях, преподавая географию дочерям из состоятельных британских и бенгальских семей Калькутты. Однажды, во время поездки по железной дороге в Гималаи она услышала голос, призывающий ее пойти другим путем и служить беднейшим из бедных. Может ли кто-нибудь усомниться в том, что Мать Тереза обрела большее внутреннее совершенство во время своего более позднего служения, нежели чем когда она начинала свой путь? Я сталкивался с этим принципом в святых и в обыкновенных людях так часто, что теперь я понимаю, почему Евангелие повторяет одно высказывание Иисуса чаще других: "Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее".

Иисус говорит, что он пришел не разрушить жизнь, а дать нам ее во всем ее изобилии, "чтобы имели жизнь и имели с избытком". Парадоксальным образом, мы обретаем эту полноту жизни в том, над чем мы могли не задумываться. Мы обретаем жизнь, отдавая ее другим, смело защищая справедливость, служа слабым и нуждающимся, стремясь к Богу, а не к самим себе. Я не рискну испытывать жалость к кому-либо из упомянутых мной только что людей, хотя жизнь каждого из них связана с трудностями. Со всеми их "тайнствами", они кажутся мне даже более живыми, а не наоборот. Алчущие и жаждущие правды насытятся.

В заповедях Блаженства, странных фразах, которые на первый взгляд кажутся абсурдными, Иисус предлагает парадоксальное обретение полноты жизни. Царство небесное, сказал он в другой раз, подобно

сокровищу такой цены, что любой проникательный человек "от радости о нем" продал бы все, что у него есть, чтобы приобрести его. Оно представляет собой ценность, гораздо более реальную и неизменную, чем все, что может предложить мир. Поскольку это сокровище будет приносить дивиденды как здесь, на земле, так и в грядущей жизни. Иисус делал акцент не на том, чем мы жертвуем, а на том, что мы приобретаем. Не в наших ли собственных интересах было бы обладать таким сокровищем.

Когда я впервые услышал заповеди Блаженства, они прозвучали для меня как неосуществимые идеалы, предложенные мечтательным мистиком. Сейчас, однако, я смотрю на них, как на истины, провозглашенные реалистом, ничуть не менее прагматичным, чем генерал Норман Шварцкопф. Иисус знал, как устроена жизнь как в Царствии Небесном, так и в этом мире. В жизни, характерными чертами которой являются бедность, скорбь, смирение, жажда справедливости, сострадание, чистота, миротворческие побуждения, гонения, Иисус сам олицетворял заповеди Блаженства. Возможно, он даже понимал заповеди Блаженства как проповедь, обращенную как ко всем нам, так и к самому себе, поскольку у него было много возможностей воплотить в жизнь эти суровые истины.

Глава 7 Весть: проповедь

Проверка того, соблюдаем ли мы учение Христа есть наше осознание нашей неспособности достичь идеального совершенства. То, насколько мы приближаемся к этому совершенству, невозможно увидеть; нам видна только степень нашего отклонения.

Лев Толстой

Заповеди блаженства представляют собой только первый шаг на пути к пониманию Нагорной Проповеди. Спустя много времени после того, как я начал понимать вечные истины заповедей блаженства, я все еще размышлял о бескомпромиссной резкости остальной проповеди Иисуса. Это абсолютизирование по-прежнему удивляло меня. "Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный", - сказал Иисус, его утверждение пришлось как раз впору между его призывом любить своих врагов и раздавать деньги. Быть совершенными как Бог? Что же он имел в виду?

Я не могу просто игнорировать это стремление к крайностям, поскольку оно проявляется и в других главах Евангелия. Когда богатый человек спросил Иисуса, что ему нужно сделать, чтобы наследовать жизнь вечную, Иисус велел ему раздать свои деньги - не 10 процентов или 18, 5 процентов или даже 50 процентов, а абсолютно все. Когда один из учеников спросил его, надо ли ему прощать своему ближнему до семи раз, Иисус ответил: "Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз". Другие религии исповедовали варианты "золотого правила", но формулировали его в форме более ограниченной и негативной: "Не поступай с другими так, как не хотел бы, чтоб поступили с тобой". Иисус развернул это правило в ничем не связанную формулу: "Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними".

Кто-нибудь когда-либо прожил свою жизнь так совершенно, как Бог? Следовал когда-нибудь хоть кто-то золотому правилу? Как мы можем соответствовать такому недостижимому идеалу? Мы, люди, предпочитаем здравый смысл и равновесие, нечто близкое к аристотелевской "золотой середине", чем к "золотому правилу" Иисуса.

* * *

Одна моя подруга, по имени Вирджиния Стэм Оуэнс, предложила группе своих студентов в Техасском A&M University, где она преподавала письменную речь, Нагорную Проповедь в качестве темы для короткого эссе. Она ожидала, что они проявят элементарное уважение к тексту, поскольку Техас входит в зону Библейский Пояса, но реакция ее студентов, скоро избавило ее от этого заблуждения. "По

моему мнению, религия - это большая мистификация", - написал один из них. "Есть старая поговорка "Не стоит верить всему, что читаешь" и в этом случае она подходит", - написал другой.

Вирджиния вспомнила свое собственное знакомство с Нагорной Проповедью в воскресной школе, где плакат в пастельных тонах изображал Иисуса сидящим на зеленом склоне холма, окруженного пухленькими розовощекими детьми. Ей никогда не приходило в голову, реагировать на него со злостью или отвращением. Ее студенты высказывались следующим образом:

Та чушь, которую проповедуют в церквях, строга до крайности и не допускает никакого веселья, независимо от того, является оно грехом или нет.

Мне не понравилось эссе Нагорная Проповедь. Его было сложно читать, и оно оставило после себя такое впечатление, будто я обязан быть совершенным, тогда как никто не совершенен.

Вещи, сказанные в этой проповеди, абсурдны. Смотреть на женщину - это прелюбодеяние. Более глупого и бесчеловечного утверждения я никогда не слышал.

"Это место, - пишет Вирджиния о своих впечатлениях, - меня обескуражило. Есть нечто крайне невинное в том, чтобы не понимать, что Иисуса нельзя назвать глупым... Это было реальностью, первозданным ответом Евангелию, не отфильтрованным, существующим в течение двух тысячелетий туманом культуры. Я нахожу странно ободряющим тот факт, что Библия продолжает быть вызывающей для честного, несведущего читателя, точно такой же, какой она была в первом веке нашей эры. По-моему, это своеобразное подтверждение ее значимости. В то время, как памятники письменности уже практически потеряли свою необычность в течение прошедших веков, подобное распространенное невежество в вопросах Библии может отбросить нас к состоянию, больше похожему на состояние читателей Библии, живших в первом веке".

Вызывающая, набивающая оскомину - да, это подходящие слова по отношению к Нагорной Проповеди. Когда я просматривал пятнадцать вариантов этой сцены в кино, только один момент, казалось, изображал что-то вроде вызова. Мало бюджетный фильм, снятый Би Би Си, Сын Человеческий представляет Нагорную Проповедь на контрастном фоне хаоса и насилия. Римские солдаты только что вторглись в галилейскую деревню, чтобы отомстить за посягательство на имперскую власть. Они связали еврейских мужчин, которые могли держать в руках оружие, закопали их бьющихся в истерике жен, и даже проткнули копьями детей, чтобы "преподать этим евреям урок". В эту беспорядочную сцену, полную хаоса, крови и слез и плача по погибшим вторгается Иисус с горящим взглядом.

Говорю вам: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас.

Око за око и зуб за зуб, не правда ли? Так говорили наши предки. Люби своих родных, ненавижь своих врагов, не так ли? Но я говорю, что легко любить своего собственного брата, любить тех, кто любит тебя, даже мытари способны на это! Вы хотите, чтобы я приветствовал в вас любовь к вашим родным? Нет, любите ваших врагов.

Возлюбите человека, который будет бить вас и плевать вам в лицо. Возлюбите солдата, который вонзит свой меч вам в живот. Возлюбите разбойника, который ограбит и будет мучить вас.

Говорю вам! Возлюбите врага своего! Если римский солдат ударит вас по левой щеке, подставьте правую. Если человека власти приказывает вам пройти пешком милю, пройдите две мили. Если кто-нибудь заберет ваш плащ, отдайте ему вашу рубашку.

Слушайте! Говорю вам, трудно следовать за мной. То, что я говорю вам, говорилось с момента сотворения мира!

Можете представить себе реакцию деревенских жителей на подобного рода непопулярные советы. Нагорная Проповедь не озадачила их; она их разозлила.

В начале Нагорной Проповеди Иисус задает вопрос, который обеспокоил большинство его слушателей: был ли он революционером или истинным еврейским пророком? Вот описание Иисусом его собственного отношения к Торе:

Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, а исполнить...

Ибо истинно говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Это последнее утверждение, естественно, заставило толпу сесть и прислушаться. Фарисеи и книжники соревновались друг с другом в строгости. Они разделили закон Божий на шестьсот тринадцать правил - двести сорок восемь повелений и триста шестьдесят пять запретов - и подкрепили эти правила тысячей пятьсот двадцать одним исправлением. Чтобы избежать нарушение третьей заповеди, "не произноси имени Господа Бога твоего напрасно", они вообще отказались произносить имя Бога. Чтобы избежать сексуального искушения, они опускали головы и даже не смотрели на женщин (самые скрупулезные из них были известны как "слепые фарисеи" из-за того, что они часто натыкались на стены и другие препятствия). Чтобы не осквернять субботу, они определили тридцать девять видов деятельности, которые могли расцениваться как "работа". Как могла праведность обычного человека когда-либо превзойти праведность таких профессиональных святых?

Нагорная Проповедь в деталях изображает именно то, что имел в виду Иисус, и именно это изображение казалось таким абсурдным как студентам двадцатого века в Техасском А&М, так и евреям в первом веке в Палестине. Используя Тору в качестве отправной точки, трактовал закон в том же направлении, смелее, чем отваживался трактовать его кто-либо из фарисеев, смелее, чем кто-либо из монахов отваживался по нему жить. Нагорная Проповедь стала новой звездой во вселенной нравственности, которая обладала своей собственной силой притяжения.

Иисус сделал закон невозможным для следования ему, а потом велел соблюдать его. Обратим внимание на некоторые примеры.

У каждого человеческого общества в истории был закон против убийц. Конечно, существуют разные варианты: Соединенные Штаты разрешают убийства в целях самообороны и в чрезвычайных обстоятельствах, таких, как жестокое обращение с членами семьи. Но ни одно общество не додумалось до того определения убийства, которое сформулировал Иисус: "Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... а кто скажет "безумный", полегит геенне огненной". Поскольку я вырос вместе со старшим братом, меня беспокоила эта фраза. Могут ли два брата выдержать штормы взросления без того, чтобы обращаться к таким словам, как "тупой" и "глупый"?

В каждом обществе также существуют табу на сексуальную распущенность, сегодня, по крайней мере, один колледж требует от студентов мужского пола спрашивать разрешение женщины на каждый шаг в их сексуальном общении. Между тем, некоторые феминистически настроенные группы пытаются найти реальную связь, существующую между порнографией и преступлениями, совершаемыми против женщин, но ни одно общество никогда еще не формулировало правила так строго, как Иисус: "Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от тебя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну".

Я слышал призывы кастрировать серийных насильников, но я никогда не слышал предложения изувечить за похоть. Действительно, похоть в Америке является устоявшимся национальным развлечением, которое популяризуется наряду с голубыми джинсами и пивом в ежегодном Sports Illustrated с изображением девушки в купальнике на обложке, и в двадцатимиллионном тираже порнографических журналов, продаваемых ежегодно. Когда кандидат в президенты Джимми Картер пытался объяснить эту фразу, сказанную Иисусом в своем интервью, данном журналу Плейбой, реакция прессы соответствовала тому, что Джон Апдайк назвал "нервическим весельем". "Как странно это звучит сегодня, - сказал Апдайк, - звучит мнение, что похоть - сексуальное желание, которое осуществляется в нас так же произвольно, как слюноотделение - сама по себе есть зло!"

Что до развода, во времена Иисуса фарисеи горячо дискутировали по поводу того, как истолковывать правила Ветхого Завета. Известный раввин Гиллель учил, что муж может развестись со своей женой, если она сделала хоть что-то, что ему не по вкусу, даже, если это что-либо тривиальное, вроде подгоревшего обеда; супругу нужно было только трижды произнести "я с тобой развожусь", чтобы осуществить развод. Иисус сказал: "Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует".

В итоге ("В конце" - имеется в виду конец проповеди), Иисус высказал принцип ненасилия. Кто смог бы выжить, следуя тому правилу, которое изложил Иисус: "Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отай ему и верхнюю одежду".

Я с удивлением смотрю на это и другие жесткие требования Нагорной Проповеди и спрашиваю себя, каковой бы была моя реакция на них. Действительно ли Иисус ожидает от меня того, что я буду подавать каждому нищему, который мне встретится? Должен ли я отказаться от всех своих прав потребителя? Отказаться от моих страховочных полисов и полагаться в будущем на Бога? Отключить свой телевизор, чтобы избежать искушения похотью? Каким образом я мог бы применить такие этические идеалы в моей повседневной жизни.

* * *

Однажды я посетил собрание книголюбов в поисках "ключа" к пониманию Нагорной Проповеди, и это помогло мне понять, что я не первый, кто барахтается в этих высоких идеалах. В течение всей истории люди находили хитрые обходные пути, которые примирили бы абсолютные требования Иисуса с суровой реальностью человеческих проступков.

Фома Аквинский подразделял учение Иисуса на Наставления и Советы, которые на многих современных языках мы могли бы переименовать в Требования и Предложения. Наставления включают в себя универсальные моральные законы, такие, как Десять Заповедей. Но для более идеалистических требований, таких как предупреждение Иисуса о гневе и походи, Фома Аквинский пользовался другим стандартом: хотя мы и должны были бы принять их как подходящие модели и стремиться к тому, чтобы воплотить их, они не имеют моральной силы наставлений. Римская католическая церковь позднее кодифицировала изыскания Фомы Аквинского в соответствии с понятиями "смертного" и "простительного" греха.

Мартин Лютер интерпретировал Нагорную Проповедь в свете формулы Иисуса "кесарю кесарево, а Богу Божье". Христиане имеют двойное гражданство: одно в Царстве Христа, а другое в земном царстве. Крайности Нагорной Проповеди относятся исключительно к Царству Христа, а не к земному царству. Возьмем заповеди "возлюби врага своего" и "не противься злему"; конечно, это не соответствует реальности! С целью предотвращения анархии, государство должно противостоять злу и защищаться от врагов. Поэтому христианин должен научиться отличать общественное от личного: то есть, христианский солдат, например, должен выполнять приказ сражаться и убивать, даже если он в своем сердце следует закону любви по отношению к врагу.

Во времена Лютера различные анабаптистские движения занимали совершенно противоположную позицию. Все подобные попытки приземления однозначных заповедей Иисуса являются заблуждением, говорят они. Разве раннехристианская церковь в первые четыре века своего существования уклонялась от заповеди Христа "возлюби врагов своих" чаще, чем какой-либо другой? Просто прочитайте Нагорную проповедь. Иисус не проводит различия между наставлениями и советами или между общественным и личным. Он говорит, не противясь злему человеку, не клянись, подай нуждающемуся, люби врагов своих. Мы должны следовать его заповедям как можно более буквально. С этой целью некоторые группировки предлагали отказаться от частной собственности. Другие, такие как квакеры, отказывались давать клятвы или снимать шляпу во время общественных мероприятий, и не желали иметь армию, и даже полицию. Как следствие этого, тысячи анабаптистов были убиты в Европе, Англии и России; многие из тех, кто выжил, сбежали за океан в Америку, где они попытались организовать коммуны, основанные на принципах Нагорной Проповеди.*

В девятнадцатом столетии в Америке поднялась новая волна теологического движения, связанная с Нагорной Проповедью. Группы, абсолютизовавшие следование заповедям, объясняли такое учение как последний сохранившийся рудимент эпохи Закона, который вскоре сменился эпохой милосердия после смерти Иисуса и его воскресения. С этих пор нам не нужно следовать этим строгим требованиям. Популярная Библия Скофилда (Скоуфилда) описала проповедь как "закон в чистом виде", но содержащий "замечательное обращение к морали христианина".

Еще одна интерпретация принадлежит Альберту Швайцеру, который видел в Нагорной Проповеди набор временных требований, пригодных для военного времени. Убеденный в том, что мир скоро закончит свое существование в апокалипсисе, Иисус приводил в исполнение подобие "военного трибунала". Пока миру не пришел конец, мы можем по-разному относиться к его инструкциям.

Я прилежно изучил все эти направления, пытаюсь понять Нагорную Проповедь с их точки зрения - и, я должен признать, также пытаюсь найти способ освободиться из под их строгих требований. Каждая школа мысли вносила важные идеи, однако также каждая из них имела белые пятна. Подобно разъяснениям большинства добрых докторов, введенные Фомой Аквинским категории наставлений и советов обладали крепким здравым смыслом, но это не были те определения, которые давал Иисус. Иисус, видимо, скорее уравнивал наставление "не прелюбодействуй" с советом "всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем". Решение этого вопроса Лютером казалось оригинальным и мудрым, но Вторая Мировая война продемонстрировала те шизофренические последствия, которые это может за собой повлечь. Многие лютеране служили в армии Гитлера, будучи четко убежденными, в том, что они "просто выполняют приказы", они несли службу в государстве, сохраняя внутреннюю приверженность Христу.

Что касается анабаптистов и других приверженцев буквального следования заповедям, их ненасильственно восприятие гонений остается одним из самых блестящих моментов в истории церкви. Хотя они сами признавали, что ошибались, дословно исполняя каждую заповедь Нагорной Проповеди. Квакеры, к примеру, находили способы обойти правила, чтобы помочь делу Американской Революции. А как же быть с бескомпромиссными утверждениями Иисуса по поводу гнева и похоти? Много веков назад Ориген воспринял предупреждение против похоти буквально, но церковь ужаснувшись некоторое время спустя, отвергла его решение подвергнуть себя кастрации.

Те, кто буквально следовали заповедям и верили в апокалипсис, находили нетривиальные пути уклонения от наиболее строгих требований проповеди Иисуса, но для меня они все равно оставались тем, чем и были: путями уклонения. Сам Иисус не подавал никакого знака, который мог бы быть истолкован таким образом, что его заповеди действительны только в течение какого-то короткого периода или в особых обстоятельствах. Он провозглашал их со всем авторитетом ("Говорю вам...") и строгостью

("Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном...").

Не имеет значения то, насколько тяжелыми были мои попытки, я не искал легкого обходного пути в трактовке Нагорной Проповеди. Подобно легкому приступу депрессии, диссонанс моего восприятия слов Иисуса держал меня в состоянии постоянного душевного напряжения. Я пришел к выводу, что если Нагорная Проповедь утверждает Божий стандарт святости, то я могу отказаться от него с самого начала. Нагорная Проповедь не послужила моему улучшению; она просто продемонстрировала мне те пути, которых я не знал.

В конечном итоге, я нашел ключ к пониманию Нагорной Проповеди не в трудах больших теологов, а в совершенно другом месте: в произведениях двух русских романистов девятнадцатого века. Благодаря им я обрел свое собственное видение Нагорной Проповеди и ее мозаики закона и милости, видение, которое я обрел наполовину благодаря Толстому, наполовину благодаря Достоевскому. (В начале семидесятых годов Малкольм Маджеридж был удивлен, услышав, что люди, принадлежащие к интеллектуальной элите в Советском Союзе, находились в состоянии духовного соперничества. Анатолий Кузнецов, живущий в эмиграции в Англии, сказал ему, что в СССР вряд ли найдется хоть один писатель или художник или музыкант, который не занимался бы вопросами духа. Маджеридж сказал, "Я спросил у него [у Кузнецова] как это может происходить при наличии такой огромной работы по антирелигиозной промывке мозгов, проведенной над гражданами, и при отсутствии любой христианской литературы, включая Евангелие. Его ответ был запоминающимся; власти, сказал он, забыли изъять произведения Толстого и Достоевского, самые совершенные проявления христианской веры нашего времени".)

У Толстого я научился глубокому уважению к непреклонности Бога, к абсолютному идеалу. Нравственные идеалы, которые Толстой нашел в Евангелии, захватили его подобно пламени, хотя его попытки жить по этим идеалам и закончились, в конечном итоге, неудачей. Как и анабаптисты, Толстой стремился к буквальному следованию Нагорной Проповеди, и его рвение вскоре заставило чувствовать себя его семью жертвами его поисков святости. Например, прочитав то, как Иисус велел богатому человеку отдать все, что у него было, Толстой решил освободить слуг, отказаться от авторских прав на свои произведения и от распоряжения своей собственностью. Он носил одежду крестьян, сам шил себе обувь и начал работать в поле. Его жена, Соня, видя, как рушится финансовое положение семьи, резко протестовала против этого, пока он немного не одумался.

Когда я читаю дневники Толстого, я вижу отражение моего собственного стремления к совершенству. Дневники содержат описание множества ссор между Толстым и его семьей, но гораздо больше между Толстым и им самим. Пытаясь достичь совершенства, он постоянно изобретал новые списки правил. Он бросил охотиться, курить, пить и отказался от мяса. Он разработал "Правила для развития эмоциональной воли, Правила для развития возвышенных чувств и вытеснения низменных". Однако он никогда не мог достичь необходимой самодисциплины, чтобы следовать этим правилам. Не один раз Толстой публично клялся хранить целомудрие и требовал отдельную спальню. Он никогда не мог долго держать свою клятву, и, к его большому стыду, сообщения о шестнадцати беременностях Сони по радио стали тому подтверждением.

Иногда Толстому удавалось совершать серьезные добрые дела. Например, после большого перерыва он написал последнюю новеллу Воскресение в возрасте семидесяти одного года в поддержку духоборов, анабаптистской группы, подвергавшейся преследованию со стороны царского правительства, пожертвовав всю выручку на финансовое обеспечение их эмиграции в Канаду. И, как я упоминал, философия ненасилия Толстого, восходящая напрямую к Нагорной Проповеди, дала обильные плоды, и

возродилась, пережив своего создателя, в таких идеологических диссидентах, как Ганди и доктор Мартин Лютер Кинг.

Однако таким людям, как Ганди, воодушевленным подобными возвышенными идеалами, стоит прислушаться к критикам или биографам, которые были удивлены тем, какими жалкими были попытки Толстого соответствовать этим идеалам. Если быть совершенно откровенным, ему не удалось воплотить в жизнь то, что он проповедовал. Его жена хорошо сказала об этом (выразив явно пристрастное мнение):

В нем так мало неподдельной теплоты; его доброта исходит не из его сердца, а скорее из его принципов. Его биографы будут рассказывать о том, как он помогал рабочим носить ведра с водой, но никто никогда не узнает, что он не давал жене никакого отдыха и ни разу - за все эти тридцать два года - не подал своему ребенку глоток воды и не посидел у его постели, чтобы дать мне возможность отдохнуть немного от всех моих трудов.

Горячее стремление Толстого к совершенству ни разу не принесло ему никакого подобия мира или душевного покоя. До самой смерти он в своих письмах и дневниках постоянно возвращался к печальной теме своего поражения. Когда он писал о своей религиозной вере или пытался преодолеть эту веру, антагонизм между реальностью и идеалом преследовал его по пятам. Он был слишком честен для самообмана, он не мог успокоить мучавшую его совесть, поскольку, честно говоря, он знал, что лежит на его совести.

Лев Толстой был глубоко несчастным человеком. Он осуждал коррумпированную Православную Церковь его времени, за что и был отлучен от церкви. Все его попытки самоутверждения потерпели поражение. Ему пришлось спрятать все веревки в своем поместье и убрать все ружья, чтобы избежать искушения самоубийством. В конце концов, Толстой бежал от своей славы, от своей семьи, от своего положения, от себя самого; он умер как бродяга на одном сельском железнодорожном полустанке.

Чему же тогда я научился из трагической жизни Толстого? Я прочитал много его религиозных трудов, и я, безусловно, был воодушевлен его пронизательным пониманием Божественного Идеала. Я понял, что, хотя некоторые считают, что Библия решает наши проблемы в различных областях - проблема справедливости, проблема нашего отношения к деньгам, расовая проблема - на самом деле Евангелие утяжеляет наше бремя. Толстой видел это и никогда не принижал идеалы Евангелия. Трудно не обратить внимание на человека, который соглашается освободить своих слуг и отказаться от своих страстей, просто подчиняясь заповедям Христа. Если бы он только смог жить в соответствии с этими идеалами - если бы только я мог сделать это.

Своим критикам Толстой отвечал, что не следует судить о святых идеалах по его неспособности им соответствовать. Не судите о Христе по тем из нас, кто несовершенно несет его имя. Один отрывок, взятый из личного письма, особенно хорошо показывает, как Толстой отвечал на подобную критику в свой адрес до конца своей жизни. Это некий итог его духовной жизни, одновременно и звучное признание истины, в которую он верил всем сердцем, и воззвание с тоской в голосе к той благодати, которую он так никогда полностью и не реализовал.

"Как насчет вас, Лев Николаевич, вы очень хорошо проповедуете, но живете ли вы сами так, как проповедуете?" Это самый естественный из вопросов, который все время мне задают; обычно это говорится триумфальным тоном, как будто это способно закрыть мне рот. "Вы проповедуете, но как вы сами живете?" И я отвечаю, что я не учу тому, чему не в состоянии учить, хотя мне страстно этого хочется. Я могу учить только посредством моих поступков, а мои поступки низки... И я отвечаю, что я виновен, и низок, и достоин презрения за мою неспособность исправить их.

В то же самое время, не с целью оправдаться, а для того, чтобы объяснить, почему мне не достает последовательности, я говорю: "Посмотрите на мою нынешнюю жизнь, а затем на мою прошлую жизнь, и вы увидите, что я пытаюсь выполнять их. Это правда, что я не выполнил и тысячной доли их [христианских заповедей], и я стыжусь этого, но мне не удалось их выполнить не потому, что я не хотел этого, а потому, что не мог. Научите меня, как выбраться из окружающих меня сетей искушений, помогите мне, и я их выполню; даже и без помощи я хочу и надеюсь жить по ним.

Критикуйте меня, я сам это делаю, но критикуйте меня, а не тот путь, которому я следую и который я показываю всем, кто спрашивает меня, где он, по моему мнению, пролегает. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяным, становится ли этот путь менее правильным оттого, что я шатаюсь из стороны в сторону! Если это неправильный путь, то покажите мне другой; но если колеблюсь и сбиваюсь с пути, вы должны помочь мне, вы должны показывать мне верный путь так же, как я готов поддержать вас. Не сбивайте меня с пути, не радуйтесь тому, что я потерялся, не восклицайте радостно: "Посмотрите на него! Он говорил, что идет домой, а сам направляется в сторону болота!" Нет, не злорадствуйте, а окажите мне помощь и поддержку.

Мне было грустно, когда я читал религиозные сочинения Толстого. Видение человеческого сердца, подобное рентгеновским лучам, которое сделало из него великого романиста, также превратило его в мучимого христианина. Как лосось на нерест, он всю жизнь пробирался против течения, в конце концов обессилев от морального истощения.

Однако я также чувствую благодарность по отношению к Толстому. Поскольку его неотступное следование собственной вере, произвело на меня неизгладимое впечатление. Я впервые столкнулся с его романами в тот период моей жизни, когда я страдал от длительных последствий "жестокости обращения с детьми по-библейски". В тех церквях, которые я посещал в детстве, было слишком много обмана, или, по крайней мере, мне так это виделось сквозь призму высокомерия молодости. Когда я наблюдал огромный разрыв между идеалами Евангелия и ошибками его последователей, у меня появлялось сильное искушение отказаться от этих идеалов как от безнадежно недостижимых.

Тогда я открыл для себя Толстого. Он был первым писателем, который, по моему мнению, выполнил эту одну из самых непростых задач: сделать добро таким же правдоподобным и привлекательным, как зло. В его романах, повестях и рассказах я нашел потенциал моральной силы, подобный вулкану Везувия. Несомненно, он изменил мою точку зрения.

Э.Н.Уилсон, биограф Толстого, отмечает, что Толстой страдал от "абсолютной теологической неспособности понять Воплощение. Его религия была построена исключительно на Законе, а не на Благодати, была, скорее, способом улучшить человека, а не видением Бога, сошедшего в падший мир". С кристальной ясностью Толстой видел свою собственную неадекватность в свете божественного идеала. Но ему не удалось сделать следующий шаг и позволить божественной благодати преодолеть эту неадекватность.

Вскоре после знакомства с Толстым я открыл для себя его соотечественника Федора Достоевского. Два этих наиболее знаменитых и совершенных из русских писателей жили и творили в один и тот же период истории. Странно, что они никогда не встречались, и, возможно, это было к лучшему - они были антагонистами во всех смыслах. В то время, как Толстой писал светлые и радостные романы, Достоевский писал темные и мрачные романы. В то время, как Толстой разрабатывал аскетические пути самосовершенствования, Достоевский периодически подрывал свое здоровье алкоголем и испытывал свою удачу в азартных играх. Достоевский сделал много ошибок, но в одном он был прав: его романы говорят о милости и прощении с толстовской силой.

Еще в молодости Достоевский пережил настоящее воскрешение. Он был арестован за принадлежность к группе, обвиненной в мятеже во времена царя.

Николая Первого, который, чтобы показать молодым неформальным радикалам тяжесть их ошибок, приговорил их к смерти и сымитировал процесс казни. Заговорщики были одеты в белые саваны и приведены на лобное место, где их ждала расстрельная команда. С завязанными глазами в погребальных одеждах, с крепко связанными за спиной руками, их поставили перед толпой зевак, а затем привязали к столбам. В самый последний момент, когда прозвучал приказ: "Готовься! Целься!", и винтовки были приведены в боевую готовность и подняты, галопом прискакал всадник с заранее подготовленным посланием от царя: он смягчает наказание и заменяет смертную казнь каторжными работами.

Достоевский никогда впоследствии не забывал этого опыта. Он смотрел в глаза смерти, и с этого момента жизнь приобрела для него ни с чем не сравнимую ценность. "Теперь моя жизнь изменится, - сказал он, - я буду рожден заново в новой форме". Когда он сел на арестантский поезд, идущий в Сибирь, одна набожная женщина протянула ему Новый Завет, единственную книгу, которую разрешалось иметь в тюрьме. Веря в то, что Господь дал ему еще один шанс последовать его зову, Достоевский пристально изучал этот Новый Завет в течение всех лет своего заключения. Через десять лет он вернулся из изгнания, обладая непоколебимыми христианскими убеждениями, как говорится в одном из известных фрагментов: "Если бы кто-нибудь доказал мне, что истина и Иисус не одно и то же... то я бы предпочел остаться с Иисусом, а не с истиной".

Тюрьма предоставила Достоевскому еще одну возможность. Он был вынужден жить бок о бок с ворами, убийцами и крестьянами-пьяницами. То, что он жил одной жизнью с этими людьми, позволило ему позднее с несравненной достоверностью изображать героев в своих романах, таких, как убийца Раскольников в Преступлении и наказании. Идеалистические взгляды Достоевского на врожденную доброту человеческой природы потерпели фиаско в столкновении с неискоренимым злом, которое он нашел в своих сокамерниках. Однако со временем он также заметил искру Божью даже в самых безнадежных заключенных. Он пришел к вере, что только будучи любимым, человеческое существо способно само испытывать любовь; "Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас".

В романах Достоевского я столкнулся с милосердием. Преступление и наказание изображает жалкого человека, совершающего жалкое преступление. Однако милосердие все-таки входит в жизнь Раскольникова, благодаря обратившейся проститутке Соне, которая следует за ним до самой Сибири и ведет его к раскаянию. Братья Карамазовы, возможно, величайший из романов, которые когда-либо были написаны, построен на антитезе между блестящим агностицизмом Ивана и набожностью его брата Алеши. Иван в состоянии критиковать неудачи человеческого рода и каждую политическую систему, отмеченную этими неудачами, но он не может предложить никакого решения. У Алеши нету ответов на те интеллектуальные вопросы, которые затрагивает Иван, но у него есть ответ человечеству: любовь. "У меня нет ответа на проблему зла, - сказал Алеша, - но я знаю любовь". В конечном итоге, в чудесном романе Идиот Достоевский представляет фигуру Христа в образе князя, страдающего эпилепсией. Спокойный, таинственный, князь Мышкин вращается в высших кругах русского общества, обличая их лицемерие и озаряя жизни этих людей добром и истиной.

Оба этих русских писателя стали моими духовными наставниками в трудное время моего христианского паломничества. Они помогли мне найти подходящие выражения для основного парадокса христианской жизни. Толстой научил меня необходимости смотреть внутрь себя, в Царство Божие, которое находится во мне. Я понял, насколько ничтожны были мои попытки соответствовать высоким идеалам Евангелия. А Достоевский научил меня всеобъятности благодати. Не только Царство Божие существует во мне; Сам Христос тоже пребывает там. "А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать". Есть только один путь для каждого из нас, как преодолеть разрыв между высокими идеалами Евангелия и удручающей реальностью нашего душевного состояния: признать тот факт, что мы не соответствуем этим идеалам, но мы и не должны им соответствовать. Нас осуждает праведность Иисуса, который живет в нас, а не наша собственная. Толстой наполовину понимал это: все, что позволяет мне

чувствовать себя комфортно по сравнению с божественным моральным идеалом, все, что позволяет мне считать: "В конце концов, я достиг", - все это есть жестокий обман. Вторую половину понял Достоевский: все, что заставляет меня сомневаться во всепрощающей любви Божией, также есть жестокий обман. "Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, а по духу", - это пророчество Лев Толстой никак не мог понять.

Абсолютные идеалы и абсолютная благодать: после того, как я узнал об этом дуалистическом учении от русских романистов, я вернулся к Иисусу, и нашел, что оно полностью соответствует учению, содержащемуся в Евангелиях и особенно в Нагорной Проповеди. В своем ответе богатому молодому человеку, в его притче о добром самаритянине, в его комментариях по поводу развода, денег, или по поводу любой другой моральной проблемы, Иисус никогда не принижал Божественные идеалы. "Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный", - сказал он. "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим". Ни Толстой, ни Франциск Асизский ни Мать Тереза, никто полностью не выполнил эти заповеди.

Однако тот же самый Иисус с любовью предлагал абсолютное милосердие. Иисус простил падшую женщину, преступника на кресте, ученика, который отрицал, что вообще был знаком с ним. Он выбрал этого неверного ученика, Петра, чтобы тот основал его церковь, а в другом случае обратился к человеку по имени Саул, который был известен тем, что преследовал христиан. Благодать Божия абсолютна, непреклонна и всеобъемлюща. Она распространяется даже на тех, кто прибывал Иисуса гвоздями к кресту: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают", - это были последние слова, произнесенные Иисусом на земле.

Много лет назад я чувствовал себя столь недостойным в свете абсолютных идеалов Нагорной Проповеди, что я не замечал в них ни тени милосердия. Но, не смотря ни на что, однажды я понял двойственность их значения, я вернулся к Нагорной Проповеди, и нашел, что вся эта речь пронизана духом милосердия. Этот дух ощущается уже в заповедях блаженства - блаженны нищие духом, гонимые, плачущие; блаженны отчаявшиеся - и продолжает присутствовать там вплоть до молитвы Отче Наш: "Прости нам долги наши... и избави нас от лукавого". Иисус начал эту великую проповедь словами, обращенными к тем, кто пребывает в нужде, и закончил молитвой, которая стала прототипом для всех групп социальной реабилитации. "Однажды, в один прекрасный день", - говорят участники группы анонимных алкоголиков; "Хлеб наш насущный даждь нам днесь", - говорят христиане. Благодать Божия снисходит на отчаявшихся, на нуждающихся, на сломавшихся, на тех, кто не способен принять самостоятельное решение. Благодать Божия доступна нам всем.

Много лет назад я думал о Нагорной Проповеди как о плане человеческого поведения, которому никто не может следовать. Перечитывая ее снова и снова, я понял, что Иисус произнес эти слова не для того, чтобы создать для нас трудности, а для того, чтобы рассказать, каков Бог. Подтекстом Нагорной Проповеди является образ Бога. Почему нам следует любить врагов наших? Потому что солнце нашего милосердного Отца встает как над добрыми, так и над злыми. Зачем быть совершенным? Потому что Бог совершенен. Чем так привлекательно Царствие Небесное? Потому что Отец наш живет там, и он щедро вознаградит нас. Почему можно жить без страха и забот? Поскольку тот же самый Бог, который создал цветы лилии и траву на лугу, обещал заботиться о нас. Зачем молиться?

Если земной отец дает сыну хлеба или рыбы, то насколько больше прекрасных даров может дать Отец Небесный тем, кто его об этом просит.

Как я мог упустить это из вида? Иисус провозглашал Нагорную проповедь не для того, чтобы мы, подобно Толстому, пахали или копошились в отчаянии в своих ошибках с целью достичь совершенства. Он прочитал эту проповедь для того, чтобы донести до нас Божественный Идеал, к которому мы никогда не должны прекращать стремиться, но также и для того, чтобы показать, что никто из нас никогда не

достигнет этого Идеала. Нагорная Проповедь побуждает нас понять ту огромную дистанцию, которая существует между нами и Богом, и любая попытка сократить эту дистанцию, каким либо образом изменяя наше поведение, обречена на неудачу.

Самой большой трагедией было бы превратить Нагорную Проповедь в очередную форму законничества; она скорее исключает любое законничество. Законничество, равно как и фарисейство, всегда будет в проигрыше, не потому, что оно слишком строго, а потому, что оно не достаточно строго. Громогласно, бесспорно доказывает Нагорная Проповедь, что мы стоим низшем уровне, по сравнению с Богом: убийцы и святотатцы, грешники и прелюбодеи, грабители и воры. Мы отчаявшиеся, и это, в действительности, единственное состояние, в котором подобает находиться человеческому существу, которое хочет познать Бога. Сорвавшись с высот абсолютного Идеала нам негде приземлиться, кроме как в спасительные сети абсолютного милосердия.

Глава 8 Миссия: Революция милосердия

У милосердия нет строгой сути.

Оно, как легкий дождь, струится с неба...

Земная сила выглядит как сила Бога,

Коль милосердие смягчает правосудие

Шекспир, Венецианский купец

Когда мои ученики в Чикаго читали Евангелия и смотрели фильмы о жизни Иисуса, то мы заметили строгую закономерность: чем более отталкивающе выглядит персонаж, тем лучше он чувствует себя в обществе Иисуса. Такие люди находили Иисуса привлекательным: самаритяне, считавшиеся социальными отбросами, военачальник армии тирана Ирода, предатель-мытарь, одержимая семью демонами.

У более уважаемых типов Иисус, напротив, находил сухой прием. Ханжи фарисеи находили его неотесанным и мирским человеком, богатый молодой человек ушел, качая головой, и даже Никодим, человек широких взглядов, предпочел встречу под покровом ночи.

Я обратил внимание класса на то, как странно стала выглядеть эта закономерность теперь, когда христианская церковь привлекает людей уважаемых, которые очень напоминают тех, кому Иисус казался самым подозрительным человеком на земле. Что такого произошло, благодаря чему закономерность времен Иисуса превратилась в свою противоположность? Почему грешникам не нравится находиться среди нас?

Я рассказал историю, которую услышал от одного друга, работающего в Чикаго с людьми, опустившимися на дно общества. К нему пришла проститутка, попавшая в беду, бездомная, с подорванным здоровьем, у которой не было денег, чтобы купить еды для ее двухлетней дочери. Со слезами на глазах она призналась, что продавала свою дочь - двух лет от роду! - мужчинам, занимающимся извращенным сексом, чтобы иметь возможность употреблять наркотики. Мой друг с трудом выслушал омерзительные детали ее истории. Он сидел молча, не зная, что сказать. В конце концов, он спросил ее, не думала ли она обратиться в церковь за помощью. "Я никогда не забуду выражение абсолютного наивного потрясения на ее лице", - рассказывал он мне впоследствии. "Церковь!" - воскликнула она. "Что бы это дало мне? Они бы только заставили меня чувствовать себя еще хуже, чем сейчас!"

Каким-то образом мы превратили церковь в сообщество уважаемых людей, сказал я своему классу. Люди, принадлежащие к низшим слоям общества, которые приходили к Иисусу, когда он жил на земле, больше не чувствуют себя желанными гостями. Как Иисусу, самому совершенному человеку в истории, удавалось привлекать людей печально известных своим несовершенством? И что мешает нам следовать по его стопам сегодня?

Кто-то из учеников предположил, что законничество в церкви создало барьеры из жестких правил, которые заставили не-христиан чувствовать себя некомфортно. Дискуссия в классе неожиданно приняла новое направление, когда те, кто пережил пребывание в библейском колледже и в фундаменталистской церкви принялись рассказывать свои истории. Я рассказал о том как я сам в начале семидесятых был ошеломлен, когда в некоем сомнительном Библейском Институте Муди, расположенном через несколько домов от нашей церкви, запретили студентам мужского пола носить бороды, усы и иметь любой волосистой покров ниже ушей - хотя студенты каждый день проходили мимо портрета Дуайта Л. Муди, косматого нарушителя всех этих трех запретов.

Все засмеялись. Все, кроме Грега, который ерзал на своем месте и постепенно "закипал". Я заметил, как его лицо покраснело, затем побледнело от гнева. Наконец, Грег поднял руку и злобу и негодование выплеснулись из него. "Я хочу уйти из этого места", - сказал он, и в комнате воцарилось молчание. "Вы критикуете других за то, что они ведут себя как фарисеи. Я скажу вам, кто здесь настоящие фарисеи. Это вы [он указал на меня] и все остальные, находящиеся в этом классе. Вы думаете, что вы выше всех, вы сильны и зрелы. Я стал христианином, благодаря Церкви Муди. Вы находите себе козлов отпущения, чтобы смотреть на них свысока, чувствовать себя более духовными, чем они, и вы говорите о них за их спиной. Так поступают фарисеи. Вы все фарисеи.

Все посмотрели на меня в ожидании ответа, но мне было нечего сказать. Грег застал нас врасплох. В порыве духовного высокомерия мы смотрели свысока на других людей, считая, что они фарисействуют. Я взглянул на часы, в надежде на отсрочку. Такая удача мне не была предоставлена: часы показывали, что от начала урока прошло пятнадцать минут. Я подождал прилива вдохновения, но его не было. Молчание становилось все тягостней. Я почувствовал себя смущенным и загнанным в угол.

Тогда Боб поднял руку. Боб был в классе новичком, и я буду ему благодарен до самой смерти за то, что он спас меня. Он начал обезоруживающе мягко: "Я рад, что ты не ушел, Грег. Ты нам нужен здесь. Я рад, что ты с нами, и я хотел бы рассказать тебе, зачем я пришел в эту церковь.

"Честно говоря, я идентифицирую себя с той чикагской проституткой, о которой упомянул Филипп. Я находился в наркотической зависимости, и мне бы и через миллион лет не пришлось бы в голову обратиться в церковь за помощью. Однако эта церковь каждый четверг позволяет собираться группе анонимных алкоголиков в том самом подвальном помещении, в котором мы с вами сейчас находимся. Я начал посещать собрания этой группы, и через некоторое время я решил, что церковь, которая принимает группу АА - сигаретные окурки, пятна от кофе, и прочее - не может быть плохой, так я принял решение сходить на службу.

"Должен вам сказать, что по началу те люди наверху пугали меня. Казалось, что они все понимают, тогда как я лишь пристроился в хвосте. Я заметил, что люди здесь одеты весьма прилично, а лучшее, что мог себе позволить я, были голубые джинсы футболка. Однако мне удалось побороть свою гордость и я начал приходить по воскресеньям утром так же, как по четвергам вечером. Люди не оттолкнули меня. Они протянули мне руку помощи. Это здесь я нашел Иисуса".

Словно кто-то открыл воздушный клапан, и все напряжение в комнате во время выступления Боба с его простым красноречием исчезло. Я пробормотал извинения за мое собственное фарисейство, и класс закончил занятие на дружеской ноте. Боб вернул нас на землю, показав, что грешники, так же как и остальные, отчаянно нуждаются в Боге.

Что стоит церкви, спросил я в заключении, стать местом, где бы охотно собирались проститутки, сборщики налогов и даже чувствующие свою вину фарисеи?

Иисус был другом грешников. Им нравилось быть с ним, и они искали его общества. А между тем, законники находили его шокирующей и даже мятежной личностью. В чем заключался секрет Иисуса, который мы потеряли?

"Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты", - говорит пословица. Представьте себе, как ужасались люди первого века нашей эры в Палестине, пытаясь применить этот принцип относительно Иисуса из Назарета. Евангелия упоминают восемь случаев, когда Иисус принимал приглашения на обед. Три из них (свадьба в Кане, гостеприимство Марии и Марфы, и прерванный обед в Эммаусе после его воскресения) были нормальными отношениями между друзьями. Остальные пять, однако, нарушают все правила социальной иерархии.

Однажды Иисус обедал с Симоном Прокаженным. Благодаря тому, что я работал с доктором Полом Брандом, специалистом по проказе, мне тоже довелось пообедать с пациентами, больными проказой, и я могу вам сказать, что прошедшие две тысячи лет прогресса в области медицины мало что сделали, чтобы смягчить социальное клеймо, которое накладывает эта болезнь. Один благородный, образованный человек в Индии рассказал мне, что в его жизни был день, когда он со слезами на глазах сидел в машине рядом с церковью, пока его дочь венчалась внутри. Он не мог показать свое изуродованное лицо, пока все гости не разошлись. Он также не мог устроить традиционное празднество по поводу свадьбы, поскольку кто же войдет в дом прокаженного?

В Палестине строгие законы навязывали специальное клеймо, свидетельствующее о проказе: зараженный человек должен был за стенами города и кричать "Заразен!" (???? "Нечист!"???? - Лев. 13:45), прежде чем обратиться к кому-либо. Однако Иисус проигнорировал эти правила и сел за стол с человеком, который носил это клеймо как часть своего имени. Как назло, во время еды женщина с плохой репутацией вылила на голову Иисуса дорогое масло. В Евангелии от Матфея сказано, что Иуда Искариот с отвращением ушел из-за стола и пошел прямо к первосвященнику, чтобы предать Иисуса.

В другой сцене, содержащей несколько четких параллелей с предыдущей, Иисус трапезничал с другим человеком по имени Симон, и здесь тоже некая женщина помазала Иисуса миром, отерла его ноги своими волосами и омыла слезами. Симон, будучи честным фарисеем, возмущился такой невежливостью. Иисус дал на это прекрасный ответ, который помогает объяснить, почему он предпочитал общество "мытарей и грешников" таким выдающимся гражданам, как Симон:

Видишь ли эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования мне не дал, а она, с тех пор как я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит.

Еще по меньшей мере один раз Иисус принимал приглашение от известного фарисея. словно шпионы, ведущие двойную игру, религиозные лидеры следовали за ним повсюду и приглашали его на трапезы, придираясь к каждому его движению. Наперекор им, Иисус исцелил человека от водобоязни, не смотря на то, что была суббота, и затем он показал яркий контраст между обедами у фарисеев, построенными на строгой социальной иерархии, и Божественным празднеством, открытым для "нищих, увечных, хромых и слепых". Евангелия больше не засвидетельствовали ни одного случая, когда Иисус обедал с известными гражданами, и я прекрасно понимаю почему: Иисус с трудом находил время даже для настоящих (обычных???) обедов. (Фарисеи считали свой обеденный стол своего рода "храмом в

миниатюре", что объясняет, почему они отказывались обедать с неевреями или грешниками. Возможно, Иисус также понимал свою трапезу как храм в миниатюре, что также объясняет, почему он ел в такой разношерстной компании сотрапезников. Великая трапеза, которую он возвещал, теперь открыта для всех, а не только для тех, кто принял особое очищение.)

Две последних трапезы, о которых на известно, происходили в домах "мытарей", или сборщиков налогов, людей не популярных во все времена, а особенно во времена Иисуса. Они собирали налоги, получая за это комиссионные, кладя себе в карман все излишки, какие могли выжать из местного населения, и большинство евреев считало их предателями, которые служат Римской Империи. Слово мытарь стало синонимом словам грабитель, разбойник, убийца и коснеющий во грехе. Иудейские суды считали свидетельство сборщиков налогов недействительным, и их деньги не принимались в качестве пожертвования беднякам или для размена, поскольку они были добыты столь низким образом.

Если быть совершенно точным, Иисус сам напросился в дом к обоим сборщикам налогов. Когда он увидел изгнанного Закхея, как высоко ему пришлось забраться на дерево, чтобы увидеть Иисуса, он позвал его вниз и попросил остановиться у него дома. Толпа начала роптать, но Иисус развеял их сомнения: "Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее". Другого подобного грешника, Левия, Иисус встретил у палатки, как раз во время процесса сбора ненавистных налогов. "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные", - сказал он народу в тот раз.

Читая о том, каких сотрапезников избрал себе Иисус, я ищу разгадку, которая объяснила бы, почему одна группа (грешники) чувствовала себя с Иисусом так комфортно, а другая (богатые) так некомфортно. Я нахожу эту разгадку в еще одной сцене из Евангелий, которая изображает одновременно и фарисеев, и явного грешника. Фарисеи схватили женщину во время акта прелюбодеяния, преступления, в наказание за которое насмерть забивали камнями. Как им, по мнению Иисуса, следует поступить? - спросили они, полагая ввести его в конфликт между моралью и милосердием.

Иисус делает паузу, наклонившись, пишет что-то на земле, и затем говорит обвинителям: "... кто из вас без греха, первый брось на нее камень". Когда все исчезли, Иисус поворачивается к съевшейся женщине. "... женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?" - спросил он: "...и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грешь".

Эта напряженная сцена раскрывает четкий жизненный принцип Иисуса: он выводит на чистую воду скрытые грехи, но прощает любой грех, в котором человек свободно сознается. Падшая женщина ушла прощенной, с новым стимулом жить; фарисеи ретировались, потрясенные до глубины души.

Вероятно, проститутки, сборщики налогов, и другие общеизвестные грешники с такой готовностью обращались к Иисусу, поскольку они в определенной степени сознавали, что были не правы, и для них Божественное прощение казалось очень привлекательным. Как сказал К. С. Льюис: "Проститутки не подвержены опасности считать свою жизнь настолько удовлетворительной, что им нет надобности обращаться к Богу: гордые, жадные, самоуверенные люди подвержены этой опасности".

Добрая весть Иисуса нашла различный отклик у евреев первого века нашей эры, многие из которых предпочитали строгий стиль Иоанна Крестителя, питавшегося акридами и предлагавшего строгое учение о суде и гневе, учению Иисуса о милосердии и трапезе, на которую будут приглашены все. Я могу понять это древнее предпочтение, отдаваемое закону, поскольку сам вырос в атмосфере законничества. Благодать была обманчивым, исчезающим понятием, которому было сложно проникнуть в мое сознание. Грех был конкретным, видимым понятием, легкой для попадания мишенью. Подчиняясь закону, я всегда знал, где согрешил.

Венди Кейминер, современный еврей, пытающийся постичь христианство, признает, что: "... в качестве постулата веры это учение о спасении через милосердие, и только через милосердие кажется

мне чрезвычайно неубедительным. Оно, как мне кажется значительно пренебрегает справедливостью, идеализируя Бога, который настолько больше ценит веру, чем действие. Я предпочитаю Бога, который смотрит на нас сверху (очень давно воспринимая нас с юмором) и говорит: "Я бы хотел, чтобы они прекратили беспокоиться о том, существу я или нет, и начали выполнять мои указания".

По правде говоря, мы, христиане, тоже, вероятно, сочли бы, что легче следовать за Богом, который просто говорит: "Начинайте выполнять мои указания".

Евреи во времена Иисуса представляли себе ступенчатое восхождение к Богу, продвигаясь все выше и выше, выраженное иерархически в самой архитектуре храма. Неевреи и "полукровки", вроде самаритян, допускались только во внешний Двор для Неевреев (Двор язычников); стена отделяла их от следующего отсека, который занимали еврейские женщины. Еврейские мужчины могли пройти на один уровень дальше, но только священники имели право входить в священные места храма. И, наконец, только первосвященник мог входить в Святое-святых храма, и то только раз в году в день, называемый Йом-Кипур.

Общество, в действительности, было религиозно-кастовой системой, основанной на различной степени святости, и фарисеи тщательно и ежедневно укрепляли эту систему. Все их правила, касавшиеся того, что нужно мыть руки и избегать всякой скверны, являли собой попытку сделать себя угодными Богу. Разве Господь не составил списки желательных (чистых) или нежелательных (несовершенных, нечистых) животных для принесения в жертву? Кумрамская (Кумранская) община ессеев придумала строгий закон: "Ни один сумасшедший, или лунатик, или недоразвитый, или идиот, ни один слепой, или калека, или паралитик, или глухой, и ни один несовершеннолетний не может быть принят в общину".

Посреди всей этой религиозно-кастовой системы появился Иисус. К ужасу фарисеев у него не было никаких предубеждений по поводу общения с детьми или грешниками, или даже самаритянами. Он прикасался к "нечистым" и они также прикасались к нему: прокаженные, калеки, женщина, страдающая кровотечением, лунатики и одержимые. Хотя законы Левита предписывали день очищения тому, кто дотронулся до больного человека, Иисус устраивал массовые исцеления, во время которых он прикасался ко множеству больных людей; его никогда не беспокоили правила, касающиеся осквернения после контакта с больным или даже мертвым человеком.

В качестве примера тех революционных изменений, которым дал ход Иисус, можно привести отношение Иисуса к женщинам. В те дни во время каждой службы в синагогах еврейские мужчины молились: "Да славится Господь, Который не сделал меня женщиной". Женщины сидели в особом помещении, где никто не проверял их присутствие, и где редко читалась Тора. В общественной жизни мало какая женщина заговорила бы с мужчиной вне своей семьи, и женщина не имела права дотрагиваться ни до одного мужчины, кроме своего супруга. Однако Иисус спокойно общался с женщинами и учил некоторых из них как своих учениц. Самаритянку женщину, которая пять раз побывала замужем, Иисус наставил на путь духовного возрождения (важно отметить, что это он начал разговор, попросив ее о помощи). Помазание проститутки, которое он принял с благодарностью. Женщины путешествовали вместе с толпой его последователей, не боясь вызвать этим большие пересуды. Женщины занимались популяризацией притч Иисуса и его толкований, и иногда он совершал чудеса по их просьбе. По мнению ученого, изучающего библейскую историю, Уолтера Уинка, Иисус оскорблял нравы своего времени в каждом из случаев общения с женщинами, зафиксированных в четырех Евангелиях. Действительно, как позднее скажет Павел, во Христе "Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе". (Дороти Сейерс добавляет по этому поводу: "Возможно, нет ничего удивительного в том, что женщины подвизались скорее у колыбели, нежели на кресте. Они никогда не знали мужчины, подобного этому Мужчине - другого такого никогда не было. Пророк и учитель, который никогда не придирался к ним, который никогда не лстыл, не задабривал, не относился к ним свысока; который никогда не отпускал

злых шуток в их адрес, никогда не обращался к ним иначе, чем "Женщины, да поможет им Бог!" или "Женщины, да благословит их Господь!"; который укорял без раздражения и хвалил без снисходительности; который воспринимал их вопросы и объяснения серьезно, который никогда не указывал им их место в обществе, никогда не призывал их быть женственными, и не насмеялся над ними за то, что они женщины; который не преследовал корыстных целей, и не имел чувства сложного мужского достоинства, которое нужно сохранять; который принимал их такими, какие они есть, и абсолютно не был застенчив".)

Иисус действительно выворачивал наизнанку всю общепризнанную на тот момент мудрость ради женщин и других угнетенных людей. Фарисеи верили, что прикосновение к нечистому человеку марало того, кто к нему прикоснулся. Но когда Иисус прикоснулся к человеку, больному проказой, он не заразился от него - сам прокаженный очищался. Когда женщина аморального поведения мыла Иисусу ноги, она уходила прощенной и изменившейся. Когда он нарушал обычай, входя в дом к язычнику, слуга язычника выздоравливал. На словах и на деле Иисус проповедовал совершенно новое Евангелие милости: чтобы очиститься, человеку не нужно было совершать паломничество в Иерусалим, приносить жертвы, и подвергаться очистительным ритуалам. Все, что нужно было сделать, это следовать за Иисусом. Как это формулирует Уолтер Уинк: "Влияние святости побеждает влияние болезни".

"Во всем Евангелии нет ни единого поступка, или проповеди, или притчи, где содержались бы колкости относительно женской испорченности; вероятно, никто не мог бы заключить из слов Иисуса, что в женской натуре есть нечто "странное".

Но мы можем легко сделать такой вывод из слов Его современников, и Его пророков, живших до Него, и из отношения Его церкви до сегодняшнего дня.

Одним словом, Иисус перенес акцент с Божественной святости (внутреннее свойство) на Божественное милосердие (свойство, направленное вовне). "Ибо много званых, - проповедовал он, - а мало избранных". Прерывая свой путь, чтобы встретиться с неевреями, пообедать с грешниками и дотронуться до больных, он распространял царство Божественного милосердия. С точки зрения еврейских лидеров действия Иисуса подрывали самые основы существования их религиозно-кастовой системы - неудивительно, что Евангелия упоминают более двадцати случаев, когда они организовывали заговор против Иисуса.

Одна из историй Иисуса, противопоставляющая набожного фарисея полному раскаянию сборщика налогов, представляет собой краткое описание Евангелия милосердия. Фарисей, который постился два раза в неделю и исправно платил церковные сборы, благочестиво возблагодарил Бога за то, что он был выше разбойников, злодеев и прелюбодеев - и уж куда как выше, чем сборщик налогов, стоявший в стороне. Сборщик налогов, не осмеливавшийся даже поднять глаза, также читал самую простую молитву, какую можно себе представить: "Боже! Будь милостив ко мне грешнику!". Иисус подвел итог: "Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот...".

Можем ли мы заключить из истории Иисуса, что поведение человека не имеет значения, что не существует нравственной разницы между дисциплинированным законником и разбойником, злодеем и прелюбодеем. Разумеется, нет. Поведение имеет значение во многих аспектах; просто это не тот способ, с помощью которого можно приблизиться к Богу. Скептик Э. Н. Уилсон комментирует притчу Иисуса о фарисее и сборщике налогов следующим образом: "Это шокирующая, анархическая в нравственном отношении история. Все в этой истории обращено к способности Бога прощать". Так оно и есть.

В своем социальном общении Иисус обращался к практике "великого переворота", провозглашенного в заповедях блаженства. В этом мире наш взор обычно обращен к богатству, красоте, успеху. Благодать, однако, предлагает нам мир, построенный на новом смысле. Поскольку Бог любит бедных, страдающих, гонимых, их должны любить и мы. Поскольку Бог никого не отвергает, этого не

должны делать и мы. Своим собственным примером Иисус призывал нас смотреть на мир, как сказал бы Иреней, "глазами милосердия".

Притчи Иисуса подчеркивали этот смысл, ибо он часто делал бедных и угнетенных героями своих историй. Одна такая история изображала бедного человека, Лазаря - единственный персонаж притч Иисуса, названный по имени - которого эксплуатировал богач. Сперва этот богач наслаждался роскошной одеждой и прекрасной едой в то время, как нищий Лазарь, одетый в отрепья, спал за его оградой вместе с собаками, однако смерть поразительным образом поменяла их местами. Богач услышал слова Авраама: "Чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь".

Эта наглядная история глубоко запала в сознание ранних христиан, многие из которых относились к низшему экономическому классу. Богатые и бедные христиане заключили сделку: богатые согласились подавать бедным милостыню в обмен на то, что те станут молиться за спасение их души. Конечно же Бог больше прислушивается к молитвам бедняков, решили они. (Даже в наши дни на похоронах монахи Бенедиктинцы произносят в своих молитвах, что "Лазарь узнает" их почившего товарища, следуя традиции, гласящей, что перед входом в рай стоит не Петр, а Лазарь.)

Некоторое время церковь тщательно старалась следовать этой новой логике, и в результате ранние христиане стали известны в Римской империи тем, что поддерживали бедных и страждущих. Христиане, в отличие от своих соседей язычников, охотно принимали в круг своих друзей представителей варварских племен, и когда разразилась эпидемия чумы, христиане ухаживали за своими страдальцами, в то время как язычники уничтожали больных при появлении первых симптомов. В течение как минимум нескольких веков церковь буквально понимала заповеди Христа давать приют незнакомцам, одевать неимущих, кормить голодных, и навещать таковых в тюрьме. (Как пишут историки церкви, это доброе начинание имело место, пока к власти не пришел Константин, который легализовал веру и основал официальную имперскую церковь. Начиная с этого момента, в церкви появилась тенденция одухотворять бедность и оставлять прерогативу обладания земными благами за императором. Со временем церковь сама стала одним из богатейших учреждений.)

Когда я читаю рассказы об Иисусе и изучаю историю ранней церкви, я ощущаю себя одновременно и вдохновленным и встревоженным. Вопрос, который я впервые обсуждал с моим классом в Чикаго, снова и снова заставляет меня чувствовать свою вину. Как церковь в наши дни, имея перед глазами ясный пример Иисуса, стала сообществом уважаемых людей, где изгои общества давно не чувствуют себя комфортно.

В настоящее время я живу в Колорадо, где я посещаю церковь, в которой большинство прихожан относятся к одной и той же расе (белые) и к одному и тому же социальному классу (к среднему). Я боюсь открыть Новый Завет и увидеть, в какой смешанной почве пустила свои корни ранняя церковь. Церковь среднего класса, которую многие из нас знают сегодня, имеет мало общего с разношерстной группой, состоящей из отбросов общества, описанной в Евангелиях и деяниях апостолов.

Представляя себя самого живущим во времена Иисуса, я пытаюсь вообразить эту сцену. Бедняки, больные, сборщики налогов, грешники и проститутки, столпившиеся вокруг Иисуса, пораженные его вестью об исцелении и прощении. Богатые и влиятельные люди стоят в стороне, глядя на него испытующим взглядом, шпионя за ним, стараясь застать его врасплох. Мне известны эти факты о времени, когда жил Иисус, и, все же, пребывая в лоне комфортной церкви для среднего класса, в богатой стране такой, как Соединенные Штаты, я легко теряю понимание радикальной сущности учения Иисуса.

Чтобы изменить мое видение проблемы, я читал проповеди, которые написаны священниками основных христианских общин стран Третьего Мира. Евангелие в понимании стран Третьего Мира сильно отличается от Евангелия как оно проповедуется в большинстве церквей Соединенных Штатов. Бедный и необразованный человек не всегда может определить происхождение основного утверждения,

резюмирующего миссию Иисуса ("...помазал Меня благовествовать нищим... проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы...") как цитату из пророка Исаии, однако они воспринимают его как добрую весть. Они понимают великий переворот не как некую абстракцию, а как беспрецедентную надежду, подаренную Богом и призыв Иисуса, обращенный к его последователям. Несмотря на то, как мир обходится с ними, бедные и больные, благодаря Иисусу, получили уверенность в том, что для Бога нет нежеланных людей.

Мне пришлось прочитать труды японского романиста по имени Шусаку Эндо, чтобы почувствовать, что феномен переворота лежит в самой основе учения Иисуса.

Родившись в стране, где к церкви имеет отношение не более одного процента населения, Эндо вырос в семье, где мать была страстной христианкой, и был крещен в возрасте одиннадцати лет. Будучи христианином в предвоенной Японии, он испытывал постоянное чувство отчужденности, иногда одноклассники третировали его за то, что он имел отношение к "западной" религии. Когда закончилась Вторая Мировая война, он отправился во Францию в надежде найти там родственные души. Он снова столкнулся с гонениями, на этот раз из-за расы, а не из-за религии. Будучи одним из первых японских студентов приехавших по обмену в страну, принадлежавшую к антигитлеровской коалиции, Эндо подвергся расовой дискриминации. "Косоглазый япошка", как некоторые называли его.

Отвергнутый как своей настоящей родиной, так и своей духовной родиной, Эндо испытал сильный кризис веры. Он начал ездить в Палестину, чтобы изучать жизнь Иисуса, и находясь там, он сделал потрясающее открытие: Иисус тоже был отверженным. Более того, отверженность была определяющей чертой жизни Иисуса. Его соседи смеялись над ним, его семья сомневалась в его святости, его ближайшие друзья предали его, а его соотечественники обменяли его жизнь на жизнь террориста. Во все время его служения Иисуса тянуло к больным и отверженным, к отбросам общества.

Этот новый взгляд на Иисуса имел для Эндо силу откровения. В далекой Японии Христианство виделось ему триумфальной верой времен императора Константина. Он изучал историю Священной Римской империи и великолепных Крестовых походов, восхищался фотографиями великих храмов Европы, мечтал жить в стране, где можно быть христианином, не боясь попасть в немилость. Теперь, когда он изучил Библию, то увидел, что сам Христос не избежал не-милости. Иисус был страдающим Служителем, как это изображено у пророка Исаии: "Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое..." Эндо почувствовал, что, конечно же, этот Иисус как никто другой сможет понять то отчуждение, через которое он был вынужден пройти.

По мнению Шусако Эндо, Иисус принес весть материнской любви, чтобы сбалансировать ею отцовскую любовь Ветхого Завета. (Терапевт Эрих Фромм говорит, что ребенок из благополучной семьи получает любовь двух видов. Материнская любовь имеет тенденцию к безусловности, принимая ребенка в любом случае, не зависимо от его поведения. Отцовская любовь обычно носит временный характер, даруя свою благосклонность в том случае, если ребенок соответствует определенному стандарту поведения. В идеале, говорит Фромм, ребенок должен получать и принимать оба типа любви. Как считает Эндо, Япония, нация властных отцов понимала отцовскую любовь Бога, но не материнскую.) Конечно, милосердие присутствует и в Ветхом Завете, но оно легко теряется в связи с превалирующим акцентом на справедливости и законе. Обращаясь к культуре, воспитанной на этих строгих заповедях Торы, Иисус говорит о Боге, который предпочитает мольбу простого грешника молитве искушенного в религии человека. Он уподобил Бога пастуху, который бросает девяносто девять овец в загоне и отчаянно преследует одно отбившееся животное; отцу который не перестает думать о своем непослушном, неблагодарном сыне, хотя у него есть другой сын, который почтителен и послушен; богатому хозяину, который открывает двери своего дома женщинам с сомнительной репутацией и мошенникам.

Иисус часто был "движим состраданием", а во времена Нового Завета сама эта фраза употреблялась для выражения тех чувств, которые испытывает мать по отношению к ребенку в ее утробе. Иисус останавливался, чтобы обнять нелюбимых и недостойных людей, которые абсолютно ничего не значили для остальной части общества - они позорят нас, мы не хотим их видеть - чтобы доказать, что даже "никчемные" люди бесконечно дороги Богу. Одна нечистая женщина, слишком боязливая и стыдливая, чтобы встретиться с Иисусом лицом к лицу, ухватилась за его одежду, в надежде, что Иисус не заметит этого. Он заметил. Она, как и многие другие "никчемные" люди, поняла, что не так то просто избежать внимания Иисуса.

Иисус своим существованием доказал, что Бог любит людей не как расу или как вид, но человека как индивидуальность. Богу есть до нас дело. "Возлюбив тех, кто был недостойн любви, - сказал Августин, - ты сделал достойным любви и меня".

Временами мне нелегко поверить в Божию любовь. Я не живу в бедности, как христиане в странах Третьего Мира. Я также не познал жизнь в изгнании, подобно Шусаки Эндо. Но испил свою чашу страданий, - это правда жизни, которая превалирует над всеми расовыми и экономическими границами. Страдающие люди также нуждаются в исполненных милосердия глазах.

В течение одной ужасной недели два человека два дня подряд звонили мне, чтобы поговорить со мной по поводу одной из моих книг. Первый, молодой пастор из Колорадо, только что узнал о том, что его жена и маленькая дочь умирают от СПИДа. "Как я вообще я могу говорить с моей паствой о божественной любви после того, что случилось со мной?" - спросил он. На следующий день я услышал историю слепого человека, который за несколько месяце до этого приютил наркомана, находящегося на лечении, в своем доме, чтобы помочь ему. Недавно он обнаружил, что его жена изменяла ему с этим наркоманом в его собственном доме. "Почему Бог наказывает меня за то, что я пытаюсь служить ему?" - спросил он. Сразу же после нашего разговора он покинул свою квартиру, его телефон не отвечал, и я никогда больше не слышал об этом человеке.

Я научился даже не делать попыток дать ответ на вопрос "Почему"? Почему так случилось, что жене молодого пастора попалась пробирка с зараженной кровью? Почему некоторые добрые люди бывают наказаны за свои добрые дела, тогда как некоторые злые люди доживают в полном здравии до преклонных лет? Почему из миллионов людей, молящихся о физическом выздоровлении, лишь немногие получают ответ? Я не знаю.

Однако один вопрос больше не терзает меня, как это было раньше. Вопрос, который, я уверен, скрывается за большинством наших разногласий с Богом: "Не все ли Ему равно?" Я знаю только один способ, как ответить на этот вопрос, и я нашел этот способ благодаря изучению жизни Иисуса. В фигуре Иисуса Бог дал нам лицо, и я могу прочесть непосредственно по этому лицу, что Бог ощущает по отношению к людям вроде молодого пастора и слепого, который так и не назвал мне своего имени. Иисус утешил далеко не всех страждущих, он излечил только несколько человек на небольшом кусочке земного шара - но он дал ответ на вопрос, безразлична ли Богу наша судьба.

Нам известно три случая, когда страдание доводило Иисуса до слез. Он плакал, когда умер его друг Лазарь. Мне вспоминается один страшный год, когда один за другим умерли трое моих друзей. Горе, как я понял, это не то, к чему можно привыкнуть. Опыт первых двух смертей никак не подготовил меня к третьей. Горе ворвалось в мою жизнь, как грузовой поезд и раздавило меня. Оно заставило меня задыхаться и мне ничего не оставалось, кроме как плакать. Каким то образом я чувствовал себя лучше, из-за того, что Иисус ощущал нечто похожее, когда умер его друг Лазарь. Это дает поразительный ответ на вопрос, что должен ощущать Бог по отношению к трем моим друзьям, которых он также любил.

В другой раз на глаза Иисуса навернулись слезы, когда он смотрел на Иерусалим, и понял, какая судьба ожидает этот легендарный город. Он испустил крик, свидетельствующий о том, что Шусаку Эндо

назвал материнской любовью: "Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз Я хотел собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!" Я чувствую в этом спазме эмоциональной боли нечто схожее с тем чувством, которое испытывают родители, когда сын или дочь, сбившись с истинного пути, щеголяют своей свободой, отвергая все во, что его или ее учили верить. Или боль мужчины или женщины, которая только что узнала о том, что любимый человек ее бросил - боль обманутого любовника. Это есть беспомощная сокрушительная боль тщетности усилий, и она приводит меня к пониманию того, что сам Сын Божий испустил беспомощный крик перед лицом человеческой свободы. Даже Бог со всей его силой не может заставить человеческое существо любить.

В конце концов, как говорится в Послании К Евреям Святого Апостола Павла, Иисус "... с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти", но, конечно же, он не был спасен от смерти. Не будет ли это преувеличением сказать, что сам Иисус задал тот вопрос, который преследует меня, который преследует рано или поздно большинство из нас: Не все ли Ему равно? Что же еще может означать цитата из этого страшного псалма: "Боже мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?"

Опять же меня странным образом утешает тот факт, что, когда Иисус оказался лицом к лицу с болью, он прореагировал во многом так же, как и я. В саду он не молился: "О Господи, я так благодарен Тебе за то, что Ты выбрал меня, чтобы пострадать во имя Твое. Я в восторге от этой привилегии!" Нет, он испытывал боль, страх, покинутость и нечто похожее на отчаяние. Все-таки он выстоял, поскольку он знал, что в центре вселенной жил его Отец, Бог любви, которому он мог безоглядно довериться, что бы ни произошло.

Ответ Иисуса страдающим и "никчемным" людям позволяет заглянуть в самое сердце Бога. Это не бесстрастный Абсолют, но скорее Любящий, который близок нам. Я уверен, что Бог смотрит на меня во всей моей слабости так же, как Иисус смотрел на вдову, стоящую у гроба своего сына, и на Симона Прокаженного, и на другого Симона, Петра, который отрекся от него, хотя и был избран, чтобы основать его церковь и руководить ею, руководить общиной, которая всегда должна находить место для отверженных.

Глава 9 Чудеса: моментальный снимок сверхъестественного

Истинный реалист, если он неверующий, всегда найдет в себе силы и способность не поверить в чудесное, а если он оказывается поставленным перед чудом как перед неопровержимым фактом, он скорее не поверит собственному разуму, нежели признает этот факт. Вера не ... является результатом чуда, но чудо происходит из веры.

Федор Достоевский

Атмосфера, в которой я вырос, была пропитана чудесами. Чуть ли не каждое воскресенье люди в нашей церкви торжественно сообщают о чудесных ответах на их молитвы, полученных на прошедшей неделе. Господь находил парковку для матерей, везших своих детей к врачу. Потерянные авторучки чудесным образом находились. Опухоли исчезали за день до намеченной операции.

В те дни Иисус казался мне Великим Волшебником и, соответственно, история о том, как он ходил по воде, произвела на меня особенное впечатление. Если бы я мог совершить такой трюк в моей школе, хотя бы раз! Как бы я был счастлив лететь по комнате подобно ангелу, с легкостью заставляя замолчать всех тех, кто насмеялся надо мной и другими религиозными типами. Как счастлив был бы я пройти

невредимым среди хулиганов на автобусной остановке, как Иисус проходил через разъяренную толпу в своем родном городе.

Однако мне никогда не удавалось пролететь по классу, и хулиганы продолжали издеваться надо мной, сколь бы усердно я ни молился. Даже "ответы на молитвы" смущали меня. Кроме того, иногда места для парковки были заняты, а потерянные авторучки не находились. Иногда люди, приходившие в церковь, лишались работы. Иногда они умирали. Большая тень набежала и на мою жизнь: мой отец умер от полиомиелита вскоре после того, как мне исполнился год, несмотря на то, что сотни преданных своей вере христиан круглосуточно бодрствовали и молились за него. Где был тогда Бог?

Будучи взрослым, большую часть жизни я обращался к вопросам, которые впервые взволновали меня в юности. Молитва, которую я избрал для себя, не функционирует наподобие автомата для продажи ширпотреба: бросил вопрос, получил ответ. На то они и чудеса, чтобы "необычное" входило в повседневную жизнь. Мое представление об Иисусе тоже изменилось. Когда я теперь размышляю над его жизнью, чудеса играют гораздо менее значительную роль в моем представлении, чем в то время, когда я был ребенком. Суперменом он не был.

Да, Иисус демонстрировал чудеса - около трех десятков, в зависимости от того, как вы их считаете - но в действительности Евангелия преуменьшают их количество. Часто Иисус обращается к тем, кто видел чудо, с просьбой никому об этом не рассказывать. Некоторые чудеса, такие как Преображение или воскрешение двенадцатилетней девочки, Иисус творил только на глазах своих учеников, строго приказав им держать это в тайне. Хотя он никогда не отказывал тому, кто просил его о физическом исцелении, он неизменно отвергал просьбы продемонстрировать какое-нибудь чудо для увеселения толпы или для того, чтобы произвести впечатление на влиятельных людей. Иисус быстро понял, что возбуждение, вызываемое чудесами, вовсе не означает легкого обращения в веру, способную изменить жизнь.

Некоторые скептики, разумеется, не оставляют за чудесами права на существование, и для них любое сообщение о сверхъестественном событии неприемлемо уже по определению. В Смитсоновском музее в Вашингтоне выставлена книга в кожаном переплете, в которую Томас Джефферсон клеивал все фрагменты из Евангелий, которые (не) содержат в себе ничего чудесного. Это была Библия, которую он читал каждый день до конца своей жизни, писание, изображавшее Иисуса скорее в качестве учителя, чем в роли чудотворца.

Подход Томаса Джефферсона - это исторический отголосок того, что происходило при жизни Иисуса. Тогда тоже рационалисты размышляли над учением Иисуса и тщательно исследовали его чудеса. Иногда они отрицали очевидные факты, которые они наблюдали, а иногда искали им альтернативное объяснение (волшебство, дьявольская сила). Люди редко легко верили в чудесное; в первом веке оно казалось им таким же подозрительным, каким бы показалось сегодня. Тогда, как и сейчас, чудеса вызывали подозрение, презрение и, только от случая к случаю, веру.

Поскольку я признаю в Иисусе Сына Божьего, который снизошел на землю "во славе Своей", я признаю чудеса, которые он совершал как естественное дополнение его работы. Но даже в этом случае, чудеса вызывают во мне большие вопросы. Почему их так мало? Почему он их вообще совершал? Почему именно эти чудеса, а не другие? Я журналист, а не теолог, поэтому в поисках ответа на свои вопросы я смотрю на чудеса не в системе категорий, а скорее как на индивидуальные сцены, импрессионистические моментальные снимки из жизни Иисуса.

Первое совершенное Иисусом чудо было, пожалуй, самым странным из всех. Он никогда не повторял ничего, даже отдаленно похожего на это, и это чудо, кажется, удивило самого Иисуса не меньше, чем кого-либо еще.

Когда Иисусу было тридцать лет или около того, он появился на свадьбе со своей недавно образовавшейся командой учеников. Его мать тоже пришла туда, возможно, в сопровождении других

членов семьи. В сельской жизни Галилеи празднование свадьбы вносило разнообразие в бесцветное существование. Жених с друзьями устраивал торжественное шествие по улицам, чтобы при свете факелов забрать невесту, потом каждый спешил в дом жениха на пир, который был бы достоин короля. Вспомните счастливые сцены из Уличного скрипача на крыше ("Скрипача на крыше" - название американского фильма по Шалом-Алейхему): крестьянские еврейские семьи, танцующие во дворе в своих самых дорогих расшитых нарядах, музыку и смех, праздничные столы, заставленные глиняными блюдами со снедью и кувшинами с вином. Пиршество могло продолжаться целую неделю, пока хватало еды, вина и хорошего настроения. Свадьба действительно была чрезвычайно радостным событием.

Ученики Иисуса должны были с недоверием уставиться на происходящее, особенно те из них, кто пришел к нему от Иоанна Крестителя с его пустынной диетой и одеждами из шкуры животных. Могли ли теперь эти аскеты танцевать с еврейскими девушками и поглощать лакомства? Не спрашивали ли их местные жители о Крестителе, самом близком к пророку Израеля человеку, которого они видели за последние четыреста лет? Евангелие от Иоанна об этом умалчивает. Оно только сообщает нам, что в момент социального кризиса все торжество чуть было не сорвалось. Кончилось вино.

Если подумать о чрезвычайных происшествиях, то случившееся достойно попадания в их список. Не вызывает никакого сомнения, что это потрясло гостей, но использовать Мессию, который пришел исцелять больных и освобождать пленных, для подобного рода социального faux pas (социальной бестактности???) М.б. "...но так бестактно использовать ..."???) ? "Что Мне и Тебе, Жено?" - отвечает Иисус, когда его мать обращается к нему с этой проблемой. "Еще не пришел час Мой".

Мы может только гадать о том, что происходило в сознании Иисуса в те несколько секунд, когда он взвешивал вопрос Марии. Любой его поступок означал бы, что его время пришло, и с этого момента жизнь должна была измениться. Если просочится слух о его возможностях, он вскоре услышит мольбы нуждающихся людей от Тира до Иерусалима. К нему стекутся толпы: эпилептики, паралитики, глухонемые, бесноватые, не говоря уже о целых улицах нищих, которые будут вымаливать стакан бесплатного вина. Из столицы будут направлены люди для расследования. Стронутся стрелки часов, которые не остановятся до самой Голгофы.

Тогда Иисус, тот же самый Иисус, который совсем недавно во время поста в пустыне отверг предложение Сатаны превратить камни в хлеб, принял решение. В первый, но, конечно же, не в последний раз в своей общественной жизни, он нарушил свои планы, чтобы оказать услугу кому-то другому. "Наполните сосуды водою", - сказал он слугам. Сосуды наполнили и чудесное вино - лучшее вино, отборное вино, которое обычно подается в самом начале праздника, пока вкус еще не потерял свою утонченность, а гости свою впечатлительность - заструилось из них. Пир продолжился, хозяин расслабился, жених с невестой вернулись к серьезному отмечанию события.

Иоанн нигде не намекает, что гости или даже хозяин подозревали о той драме, которая разыгралась за кулисами. Мария, разумеется, об этом знала, так же как и слуги. Знали и ученики Иисуса: "Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его".

Что мы можем знать об этом странном происшествии? Писатели Жорж (Джордж) МакДональд и К.С.Льюис видят в нем напоминание о всеобщей милости Божьей, сконцентрированной в этом случае в узком луче, подобно тому как солнечные лучи проходят через увеличительное стекло. Чудеса Иисуса, как отмечается, обычно не вступают в противоречие с естественными законами, а скорее повторяют нормальную схему творения, но с другой скоростью и в меньших масштабах. "Некоторые чудеса создают в местном масштабе то, что уже создал Бог в масштабе Вселенной", - пишет Льюис. "Бог создает виноград и учит его собирать воду корнями и с помощью солнца превращать эту воду в сок, который будет обладать определенными качествами. Таким образом, каждый год со времен Ноя и до сих пор, Бог превращает воду в вино". В то же время, антитела и антигены творят чудеса исцеления в наших телах

каждый день, но в более спокойной, менее сенсационной манере, чем способы исцеления, к которым прибегает Иисус.

Да, но как насчет скрытого смысла? Что означает это странное первое чудо? Отмежевываясь от традиции, Иоанн не истолковывает нам чудесное "знамение", которое для него почти всегда означает символ, что-то вроде разыгранной притчи. Некоторые комментаторы видят в этом предзнаменование Тайной Вечери, когда Иисус превращает не воду в вино, а вино в кровь, свою кровь, пролившуюся для всего человечества. Может быть.

Я предпочитаю более причудливую интерпретацию. А именно, Иоанн отмечает, что вино полилось из больших (двадцать - тридцать галлонов) сосудов, которые стояли, наполненные водой, перед домом, сосудов, которые использовались соблюдавшими порядки евреями для исполнения ритуального омовения. Даже во время свадебного праздника должны были читаться обременительные ритуалы очищения. Иисус, в чьих глазах, должно быть, сверкнул игривый огонек, превратил эти сосуды, нудные символы старых порядков, в меха с вином, предвещающие новый порядок. Из очищенной воды фарисейства получилось изысканное молодое вино целой новой эры. Время ритуальных очищений прошло; началось время празднований.

Такие пророки, как Иоанн Креститель проповедовали справедливость, и в действительности многие из чудес Ветхого Завета отражали это чувство сурового правосудия. Однако первое чудо Иисуса было вызвано чутким состраданием. Этот урок не прошел даром для учеников, которые присоединились к нему на празднике бракосочетания в ту ночь в Кане - особенно для недавних учеников Крестителя.

Чудо превращения воды в вино, событие, произошедшее лишь однажды, перестало быть центром внимания в безвестном городке, о чьем местоположении археологи до сих пор спорят. Однако задолго до этого Иисус опробовал свои чудодейственные силы при свете дня на глазах у толпы энтузиастов. Как стало ясно на сегодняшний день, чудеса физического исцеления привлекали наибольшее внимание, и в девятой главе Евангелия от Иоанна говорится о подобном чуде в Иерусалиме, столице и центре оппозиции Иисусу. Иоанн отводит этой истории целую главу, делая классический набросок того, что происходит, когда Иисус нарушает общепринятый порядок.

История начинается с того, что в первую очередь интересуется больных людей, с вопроса о причине. Почему я? Что Бог пытается сказать мне? Во времена Иисуса люди считали, что беды обрушиваются на тех людей, которые это заслужили. (Олимпийских игр 1994 года, когда конькобежец Ден Йансен споткнулся и в очередной раз проиграл забег на 500 метров, его жена, Робин, инстинктивно воскликнула: "Господи, почему опять? Бог не может быть так жесток!" Несколько месяцев спустя молодая женщина написала доктору Джеймсу Добсону следующее письмо: "Четыре года тому назад я встречалась с мужчиной и забеременела от него. Я чувствовала себя опустошенной! Я обратилась к Богу "Почему Ты позволил, чтобы это случилось со мной?" Я не могу не удивиться тому, какую, собственно, роль Бог сыграл в том, что конькобежец потерял контроль над равновесием на повороте, и молодая пара потеряла контроль над собой во время свидания?)

Я заметил существенное изменение, произошедшее с тех времен, когда жил Иисус, изменение, касающееся того, что люди думают по поводу несчастий. Сегодня мы склонны обвинять Бога, возлагать на него ответственность как за катаклизмы (которые страховые компании называют "форс-мажорными обстоятельствами (англ. acts of God), так и за повседневные проблемы. Во время Зимних без греха, и нет страдания без вины", учили фарисеи, которые видели карающий перст Бога в природных катастрофах, во врожденных аномалиях, и в таких длительных мучениях, как слепота и паралич. Именно отсюда пошел образ "слепого от рождения человека". Воспитанные в надлежащих еврейских традициях, ученики Иисуса спорили по поводу того, что могло послужить причиной подобных врожденных аномалий. Может быть, человек согрешил каким-либо образом in utero? Или он пострадал от последствий

родительского греха - предположение, которое легче сделать, но совершенно не соответствующее действительности.

Ответ Иисуса заключался в переворачивании традиционных представлений о том, как Бог смотрит на больных людей и калек. Он отрицал то, что слепота есть следствие какого-либо греха, а также старался свести на нет общее мнение по поводу того, что трагедии случаются с теми, кто их заслужил (см. Луку 13:1-5). Иисус хотел убедить больных в том, что они особенно любимы, а не прокляты Богом. Каждое из его чудес исцеления, в действительности, направлено против раввинской традиции "Ты заслужил это".

Ученики оглядывались назад, чтобы выяснить "Почему?" Иисус направлял их внимание вперед, отвечая совсем на другой вопрос: "Зачем?" Его ответ: "Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии".

То, что началось как трагическое повествование о слепоте какого-то человека, закончится надреальным повествованием о слепоте кого-то другого. Соседи этого человека заставляют его доказывать свою нормальность, фарисеи задают ему формальные вопросы, и его собственные родители (которые оказываются достаточно бессердечными для того, чтобы бросить его, в итоге, вести нищенскую жизнь) уступают общему давлению. Что же касается прозревшего человека, то у него слишком мало времени на такие теологические рассуждения: "Грешник ли Он, не знаю", - высказывает он свое суждение об Иисусе. "Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу".

В Иерусалиме, где Иисуса порицали за его ересь, очевидное чудо, особенно совершенное в субботу, представляло собой серьезную угрозу официальной доктрине. Хотя фарисеи не могли опровергнуть чудо - слепой нищий теперь смотрел им в глаза и открыто над ними насмеялся - в конце концов, они все равно остаются сторонниками теорий возмездия, существующих в их время. "Во грехах ты весь родился и ты ли нас учишь?" - набрасываются они на прозревшего. Слепцы от теологии не так легко признают свои ошибки.

Реакция на это чудо, как и на многие другие, приведенные в Писании, демонстрирует камень преткновения в вопросах веры: хотя вера может совершать чудеса, совсем не обязательно, что чудеса влекут за собой веру.

Можно воспринимать болезнь как механическое разрушение клеток тела или относиться к ней в более широком смысле как к состоянию не-легкого (dis-ease) функционирования тела, сознания и души. Я познакомился с этим на примере пациентов доктора Поля Бранда, специалиста по заболеваниям проказы, соавтором книг которого я являлся. За исключением самых ранних стадий заболевания, больной проказой не чувствует физической боли. Это, в действительности и является проблемой: после того, как бактериями проказы убиваются нервные клетки, больные больше не в состоянии осознавать опасность разрушения своего собственного тела. Прокаженный целый день может ходить по острым металлическим шурупам, пользоваться расщепленным молотком или чесать пораженное место глазного яблока. Любое из этих действий разрушает клеточную ткань и вполне может привести к потере какого-нибудь члена или зрения, но совершенно не причиняет больному боли.

Хотя больные проказой не чувствуют боли, они действительно страдают, страдают больше, чем все те люди, которых мне доводилось знать. Но почти всю эту боль они чувствуют извне, когда их отталкивает окружающее их общество. Доктор Бранд рассказал мне об одном молодом человеке, которого он лечил в Индии. Во время осмотра Бранд положил свою руку на плечо пациента и сообщил ему через переводчика о том лечении, которое ему предстоит пройти. Он с удивлением увидел, что голова больного затряслась и послышались всхлипывания. "Я сделал что-нибудь не так?" - спросил Бранд переводчика. Девушка перевела вопрос на тамильский язык и ответила: "Нет, доктор. Он говорит, что плачет из-за того, что Вы положили руку ему на плечо. До того, как он пришел сюда, многие годы никто к нему не прикасался".

В наши дни в западных странах, где заболевание проказой встречается крайне редко, новая болезнь несет на себе этот отпечаток моральной и социальной отверженности. "СПИД - это современная проказа", - говорит бывший Генеральный хирург К. Эверетт Куп. "Сегодня встречаются люди с таким же отношением к больным СПИДом, какое было у многих людей к больным проказой сотню лет назад". Я знаю одного больного СПИДом, который проделал путешествие в тысячу сто миль, для того чтобы провести День Благодарения в кругу своей семьи в Мичигане. Он не видел их семь лет. Родители приняли его неприязненно, и когда стол был накрыт к обеду, каждый получил свою порцию индейки на блюде из лучшей китайской керамики фабрики Уэджвуда - все, за исключением их сына, больного СПИДом, для него были сервированы пластиковые приборы.

Иисус знал все о том пятне, которое ложится в обществе на людей, страдающих такими заболеваниями как СПИД или проказа. Легкомысленные (??? - м.б. можно перевести как то по другому, т.к. похоже автор подразумевает законы из В.З.) законы предписывают прокаженным жить за пределами городов, держаться от всех остальных на расстоянии не менее шести шагов и носить траурные одежды, подходящие для погребения. Легко могу представить себе волну негодования, всколыхнувшую толпу, когда один такой изгой, которого все сторонились, появился в толпе и бросился к ногам Иисуса. "Господи! Если хочешь, можешь меня очистить", - сказал он.

Матфей, Марк и Лука приводят различные описания этого эпизода, но все трое включают в него одно выражение: "Он простер руку и прикоснулся к нему". Толпа, должно быть, открыла рот от изумления - не нарушается ли тем самым закон Моисея, запрещающий подобный поступок? Жертва проказы, наверное, вздрогнула. В течении скольких месяцев или лет он был лишен ощущения тепла человеческой плоти, прикасающейся к его собственной плоти? Это прикосновение Иисуса положило конец его не-легкому (dis-ease) положению. Закон был соблюден (??? -он был свободен от закона???)

Отношение Иисуса к больным легло в основу положений церкви, сформировавшейся вокруг него, и христиане продолжали следовать его примеру, заботясь о больных, бедных и отверженных. Однако в случае с проказой церковь иногда добавляла к этому несчастью еще и свое свидетельство о "проклятии Божиим", но в то же время были отдельные личности, которые пытались проложить путь в ее исцелении. Религиозные ордена посвящали себя излечению проказы, и научным прорывом в излечении этого заболевания мы, кажется, обязаны миссионерам, поскольку они были единственными, кто соглашался работать с больными проказой.* Подобным образом

*Причудливая вера в Средневековье определяла отношение церкви к больным проказой. Из-за неверного перевода Иеронима лидеры церкви уверовали в то, что описание Исаии Страдающего Слуги как "страдающего" или "знающего страдание" христиане сегодня участвуют в помощи больным СПИДом и работают в приютах, современное движение посвятило себя тем, у кого мало надежды на физическое выздоровление и кто очень нуждается в любви и заботе.

Мать Тереза, чьи сестры милосердия управляют в Калькутте как приютом, так и клиникой для больных проказой, однажды сказала: "У нас есть медикаменты для людей с такими заболеваниями как проказа. Но эти лекарства бессильны против основной проблемы, заболевания, которое называется быть отвергнутым. Это то, что надеются побороть мои сестры". Больные и бедные, говорит она, страдают гораздо более от выброшенности из общества, чем от материальных нужд. "Один алкоголик в Австралии рассказал мне, что когда он гуляет по улицам, он слышит, как шаги догоняющих или проходящих мимо него людей ускоряются. Одиночество и ощущение того, что ты отвергнут, это самая ужасная беда". Не нужно быть доктором или чудотворцем, чтобы понять это.

Восхитительная история, которая следует в Евангелии непосредственно за исцелением проказы, показывает, насколько важны друзья для заболевшего человека. Парализованный мужчина, вынужденный полагаться на других людей, кормящих и моющих его и даже следящих за санитарными

условиями его жизни, теперь должен был обратиться к их помощи, чтобы поступить в соответствии со своей верой.

Я вспоминаю те бурные эмоции, которые вызывала во мне эта история первое время после того, как я услышал ее в воскресной школе. Этот паралитик так истово желал встречи с Иисусом, что уговорил четырех своих друзей разобрать часть крыши и опустить его кровать в дыру! Этот человек, прошедший всю жизнь в горизонтальном положении, пережил несколько вертикальных мгновений своей судьбы. Комментаторы Библии заостряют внимание на том, что соломенные и черепичные крыши в Палестине было гораздо проще разобрать и починить, чем кровли домов в наше время. Они не учитывают одного: отверстие в крыше навряд ли можно назвать тем естественным путем, означало, что он действительно был болен проказой. Так в двенадцатом и тринадцатом веках люди пришли к выводу, что Иисус, должно быть, был болен проказой. Эта вера кардинально изменила взгляд на это заболевание: проказа была отныне не "проклятием Божиим", а "Святым Недугом". С крестоносцами, возвращавшимися из похода прокаженными, обращались с величайшим благоговением, и "лазаревые дома" ("Лазареты"), в которых лечили это заболевание (названные так по имени нищего Лазаря), появлялись как грибы, в одной только Франции их насчитывалось около двух тысяч. Это историческое движение являет собой яркий пример того, как церковь буквально следовала указанию Иисуса обращаться с "малейшим из сих братьев Моих" так, как она обращалась бы с самим Иисусом которым обычно входят в дом. Более того, независимо от того, насколько прочной была крыша, попытки проделать в ней отверстие, несомненно, будут мешать тому, что происходит внутри дома. Летящая пыль, кусочки соломы и глины, шум и хаос не могут не нарушать происходящего. (Священник, по имени Дональд Синиор, сделал одно наблюдение, которое я никогда раньше не встречал, читая об этой истории, наблюдение, касающееся доступности Иисуса для больного человека. Синиор пишет: "Каждый больной человек может повесть множество историй вроде этой - историй о том, как приходится входить в церковь через ризницу (или, что еще хуже, позволять вносить себя по ступенькам как ребенка), добираться до лекционного зала посредством грузового подъемника и потом проходить через кухню или склад, чтобы присоединиться к `нормальным` людям, вошедшим через парадный вход".)

Толпа, присутствие которой и явилось препятствием для попадания в дом, испытала два сильных потрясения. Первым потрясением для нее стал тот ни на что не похожий способ, который друзья паралитика избрали для разрешения этой проблемы. Потом к этому добавилась совершенно неожиданная реакция Иисуса. Когда Иисус увидел их веру - множественное число, которое подчеркивает роль четырех друзей в исцелении - он сказал: "Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои". "Чадо, возрадуйся", - так переводит эту первую фразу другое Евангелие. Буквально: "Не унывай!"

Совершенно очевидно, что Иисус обрадовался случившемуся. Экстраординарные проявления веры всегда производили на него впечатление, и, естественно, трюк четверых мужчин, разрушивших крышу, был наглядным тому доказательством. Однако, реакция Иисуса ошеломила присутствующих. Кто хоть что-то говорил о грехах? И кто такой Иисус, чтобы отпускать их? В своей типичной манере эксперты от теологии принялись спорить о том, имеет ли Иисус право отпускать грехи, ни разу не вспомнив о парализованном человеке, лежавшем на строительном мусоре, нападавшем с крыши.

Иисус подогрел спор загадочными словами, которые, кажется, подводят итог его отношению к исцелению физических недостатков: "Ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?" Однако он оставляет этот вопрос неразрешенным до тех пор, пока ответом на него не станет вся его жизнь. Без сомнения, физическое исцеление было намного более простым. Словно подтверждая это, Иисус едва произнес слово, как парализованный человек уже встал на ноги, взял свою постель и пошел - если не поскакал - домой.

Иисус никогда не сталкивался с болезнями, которые он не мог бы излечить, с врожденными аномалиями, которые он не мог бы выправить, с бесами, которых он не мог бы изгнать. Но ему

попадались скептики, которых он не мог убедить, и грешники, которых он не мог обратить в веру. Отпущение грехов требует волевого акта со стороны человека, которому отпускаются грехи, и многие из тех, кто слышал решительные слова Иисуса о сострадании и всепрощении, удалялись, так и не раскаявшись.

"Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи...", - объявил Иисус скептикам, исцелив человека, яркая иллюстрация того, как "большой" служит "меньшему". Иисус знал, что духовный недуг гораздо более разрушителен для человека, чем какое бы то ни было физическое нездоровье. Каждый исцеленный в итоге все равно умрет - и что? Он пришел не для того, чтобы излечивать физические клетки, из которых состоит мир, но для того чтобы исцелить его души.

Как легко мы, живущие в материальных оболочках, забываем о духовном мире. Мне пришло в голову, что хотя Иисус потратил много времени на такие проблемы, как лицемерие, произвол законников, гордость, мне не припоминаются телевизионные каналы, посвященные решению этих "духовных" вопросов; зато я знаю множество передач, сосредоточивших свое внимание на физических недугах. Однако, когда я начинаю ощущать самодовольство, я вспоминаю, как легко мной самим овладевал самый легкий приступ физического страдания, и как редко меня мучили мои грехи.

Когда дело доходит до чудес, Иисус обозначает совсем иные приоритеты, нежели большинство из его последователей.

Только одно чудо описывается во всех четырех Евангелиях. Оно произошло на зеленых холмах у берегов Галилейского моря в то время, когда популярность Иисуса - также как и его уязвимость - достигла своего пика. Куда бы он ни шел, за ним следовала толпа, состоявшая из бесноватых и больных.

За день до великого чуда, Иисусу пришлось переплыть на другой берег озера, чтобы отделаться от этой толпы. Ирод только что казнил Иоанна Крестителя, родственника Иисуса, его предвестника и друга, и Иисусу нужно было какое-то время побыть одному, чтобы предаться печали. Смерть Иоанна, без сомнения, вызвала у него мрачные мысли о той участи, которая ожидала его самого.

Увы, уединенного прибежища Иисус не нашел. Большая группа вчерашних слушателей Иисуса предприняла десятидневный поход вокруг озера, и вскоре сотни, тысячи людей столпились вокруг него. "Он сжалился над ними", - говорит Марк, - "потому что они были как овцы, не имеющие пастыря". Вместо того, чтобы провести день, восстанавливая свои душевные силы, Иисус провел его исцеляя больных, постоянно растрчивая энергию и разговаривая с толпой, достаточно большой, чтобы заполнить современную баскетбольную арену.

Возникла проблема с пропитанием. Что делать? Собралось по меньшей мере пять тысяч мужчин, не говоря уже о женщинах и детях! Нужно отослать их прочь, подсказал один из учеников. Купите им еды, велел Иисус. Как? Он что, смеется над ними? Для этого им пришлось бы работать восемь месяцев!

Тогда Иисус велел им это таким тоном, какого они от него еще не слышали. Рассадите всех группами по пятьдесят человек, сказал он. Это было похоже на массовый политический митинг - праздничный, хорошо организованный, с соблюдением иерархии - именно то, чего можно было ожидать от Мессии.

Когда мы сегодня читаем о жизни Иисуса, мы неизбежно осознаем, как это происходило. В то время, никто, кроме Иисуса, этого не понимал. В группах на склоне холма раздавалось ворчание. Он ли это? Может ли это быть? В пустыне Сатана развернул перед Иисусом перспективы чуда, убажывающего толпу. Сейчас, уже не для развлечения толпы, а для насыщения людей Иисус взял две соленые рыбки и пять маленьких хлебов и сотворил чудо, которого все от него ждали.

Три Евангелия на этом заканчивают описание данного эпизода. "И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов", - сообщает Марк с мастерской сдержанностью. Только Иоанн говорит о том, что последовало за этим. Иисус, наконец, остался в

одинокости. Пока ученики гребли через озеро, всю дорогу борясь со штормом, Иисус провел всю ночь на вершине горы, молясь в одиночестве. Позднее этой же ночью он присоединился к ним, пройдя до лодки по воде.

Следующим утром, в почти комичной сцене погони за Иисусом, толпа послала несколько лодок и гоняла Иисуса вокруг озера, как косяк рыбы, которым движет любопытство (толпа, которой двигало любопытство, послала несколько лодок и гоняла Иисуса вокруг озера, как косяк рыбы). На следующий день после сотворения одного чуда, они хотели еще большего. Иисус разгадал настоящее намерение толпы: схватить его силой и короновать на царство. Все царства мира я дам тебе, обещал Сатана.

Разговор протекал между двумя сторонами, говорившими на совершенно разных языках. Иисус был непривычно резок, обвиняя толпу в том, что она движима жадностью и желает только того, чтобы набить себе животы. Он делает такие провоцирующие заявления как: "Я есмь хлеб жизни" и "Я сошел с небес". Он говорит вещи, которые нельзя постичь: "... если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни".

Подобно греческому хору, аудитория драматично вторила каждому из этих жестких слов. Они роптали. Они спорили. Они не так легко откажутся от своей мечты. Древняя еврейская традиция учила, что Мессия возобновит практику Моисея, дававшего хлеб с неба, и разве Иисус не сделал этого день назад? Все еще пережевывая вчерашнее чудо в своих животах, они хотели еще какого-нибудь чудесного знамения. Они были одурманены.

В конце концов, Иисус "победил" в этом споре. Как оказалось, он не был их типом Мессии: он не предоставлял по требованию хлеб и зрелища. Огромная, бесконечная толпа отхлынула, и ученики Иисуса начали грызть между собой. "Какие странные слова! Кто может это слушать?" - говорили они. Многие оставили его, но раскол среди учеников упоминает только Иоанн. "Не хотите ли и вы отойти?" - печально спросил Иисус своих Двенадцать избранных.

То, что Иисус накормил пять тысяч человек, наглядно демонстрирует то, почему он, имея в своем распоряжении сверхъестественную силу, проявил такую амбивалентность по отношению к чудесам. Да, они увлекали толпу и вызывали рукоплескания, но очень редко приводили к раскаянию или к твердой вере. Он же принес весть повиновения и таинства, а не шоу для зевак и любителей сенсаций.

С того самого дня учение Иисуса принимает другой оборот. Он стал более открыто говорить о своей смерти, так, словно эти произошедшие друг за другом эпизоды шумного одобрения, а затем отторжения прояснили ему его будущее. Странные фигуры речи, с которыми он обращался к толпе, теперь начали становиться понятными. Имелся в виду не волшебный хлеб жизни, наподобие манны; он был дан с неба, чтобы быть разломленным и смешанным с кровью. Он говорил о своем собственном теле. Как сказал Роберт Феррар Кэпон, "Мессия не собирался спасти мир чудесными вмешательствами, оказывая ему первую помощь: здесь улегся шторм, там накормлена толпа народа, женщина, исцеленная мимоходом. Скорее всего, речь шла о спасении через более темное, более глубокое, ни на что не похожее таинство, в центре которого стояла его собственная смерть".

В тот день на зеленом холме у озера Иисус прошел что-то вроде теста. Сатана предрекал ему это еще в пустыне, но то искушение было более теоретическим. Здесь же уже была реальность, проверка предложением царства, на которое он имел полное право - и от которого он отказался, выбрав более тяжелый, смиренный путь.

"Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения!" - говорил Иисус, когда кто-нибудь просил его продемонстрировать свою силу.

И даже в Иерусалиме, в столице, где множество людей было свидетелями тех чудес, которые он совершал, и верило в него, "... Сам Иисус не верял Себя им", поскольку он знал, что было в их сердцах.

Знамение - это не то же самое, что доказательство; знамение - это просто дополнительная подсказка для того, кто смотрит в нужном направлении.

Последнее великое "знамение" в Евангелии от Иоанна происходит в самом центре его книги, в одиннадцатой главе и становится кульминационным моментом для всего, что происходит до этого события и что за ним следует. Иоанн указывает на чудо, произошедшее с Лазарем как на событие, которое окончательно настроило религиозных лидеров против Иисуса. Его Евангелие также подводит ясный итог того, к чему привели или не привели чудеса, совершенные Иисусом в то время, когда он жил на земле.

Среди них история Лазаря имеет особый характер "инсценировки". Обычно когда Иисус получал известия о том, что болен человек, он реагировал незамедлительно, иногда меняя планы, чтобы отозваться на призыв о помощи. На этот раз, узнав о болезни одного из своих хороших друзей, он задержался в одном городе на два дня. Он поступил так намеренно, полностью осознавая, что отсрочка приведет к смерти Лазаря. Евангелие от Иоанна предлагает таинственное объяснение Иисуса, обращенное к его ученикам: "Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали". Он осознанно позволил Лазарю умереть и заставил его семью страдать.

В другом контексте Евангелие от Луки противопоставляет личности двух сестер Лазаря: Марфа, обстоятельная хозяйка, которая находится в постоянных заботах о кухне, и задумчивая Мария, предпочитающая сидеть у ног Иисуса. В час, когда пришла беда, обе эти личности остались верными себе. Марфа побежала по дороге навстречу Иисусу, чтобы встретить его на краю селения. "Господи! - бросилась она к нему, - если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой". Чуть позже Мария присоединилась к ней и с горечью повторила те же самые слова: "Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой".

В словах сестер звучали укоризненные ноты, обвинение Бога, который не ответил на молитвы. Как бы мы ни старались, те из нас, кто испытывает горе, не может избежать слов, вроде "если бы". Если бы только он не полетел этим рейсом. Если бы он только бросил курить. Если бы только я нашел время сказать "до свидания".

В этом случае, у Марии и Марфы была четкая мишень для их "если бы": сам Сын Божий, их друг, который мог бы предотвратить смерть.

Недостатка веры можно было не стыдиться. Марфа уверяла Иисуса в том, что она верит в загробную жизнь и, нужно заметить, она действительно провозгласила Иисуса Мессией, Сыном Божиим. Детская вера подсказывала ей вопрос: почему Иисус не помог? Друзья и родные задавали резкий вопрос: "Не могли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?"

Марфа плакала. Мария плакала. Все скорбящие плакали. Наконец, сам Иисус, "восскорбел духом и возмутился" и расплакался. Иоанн не говорит о том, почему Иисус плакал. С того момента, как он уже раскрыл свои планы воскресить Лазаря из мертвых, он действительно не чувствовал той скорби, которую переживали опустошенные близкие. Все же, что-то его растрожило. Когда он подошел к могиле, он снова почувствовал спазм, "скорбя внутренно", как передают это некоторые Евангелия.

Смерть никогда раньше не беспокоила Иисуса. Он без усилий возвратил сына вдове из Наина, остановив движущуюся погребальную процессию. Он вернул к жизни дочь Иаира к жизни почти играючи: "Встань, чадо!" - как отец, который будит своего ребенка. В случае с семьей Лазаря, однако, он казался обеспокоенным, озабоченным, расстроенным.

Молитва Иисуса, произнесенная у могилы, дает нам ключ к разгадке: "Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня". Нигде больше Иисус не молился, думая о людях стоящих у него за спиной, подобно актеру в драме Шекспира, который поворачивается к толпе, чтобы произнести ремарку. В этот момент Иисус, казалось, был уверен в своей двойственной сущности, будучи одновременно тем, кто сошел с небес, и Сыном Божиим, рожденным на земле.

Прилюдная молитва, громкий голос, жесты, все это свидетельствует о внутренней духовной борьбе. Иисус расставлял акценты, предлагая знамение вниманию публики, и здесь, как нигде более, он признал

промежуточное положение мира, сотворенного Богом. Иисус, разумеется, знал, что Лазарь был теперь вполне удовлетворен и доволен тем, что покинул этот бренный мир. Марфа и Мария тоже знали об этом, в теории. Но в отличие от Иисуса и Лазаря, они никогда не слышали смеха, раздававшегося по ту сторону смерти. Веру в силу и любовь Бога на какое-то время поколебала скорбь. Все, что они знали, это утрата, все, что они чувствовали, это страдание.

Это промежуточное положение между утратой и болью, вероятно, и объясняет причину слез Иисуса. Греческие ученые говорят, что слово, которое переводится как "глубоко тронутый" предполагает больше, нежели горе; оно включает в себя страх, даже гнев. В этот самый момент Иисус оказался между двумя мирами. Нахождение на краю могилы, пахнущей смертью, означало для Иисуса предзнаменование того, что ему предстояло в этом проклятом - в буквальном смысле слова проклятом - мире. И то, что его собственная смерть закончится воскресением, не уменьшала страха перед предстоящей болью. В нем говорило человеческое: ему нужно было пройти Голгофу, чтобы достичь другой стороны.

История Лазаря, рассмотренная в общем контексте, не только предвосхищает будущее Иисуса, но дает также сжатое представление о всей планете. Все мы проживаем наши дни в пограничном времени, в заполненном хаосом и смятением промежутке между смертью Лазаря и его воскрешением. Хотя этот период может быть временным, хотя он может показаться совсем незначительным по сравнению с тем великим будущим, которое нас ожидает, непосредственно в данный момент - это все, что нам дано узнать и этого достаточно, чтобы слезы показались в наших глазах, чтобы слезы показались в глазах Иисуса.

Воскрешение одного человека, Лазаря, не решает всей дилеммы существования всей планеты Земля. Для этого нужна была смерть одного единственного человека. Иоанн отмечает леденящую кровь, ироничную подробность: чудо воскрешения Лазаря скрепило печатью участь Иисуса. "С этого дня положили убить Его". Примечательно, что с этого дня прекратились знамения и чудеса Иисуса.

Когда я теперь перечитываю в Евангелии описание некоторых чудес времени Иисуса, я вижу в них совсем другую весть.

Когда я был маленьким, я видел в чудесах, совершаемых Иисусом, неопровержимое доказательство его утверждений. Однако Евангелия никогда не оставляют ни за кем право на подобную уверенность, даже за теми, кто воочию наблюдал чудеса. "Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят", - сказал Иисус скептикам. Возможно, Иисус имел в виду свое собственное воскресение, но продолжение истории Лазаря доказывает следующее: странным образом, чтобы опровергнуть это чудо, первосвященники пытались снова умертвить бедного Лазаря! Во всей своей неопровержимости это чудо разгуливало по округе в лице Лазаря, и, собравшись вместе, они решили уничтожить это доказательство. Чудеса ни в коем случае не обратят людей и не устремят их "на всех порах" к вере. Напротив, они не оставят для веры места.

Будучи ребенком, я видел в чудесах гарантию личной безопасности. Разве не обещал Иисус: "Не две ли малых птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего".

Позднее я понял, что это обещание появляется в ряду страшных предостережений ученикам, в которых Иисус предсказывает их арест, гонения и смерть. В соответствии с традицией, одиннадцать учеников, переживших Иуду, приняли смерть мучеников. Страдал Иисус, страдал и апостол Павел, страдали в большинстве своем и лидеры раннехристианской церкви. Вера - это не страховая полис. Или, как предполагает Эдди Эскью, она может им быть: страховка не предотвращает несчастный случай, она, скорее, создает ту основу надежности, с которой можно взглянуть в лицо последствиям катастрофы.

Будучи ребенком, я стремился все к большей и большей вере. Взрослые призывали меня совершенствоваться в вере, а у меня не было ответов на то, как это должно происходить. Прочитав вместе все истории исцелений, я теперь вижу в Евангелии что-то вроде "лестницы веры". На самой верхней ступеньке этой лестницы стояли те люди, которые произвели на Иисуса впечатление своей

уверенной, непоколебимой верой: сотник, дерзкий слепой нищий, ханаанская женщина. Эти истории абсолютной веры напугали меня, потому что сам я редко ощущаю в себе такую веру. Молчание Бога легко обескураживает меня. Когда я не получаю ответа на свои молитвы, я испытываю искушение прекратить их и больше не обращаться к Богу. По этой причине я смотрю на нижние ступеньки, чтобы найти там людей меньшей веры, и я ободряюсь, когда узнаю, что Иисус был готов работать с самыми слабыми проблесками веры, которые давали о себе знать. Я цепляюсь за те нестрогие места в Евангелиях, описания того, как Иисус относится к своим ученикам, которые отрекались от него и сомневались в нем. Тот же самый Иисус, который восхвалял твердую веру людей наверху лестницы, был также чувствителен к непостоянной вере своих учеников. Особенное удовольствие мне доставляет исповедь отца бесноватого мальчика, который сказал Иисусу: "Верую, Господи! помоги моему неверию".

Даже этот колеблющийся человек получил то, о чем он просил.

Когда я был маленьким, я видел чудеса во всем. Теперь я вижу их крайне редко, и они кажутся мне двусмысленными, допускающими различные толкования. Мои ясные детские представления, без сомнения, с возрастом затуманились, и я ощущаю это как утрату. Однако сам подбор совершаемых чудес, естественно, был так же трудно объясним в то время, как и сейчас. Человек, который мог ходить по воде, сделал это только однажды. Какое самоограничение! Да, он вырвал Лазаря из объятий смерти и осушил слезы его сестер - но как же быть со многими другими сестрами, и женами, и дочерьми, и матерями, которые горевали в тот день о своих любимых? Когда сам Иисус объяснял своим ученикам смысл совершенных чудес, он подчеркивал их неповторимость.

Будучи ребенком, я воспринимал чудеса как магию. Теперь я воспринимаю их как знамения. Когда Иоанн Креститель томился в темнице, Иисус послал ему сообщение об исцелениях и воскрешениях, чтобы доказать, что он был "тем", кого ждали; однако через некоторое время Иоанн сам погиб от руки палача. Послание Иисуса Иоанну не принесло последнему облегчения его физических мук, и мы не знаем, как это сказалось на его вере. Но несмотря на это, в этом послании отразился характер того царства, которое Иисус пришел провозгласить. Это было царство освобождения, в котором слепой должен был прозреть, парализованный встать на ноги, глухой обрести слух, прокаженный очиститься, и бедный обрести свободу. Для некоторых (в трех десятках известных нам случаев, когда происходили чудеса), освобождение пришло, пока Иисус ходил по дорогам Иудеи и Галилеи. Другие познали свободу благодаря святому служению последователей Иисуса. Но некоторые (к числу которых принадлежит и Иоанн Креститель) вовсе не получили освобождения на земле.

Для чего тогда вообще какие-либо чудеса? Какую роль они играли? Я с готовностью допускаю, что Иисус со своей дюжиной исцелений, несколькими воскрешениями мертвых немногим способствовал решению проблемы страдания на этой планете. Это не то, для чего он пришел. Как бы то ни было, Иисусу было свойственно противостоять законам падшего мира во время его пребывания на земле. Идя по жизни, Иисус прибегал к сверхъестественной силе, чтобы исправить то, что было не в порядке. Каждое физическое исцеление возвращало во времена Эдема, когда физическим телам не грозили слепота, увечья или кровотечение, не прекращающееся двенадцать лет - и также предвещало будущее возрождение. Чудеса, которые он совершил, разрывая с их помощью цепи болезни и смерти, приоткрывают моему взору то, каким мир должен был быть, и утверждают надежду, что однажды Бог исправит его недостатки. Мягко говоря, Бог не более удовлетворен состоянием мира, чем мы сами; чудеса Иисуса намекают на то, какие намерения имеет Бог в отношении нашего мира.

Некоторые воспринимают чудеса как невероятную приостановку действия физических законов природы. Однако в качестве знамения они играют совершенно противоположную роль. Смерть, разложение, энтропия и разрушение в действительности являются приостановкой действия

Божественных законов; чудеса являются первыми провозвестниками возрождения. Говоря словами Юргена Мольтмана: "Исцеления, совершенные Иисусом не являются сверхъестественными чудесами в

естественном мире. Это единственно по-настоящему "естественные" вещи в мире, который неестественен, полон демонов, и изранен".

Глава 10 Смерть: Последняя неделя

Почему Провидение скрывает свое лицо "в самый критический момент" ... словно добровольно подчиняясь слепым, немым, безжалостным законам природы?

Федор Достоевский

Церковь, в которую я ходил в детстве, перескакивала через события Святой Недели, торопясь услышать бряцание кимвал на Пасху. Мы никогда не отправляли богослужение в страстную пятницу. Мы отмечали Тайную вечерю только один раз в четыре года, неловкая церемония, во время которой младшие учителя с торжественными лицами проверяли то, как выносятся подносы с чашечками, едва ли больше наперстка, и разломленными крекерами.

Римская католическая церковь не верила в Воплощение (вероятно: "не верит в Воскресение") , говорили мне, и это объясняло то, почему девушки католической веры носили кресты "с маленьким человечком на них". Мессу, как я понял, они праздновали с зажженными свечами в руках, подобно ритуалу, что говорит об их отношении к смерти. Мы, протестанты, поступали иначе. Нашу лучшую одежду, наши хвалебные гимны и те немногие освященные украшения, которые у нас были, мы хранили до Пасхи.

Когда я начал изучать теологию и историю церкви, я понял, что моя церковь была не права в отношении католиков, которые веровали в Пасху также искренне как мы, и, в действительности, написали множество постулатов, великолепно выражающих эту веру. Из Евангелий я также узнал то, что, в отличие от моей церкви, библейское повествование скорее замедляется, чем убыстряется, когда дело доходит до Святой Недели. Евангелия, сказал некогда один христианский комментатор, это хроники последней недели Иисуса с предисловием, заметно превосходящим его по длине.

Лишь очень немногие из тех биографий, которые мне доводилось читать, отводили более десятой части своих страниц смерти человека - включая биографии таких людей, как доктор Мартин Лютер Кинг и Махатма Ганди, которые умерли насильственной и значимой в политическом отношении смертью. Евангелия, однако, посвящают едва ли не треть своего повествования атмосфере последней недели жизни Иисуса. Матфей, Марк, Лука и Иоанн видели в смерти Иисуса его основную тайну.

Только в двух Евангелиях упоминаются обстоятельства его рождения, и все четыре отводят очень мало места его воскресению, но каждый летописец приводит подробное описание тех событий, которые привели к смерти Иисуса. Ни малейшего сходства с тем, что происходило до того. Небесные существа появлялись в нашем измерении и исчезали из него и до Воплощения (вспомним борьбу Иакова и гостей Авраама), и даже несколько человека пробуждались от смерти. Но когда Сын Божий умер на планете Земля - как могло так случиться, что Мессия потерпел поражение, что Бог был распят? Сама природа содрогнулась от происшедшего: задрожала земля, раскололись скалы, небо потемнело.

В течение нескольких лет, когда подходила Святая Неделя, я прочитывал описания всех Евангелий, иногда по порядку, иногда вовлеченный в выстроенную "гармонию Евангелий". Каждый раз я чувствовал себя сметенным абсолютным драматизмом произошедшего. В простом, не приукрашенном повествовании заключается необыкновенная сила, и я почти что слышу глухой, скорбный барабанный

бой на заднем плане. Никакое чудо не вмешивается в происходящее, не происходит никакой попытки сверхъестественного спасения. Это трагедия достойная Софокла или Шекспира.

Могущество мира, самая непоколебимая в своей софистике религиозная система своего времени, находящаяся в коалиции с самой мощной политической империей, обращает свою силу против отдельной личности, против самого совершенного человека из когда-либо живших. И, хотя он осмеян этими силами и оставлен своими друзьями, Евангелия все же жестко и иронично дают понять, что он сам провидел все происходящее от начала и до конца. Он решительно обратил свое лицо к Иерусалиму, зная о той участи, которая его ожидала. Крест был той целью, к которой он шел все это время. Теперь, когда приближается смерть, он просит счет.

Однажды я обратился к событиям, описанным в Евангелии, после того, как прочитал весь Ветхий Завет. Прорабатывая книги по истории, поэзии и пророчествам, я узнал Бога, обладающего мускульной силой. Головы катились с плеч, империи рушились, целые нации исчезали с лица земли. Каждый год вся еврейская нация приостанавливала свою деятельность, чтобы вспомнить о великом подвиге Господа Бога, освободившем их от власти Египта, событиями, полным чудес. Я слышал отголоски Исхода во всех псалмах и пророчествах, намеки на осажденное племя, чьи молитвы Бог уже однажды услышал и, может быть, услышит их еще раз.

Эти повествования все еще переполняли мое сознание, когда я, сцену за сценой, прочитал Евангелие от Матфея и дошел до описания заключительной недели в жизни Иисуса. В очередной раз евреи собрались в Иерусалиме, чтобы почтить Исход и отпраздновать еврейскую пасху. В очередной раз пробудилась вечная надежда: Пришел Мессия! пробежал слух. И потом, подобно стреле, пущенной в самое сердце надежды, последовало предательство Иисуса, суд над ним и смерть.

Как можем мы, знающие с самого начала то, чем все закончится, попытаться нащупать то ощущение конца света, которое охватило последователей Иисуса? За прошедшие века эта история стала слишком привычной, и я не в состоянии понять, тем более восстановить то воздействие, которое оказала последняя неделя Иисуса на переживших ее. Наверяд ли бы мне удалось записать то, что я ощущаю, когда в очередной раз пересматриваю историю страданий Иисуса.

Триумфальный въезд. Все четыре Евангелия упоминают этот случай, который, на первый взгляд, кажется тем самым поступком, который привел от отторжения Иисуса к его обвинению. Толпы бросали на дорогу одежду и пальмовые ветви, чтобы показать свое восхищение. "Благословен Царь, грядущий во имя Господне!" - кричали они. Хотя обычно Иисус чувствовал отвращение к таким проявлениям фанатизма, в этот раз он позволил толпе восклицать это. Негодующим фарисеям он объяснил: "Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют".

Было ли это оправданием пророка в Иерусалиме? "Весь мир идет за Ним!" - восклицали фарисеи в тревоге. В этот момент, когда несколько сотен тысяч пилигримов собралось в Иерусалиме, всему миру казалось, будто бы Царь пришел во всей своей силе, чтобы занять причитающийся ему трон.

Я вспоминаю, как ребенком я возвращался домой со службы в Вербное Воскресенье, в рассеянии обрывая листья с пальмовой ветви, бегло пролистывая тему следующей недели в издании воскресной школы. Смысла не было. Если такая пропасть народа бросалась к его ногам, то как Иисус дал арестовать и убить себя неделю спустя?

Теперь когда я читаю Евангелия, я вижу скрытые смыслы, которые помогают объяснить это несоответствие. В Вербное воскресенье группа людей из Вифании окружила его, все еще возбужденная увиденным воскрешением Лазаря. Нет сомнения в том, что те пилигримы из Галилеи, кто хорошо его знал, составляли другую значительную часть этой толпы. Матфей отмечает тот факт, что в дальнейшем к ней присоединились слепые, парализованные и дети. Однако эти поклонники Иисуса таили в себе и

опасность. Церковные власти, пришедшие в негодование, и римские легионы, призванные для контроля над ликующими толпами, обратили на себя внимание Синедриона, от которого и исходила угроза ареста.

Сам Иисус испытывал смешанные чувства во время этого шумного парада. Лука сообщает о том, что, въехав в город, Иисус начал плакать. Он знал, как переменчива толпа. Голоса, выкрикивающие "Слава Господу!", неделю спустя с тем же успехом будут кричать "Распни его!"

Триумфальный въезд окутывает аура противоречивости, и то, что приходит мне в голову, когда я перечитываю одно за другим его описания в Евангелиях, это фарсовая природа этого предприятия. Я представляю себе галопирующего на лошади римского офицера, следящего за порядком. Он участвовал в таких процессиях в Риме, где они проходят по всем правилам. Генерал победителей сидит в золотой колеснице, запряженной рвущими удила жеребцами и сверкающей своим колесами на солнце. За его спиной офицеры в блестящих латах складывают знамена, захваченные у разбитого противника. На заднем плане проходит всякий сброд: рабы и заключенные, закованные в цепи, на собственной шкуре убедившиеся в том, что случается с людьми, оказывающими сопротивление Риму.

Во время триумфального въезда Иисуса в Иерусалим, ликующую толпу, приветствующую Иисуса, составляет сброд: хромые, слепые, дети, крестьяне из Галилеи и Вифании. Когда офицер ищет то, что приковало к себе их внимание, он замечает жалкого человека, плачущего, едущего вовсе не на жеребце или в колеснице, а на молодом осле, через спину которого перекинут взятый у кого-то плащ, служащий ему седлом.

Да, в Вербное воскресенье было дуновение триумфа, но это не было тем триумфом, который мог произвести впечатление на Рим, или тем триумфом, эффект от которого так долго не стирается из памяти людей. Что же за образ царя это был?

Тайная Вечеря. Всякий раз, когда я читаю повествование Иоанна, меня поражает его "современный" тон. Здесь, более, чем где-либо, евангелист рисует реалистичный, мало приукрашенный эмоциями портрет Иисуса. Иоанн цитирует длинные отрывки из диалогов и отмечает эмоциональный подтекст в разговорах Иисуса со своими учениками. В 13-17 главах Евангелия от Иоанна до нас дошло проникновенное описание самой страшной ночи, проведенной Иисусом на земле.

Ученикам надолго хватило удивительных вещей, увиденных ими в тот вечер, когда они прошли ритуал Пасхи, исполненный символизма. Когда Иисус читал вслух историю Исхода, в сознании учеников необъяснимым образом "Рим" вставал на место "Египта". Вряд ли Бог мог найти более подходящий момент для демонстрации своей силы, чем этот день, когда все пилигримы собрались в Иерусалиме. Мощный голос Иисуса пробудил их самые дикие желания: "Я завещаю вам Царство", - сказал он загадочные слова и, - "Я победил мир".

Когда я читаю повествование Иоанна, я постоянно возвращаюсь к странному инциденту, который прерывает процесс Тайной Вечери. "Иисус знал, что Отец все отдал в руки его", - цветисто начинает Иоанн и вдруг добавляет плохо вяжущееся с этим: "встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался". В одежде раба, он склонился и умывал грязь Иерусалима с ног своих учеников.

Что за странное поведение почетного гостя во время последней трапезы с друзьями? Что за непостижимый жест со стороны повелителя, для которого делом одной минуты было заявить: "Я завещаю вам Царство". В те дни умывать кому-то ноги считалось настолько унижительным, что хозяин не мог потребовать этого от своего раба-еврея. Петр побледнел от этого предложения.

Сцена умывания ног представляется писателю М. Скотту Пеку одним из наиболее значительных событий в жизни Иисуса. "До этого момента для кого-то смысл всего происходящего заключался в том, чтобы достичь высшей точки, и однажды он достигал вершины, чтобы остановиться на ней или попытаться двинуться еще выше. Но в этом случае человек, уже достигший высшей точки - бывший раввином, учителем, господином - внезапно спустился до самого дна и начал умывать ноги своим

ученикам. Этим своим поступком Иисус символично перевернул весь общественный порядок. То, что произошло, тяжело поддавалось пониманию, даже его учеников ужаснуло его поведение".

Иисус просил нас, его последователей, делать три вещи, чтобы помнить о нем. Он завещал нам крестить других, подобно тому, как он сам крестился у Иоанна. Он велел нам помнить о той трапезе, которую он разделил в тот самый вечер со своими учениками.

Наконец, он завещал нам умывать друг другу ноги. Церковь уже почтила два из этих завещаний, хотя и не придя к единому мнению по поводу того, что означает его воля и как ее следует исполнять. Однако третью просьбу Иисуса, об омовении ног, мы склонны сегодня ассоциировать с вероисповеданиями, спрятанными в горах Аппалачи. Очень немногие вероисповедания соблюдают практику омовения ног; остальным эти слова Иисуса кажутся примитивными, сельскими, плоскими. Можно спорить о том, обращал ли Иисус свои слова только к Двенадцати ученикам или ко всем нам, кто придет после, но и в случае с Двенадцатью совершенно не очевидно то, что они следовали этим наставлениям.

Позднее в тот же вечер среди учеников разгорелся спор о том, кто из них должен почитаться большим. Характерно то, что Иисус не пытался бороться с человеческим инстинктом соревнования и амбиций. Он только поправляет их: "Но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий - как служащий". Это предваряет тот эпизод, в котором он объявил: "Я завещаю вам Царство" - царство, иными словами, основанное на служении и человечности. В эпизоде с омовением ног ученики увидели живую иллюстрацию того, что он имел в виду. Но следовать этому примеру спустя две тысячи лет так же трудно, как и тогда.

Предательство. В разгар этой интимной встречи со своими друзьями, Иисус сказал слова, произведшие эффект разорвавшейся бомбы: один из двенадцати собравшихся вокруг него в этот вечер предаст его в руки властей. Ученики "озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит" и начали допрашивать друг друга.

Иисус оставался хладнокровен. "Не я ли?" - спрашивали ученики один за другим, выдавая свои смутные сомнения. Предательство не было новой мыслью. В хранящем свои тайне Иерусалиме, кто знает, сколько учеников побывало у врагов Иисуса, прощупывая подходы. Сама Тайная Вечеря проходила в атмосфере опасности, верхняя комната была занята таинственным человеком, принесшим кувшин с водой.

Несколько мгновений спустя после того, как Иисус сказал потрясшие всех слова, Иуда потихоньку вышел из комнаты, не вызвав подозрения. Естественно, что для казначея группы извинительно пойти купить провизии или выполнить какое-нибудь поручение благотворительного характера.

Имя "Иуда", некогда распространенное, почти исчезло. Никто из родителей не хочет, чтобы его ребенок носил имя самого известного предателя в истории человечества. И даже сейчас, когда я читаю тексты Евангелий, именно заурядность Иуды, а не его злодейство, к моему удивлению, бросается в глаза. Он, как и другие ученики, был избран Иисусом после долгой ночи, проведенной в молитвах. Если его выбрали казначеем, то, очевидно, он вызывал доверие у остальных. Даже во время Тайной Вечери он сидел на почетном месте возле Иисуса. В Евангелиях нет и намек на то, что он был своеобразной "дамбой", профильтровавший внутренний круг учеников Иисуса (???? "он профильтровался через своеобразную дамбу внутренних учеников Иисуса" ?????), чтобы запланировать это вероломство.

Как, однако, Иуда мог предать Сына Божьего? Даже когда я задаю себе этот вопрос, я думаю об остальных учениках, разбежавшихся и бросивших Иисуса в Гефсиманском саду и о Петре, который клялся, что "не знает Сего Человека", когда к нему приступили во внутреннем дворе, и об Одиннадцати учениках, которые упорно отказывались верить вестям о воскресении Иисуса. Поступок Иуды, предавшего Иисуса, отличается по своей тяжести, но не по своему характеру, от неверности многих других.

Любопытно то, как Голливуд изобразил сцену измены, которую я наблюдал в пятнадцати вариантах различных фильмов. В теориях не было ни малейшего недостатка. Согласно некоторым из них, Иуда был жаден до денег. Другие изображают его трусом, решившимся на этот поступок с приближением врагов Иисуса. Некоторые показывают его человеком, утратившим иллюзии - почему Иисус плетью изгонял из святого храма, вместо того, чтобы поднять армию против Рима? Возможно, ему надоела "мягкотелость" Иисуса: как и милитаристы в современной Палестине или Северной Ирландии, Иуда не терпел медленной, ненасильственной революции. Или может быть, напротив, он надеялся тем самым заставить Иисуса действовать? Если Иуда устроил арест, это действительно должно было заставить Иисуса объявить свою власть и устроить свое царство.

Голливуд предпочитает изображать Иуду сложным, героическим повстанцем; Библия же говорит просто: "вошел в него сатана", когда он покинул трапезу, чтобы совершить задуманное. В любом случае, разочарование Иуды снова-таки отличалось только степенью от того, что ощущали другие ученики. Когда стало ясно, что царство Иисуса венчает крест, а не трон, каждый из них пропал в темноте.

Иуда был первым и последним человеком, предавшим Иисуса, просто он был самым известным из них. Шусако Эндо, христианский романист в Японии, посвятил многие из своих романов теме предательства. Молчание, наиболее известный из них, рассказывает о христианах в Японии, которые отреклись от своей веры, преследуемые сёгунами. Эндо написал множество ужасающих историй о христианских мучениках, но ни одной о предателях-христианах. Как бы он мог это сделать? Ни один писатель этого не сделал. Однако, по словам Эндо, самой могущественным завещанием Иисуса стала его неиссякаемая любовь именно к тем - особенно к тем - людям, которые его предавали. Когда Иуда привел толпу линчевателей в сад, Иисус обратился к нему как к "другу". Остальные ученики покинули его, но он все также любил их. Его народ казнил его; однако, распятый обнаженным в позе, причинявшей ему крайние муки, он нашел в себе силы крикнуть: "Отец, прости им..."

Я не знаю более яркого противоречия, чем противоречие двух человеческих судеб: Петра и Иуды. Оба принадлежали к лидерам группы учеников Иисуса. Оба видели и слышали чудесные вещи. Оба прошли через все возможные смятения: надежду, страх и разочарование. Когда ставки возросли, оба отреклись от своего Учителя. На этом сходство их участи обрывается. Иуда, полный сожаления, но, очевидно, не раскаяния, пожал логические плоды своего поступка, покончил жизнь самоубийством, став самым презренным предателем в истории человечества. Он умер, не пожелав принять то, что пришел дать ему Иисус. Петр, униженный, но все же не потерявший доступа к милости и всепрощению Иисуса, продолжил свой путь, чтобы возглавить восстание в Иерусалиме, и не остановился до тех пор, пока не достиг Рима.

Гефсиманский сад. Из комнаты на верхнем этаже в Иерусалиме, пропахшей ягненком, горьким запахом травок и сладким запахом человеческих тел, Иисус и его компания из одиннадцати учеников отправилась в прохладные, просторные оливковые рощицы в саду, называемом Гефсиманским. Весна была в самом разгаре, ночной воздух пропитан запахами распускающихся листьев. Расположившись в одном мирном, удобном местечке под луной и звездами, до которого не долетал шум города, учеников Иисуса стало быстро клонить в сон.

Однако Иисус вовсе не чувствовал такого умиротворения. "Он начал скорбеть и тосковать", - говорит Матфей. Он "начал ужасаться и тосковать", - добавляет Марк. Оба евангелиста отмечают его жалобные слова, обращенные к ученикам: "Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со мной". Часто Иисус удалялся помолиться в одиночестве, иногда отсылая учеников в лодке, так чтобы он мог провести ночь наедине с Отцом. Однако в эту ночь он нуждался в их присутствии.

Мы, люди, инстинктивно стремимся к тому, чтобы кто-то был рядом с нами в больнице в ночь перед операцией, в приюте, когда смерть уже дышит в затылок, в любой момент серьезного кризиса. Мы

нуждаемся в прикосновении человеческого присутствия, которое вернуло бы нам уверенность - заключение в одиночную камеру - худшее наказание, которое, на сегодняшний день, изобретено нашим сознанием. В евангельском повествовании о Гефсиманском саде я нахожу подтверждение одиночества Иисуса такого глубокого, какое ему не приходилось испытывать ни разу до этого.

Возможно, если бы на Тайную Вечерю были допущены женщины, Иисус не провел бы эти часы в одиночестве. Мать Иисуса, как известно, прибыла в Иерусалим - первое упоминание о ней с того момента, как началось служение ее сына. Те же женщины, которые будут стоять возле креста и раздирать свои худые тела и торопиться с восходом солнца к могиле, конечно же были бы с ним в саду, держали бы на коленях его голову, вытирали его слезы. Но Иисуса сопровождали только мужчины. Разморенные обедом и вином, они спали, пока Иисус переживал свое испытание, в одиночестве.

Когда ученики Иисуса оставили его в эти часы, он не смог сдержать обиду: "Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?" За его словами угадывается что-то более зловещее, нежели просто одиночество. Может ли это означать, что это был первый раз, когда Иисус не хотел оставаться наедине со своим Отцом?

Большая внутренняя борьба стояла за этим, и Евангелия описывают пытку Иисуса иначе, чем построены еврейские и христианские истории о мучениках. "Да минует Меня чаша сия!" - молил он. Это не были просто благочестивые, формальные молитвы: "находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю". Что же за борение это было? Страх перед болью или смертью? Разумеется. Иисусу его перспектива улыбалась не больше, чем мне или вам на его месте. Но в этом также было и много внутренней работы, новый для Иисуса опыт, который может быть назван только покинутость Бога. Кроме того, в своей сущности эпизод в Гефсиманском саду показывает историю безответной молитвы. Чаша страдания была неотвратима.

Мир отверг Иисуса: подтверждением тому была процессия с факелами, крадущаяся по тропинкам сада. Вскоре ученики оставят его. Читая молитвы, выстраданные молитвы, которые наталкивались на стену молчания, Иисус должен был, вероятно, испытывать чувство, словно и Бог отвернулся от него.

Джон Ховард Йодер размышляет над тем, что бы произошло, если бы Бог вмешался в события, ответив на просьбу Иисуса: "Да минует Меня чаша сия". Иисус никоим образом не был беззащитен. Если бы он настоял на своей воле, а не на воле

Отца, он мог бы призвать двенадцать легионов ангелов (72000), чтобы начать Святую Войну за себя самого. В Гефсимании Иисус вновь пережил искушение, которому он подвергнулся Сатаной в пустыне. Ни один, ни другой раз он не мог решить эту проблему зла путем применения силы, ни в поединке с искусителем в пустыне, ни в битве в саду. Не существовало бы истории церкви - таким образом, и самой церкви - вся человеческая история бы остановилась и настоящая эпоха стала бы последней. Все это было во власти Иисуса, если бы он просто произнес слово, перешагнув через свое таинство, и отменил бы беспорядочное будущее раскаяния. Будущее царство не было бы уже подобно горчичному зерну; скорее оно обрушилось бы как буря с дождем и градом.

Однако, как напоминает нам Йодер, крест, "чаша", которая сейчас кажется нам такой ужасающей, была той причиной, по которой Иисус пришел на землю. "Здесь, на кресте, человек, который любит своих врагов, человек, чья праведность выше праведности любого из фарисеев, который из богатого стал бедным, который отдал свою рубашку тому, кто взял у него верхнюю одежду, который молится за тех, кто злобно использует его. Крест - это не окольный путь и не препятствие на пути к царству, но это и не путь к нему; это и есть само грядущее царство".

После нескольких часов мучительной молитвы, Иисус принял решение. Его воля совпала с волей его Отца. "Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?", - скажет он позднее. Он в последний раз разбудил своих спящих товарищей и печально отправился сквозь тьму навстречу тем, кто намеревался его убить.

Суд. В наши дни телевизионные передачи и популярные романы приближают к нам некогда скрытый мир отправления правосудия. Для тех, кто жаждет большего реализма, по кабельному каналу передают в живую судебные процессы по делу самых отвратительных убийц и сексуальных маньяков. Раз за разом американская публика с восторгом наблюдает за тем, как цех юристов мудро препятствует тому, чтобы известные люди избежали наказания, хотя каждый смотрящий знает, что защитники тоже виновны в этом грехе.

Менее чем за двадцать четыре часа Иисус был подвергнут по меньшей мере шести допросам, часть из которых велась евреями, часть - римлянами. В итоге выведенный из себя наместник вынес самый суровый вердикт, который допускал римский закон. Когда я читаю описания испытаний, мне бросается в глаза беззащитность Иисуса. Ни один свидетель не выступил в его защиту. Ни у одного из лидеров не хватило мужества высказаться против несправедливости. Даже сам Иисус не пытался оправдаться. Наконец, Бог Отец не вымолвил ни слова.

Порядок судебного разбирательства напоминает формулу "козла отпущения". Кажется, нет ни одного человека, готового принять на себя ответственность за казнь Иисуса, однако каждый хочет, чтобы эта казнь состоялась. Ученые написали тысячи слов, чтобы точно определить, какая часть вины за смерть Иисуса лежит на Риме, а какая на евреях. (Попытка свалить всю ответственность за смерть Иисуса на еврейский народ - едва ли не самая большая клевета в истории человечества. Никто и не думает обвинять современных итальянцев в том, что их предки учинили девятнадцать веков назад. Джозеф Клошнер пишет: "Вина евреев, как нации, за смерть Иисуса гораздо меньше, чем вина греков за смерть Сократа; однако, кому пришла бы сегодня в голову мысль мстить за кровь Сократа, пролитую его современниками, сегодняшнему поколению греков? Хотя миновало девятнадцать веков, мир постоянно пытается мстить за кровь Иисуса, пролитую его современниками, евреям, которые уже заплатили сполна и все еще платят свою дань реками и потоками крови". Все это происходит вопреки сказанному Иисусом, что пришел к "заблудшим овцам Израилевым" и вопреки тому, что почти все первые христиане были евреями.) В действительности, обе партии принимали участие в принятии решения. Сосредоточившись на разного рода нарушениях законности во время этого процесса, мы рискуем упустить из вида самое главное: Иисус представлял собой для властей в Иерусалиме реальную угрозу.

Будучи харизматическим лидером с большим количеством последователей, Иисус давно вызывал подозрение у Ирода в Галилее и у Синедриона в Иерусалиме. Они неправильно истолковали природу его Царства, это верно, но незадолго до своего ареста Иисус действительно применил силу, чтобы изгнать торговцев из храма. У марионеточного Синедриона, пытавшегося контролировать в отношении римлян "соблюдения мира любой ценой", такой случай вызвал тревогу. Кроме того, прошел слух, что Иисус заявлял о том, что может разрушить храм и воздвигнуть его вновь за три дня. Еврейские лидеры выказывали беспокойство, выступая свидетелями и подтверждая верность этого утверждения Иисуса, но их тревога необъяснима. Представьте себе реакцию людей сегодня, если какой-нибудь араб пробежит по улицам с криком: "Центр Мировой Торговли будет разрушен, и я могу воздвигнуть его вновь за три дня".

Для священников и святош эти политические угрозы меркли на фоне сообщений о религиозных заявлениях Иисуса. Фарисеи не раз бледнели от той дерзости, с которой Иисус отпускал грехи и называл Бога своим Отцом. Его кажущееся несоблюдение субботы вызывало их неудовольствие; закон Моисея делал нарушение субботы основательным преступлением. Иисус представлял собой угрозу Закону, священной системе, храмам, контролю за приготовлением соответствующей кошерной пищи и многим запретам, касающимся различия чистого и нечистого.

В конце концов, первосвященник обратился к торжественной Клятве на Священном Писании - "заклинаю Тебя Богом живым" - чтобы задать вопрос, на который Иисус по закону обязан был ответить для своей защиты. "Ты ли Христос? Скажи нам". Наконец Иисус нарушил свое молчание: "ты сказал".

Обвиненный начал возбужденно говорить о Сыне Человеческом, грядущем на облаках небесных. Это уже было слишком. Для правоверного еврея слова Иисуса звучали богохульством, как бы ни подходил к этому закон. "На что еще нам свидетелей?" сказал первосвященник, разрывая на себе одежды.

Такому богохульству была только одна альтернатива, и смерть ее обозначила: что слова Иисуса были правдой и что он действительно был Мессией. Но как это могло быть? Связанный, под охраной вооруженных солдат, воплощенная беспомощность, Иисус, казалось, меньше, чем кто-либо в Израиле, подходил на роль Мессии.

Однако ересь имела небольшое значение для римлян, которые предпочитали оставаться в стороне от местных религиозных диспутов. Пока Иисуса доставляли римским судьям, обвинения в ереси сменились обвинениями в подстрекательстве к бунту. Кроме того, упоминалось слово царь, и римляне не проявили снисхождения к агитатору, который носил такой титул.

Перед Иродом, тем самым правителем, который велел отрубить голову Иоанну Крестителю и давно уже ждал встречи с Иисусом лично, Иисус хранил полное молчание. Только Пилат смог добиться от него чего-то вроде признания. "Ты Царь Иудейский?" - спросил Пилат. И снова Иисус, со связанными за спиной руками, с лицом, распухшим от того, что ему не давали спать, со следами солдатских пальмовых розог на щеках, ответил просто: "Ты говоришь".

Задолго до этого Иисус отверг возможность провозгласить себя царем. Когда он исцелял людей, и его ученики, и даже демоны, признавали в нем Мессию, он приказывал им замолчать. В дни своей популярности, когда толпы народа преследовали его вокруг озера, как фанатики, ищущие праздника, он бежал от них. Когда эти фанатики поймали его, горя желанием короновать его на месте, он прочитал столь озаботившую их проповедь, что почти все они отвернулись от него.

Только в этот день, однажды перед духовной властью и второй раз перед светской, только когда его заявление может показаться верхом абсурда, он признает себя тем, кем он был. "Сын Божий", - сказал он духовникам, во власти которых находился. "Царь", - сказал он римскому наместнику, который должен был вслух рассмеяться. Жалкий чудак, его слова, наверное, прозвучали для Пилата так, как если бы какой-нибудь римский подданный заявил, что он - Цезарь.

Слабый, отверженный, обреченный на смерть, крайне одинокий - только тогда Иисус счел возможным открыться и принять титул "Христос". Как замечает Карл Барт: "Он не признается в том, что он Мессия, пока опасность для создания религии окончательно не миновала".

Такое замечание было вызовом, скажет впоследствии Павел. Камень преткновения - что-то вроде куска скалы, отброшенного в сторону за ненадобностью, пренебрежение конструкцией. Но такая скала может стать формообразующей, обладающей божественной силой, краеугольным камнем грядущего царства.

Голгофа. Вспоминая годы перед Второй Мировой войной, Пьер Ван Паассен описывает акт оскорбления, совершенный нацистскими "штурмовиками", которые схватили пожилого еврейского раввина и отволокли его в штаб. В дальнем углу комнаты, куда его привели, двое их коллег избивали до смерти другого еврея, но те немцы, в руках которых находился раввин, решили с ним позабавиться. Они раздели его до гола и приказали ему читать проповедь, которую он приготовил для грядущей субботы в синагоге. Раввин попросил разрешения надеть свой головной убор, и нацисты, насмехаясь, позволили ему это сделать. Это делало шутку еще более забавной. Дрожащий еврей начал дребезжащим голосом читать свою проповедь о том, что значит предстать смиренным перед Богом, все это время подгоняемый и понукаемый улюлюкающими нацистами, слыша последние стоны его соседа в другом конце комнаты.

Когда я читаю повествование о заключении Иисуса под стражу, его пытках и казни, я думаю об этом раввине, который, опозоренный, стоял в полицейском участке. Даже смотря фрагменты фильмов на эту тему и снова и снова перечитывая Евангелия, я все еще не могу до конца вникнуть в то пренебрежение, в

тот позор, который пережил Сын Божий на земле, раздетый догола, высеченный, оплеванный, с разбитым лицом, увенчанный терниями.

Еврейские лидеры, также как римляне, предпочли насмеяться над Иисусом, издеваясь над тем преступлением, за которое он был осужден. Ах, Мессия? Прекрасно, послушаем, что он нам предречет. Удар. Кто тебя ударил, а? Еще удар. Ну давай же, скажи нам, поведай нам это, господин Пророк. Для Мессии ты не так уж и много знаешь, не так ли?

Так, говоришь, ты царь? Эй, капитан, послушайте-ка. У нас здесь настоящий царь, ей-богу. Так преклоним же все колени перед этим свистуном. Что это? Царь без короны? Нет, так нельзя. Один момент, господин Царь, сейчас мы соорудим вам корону. Хруст. Как вам нравится вот эта? Немножко жмет? Сейчас я это мигом поправлю. Гей, прекрасно сидит! Эй, посмотрите только, какие мы застенчивые. А как насчет рубашки - что-нибудь прикрыть это кровавое месиво на вашей спине. Что случилось, Ваше Величество упали?

Это продолжалось весь день напролет, начиная с нелепой игры во дворе первосвященника, и заканчивая профессиональным бандитизмом солдат Понтия Пилата и Ирода и освистыванием, которому подвергся Иисус со стороны зевак, пришедших поглазеть на то, как преступники будут падать по дороге на Голгофу, и, наконец, заканчивая крестом, где Иисус услышал поток ядовитых насмешек от людей снизу и даже с соседних крестов. Ты говоришь, что ты Мессия? Тогда сойди с креста. Как ты хочешь спасти нас, если не можешь даже спасти себя самого?

То, что меня всегда поражало и то, о чем я иногда открыто себя спрашиваю, это выдержка, с которой Господь Бог, как показала история, позволял идти своей дорогой Чингиз Ханам, Гитлерам и Сталинам. Но ничто - ничто - не сравнится с его самообладанием в ту темную пятницу в Иерусалиме. С каждым ударом кнута, с каждым кулаком, опускавшимся его плоть, Иисус должен был мысленно возвращаться к искушениям в пустыне и в Гефсиманском саду. Легионы ангелов ждали его команды. Одно слово, и это испытание кончилось бы.

"Идея креста никогда не касалась тел римских граждан, - сказал Цицерон, - она никогда не посещала их мысли, не проходила через их глаза или уши". Для римлян распятие было самой жестокой формой кары, уготовленной для убийц, бунтующих рабов и других ужасных преступников в колониях. Римских граждан не распинали, им отрубали голову. Евреи разделяли это отвращение - "проклят пред Богом всякий повешенный на дереве", - говорилось во Второзаконии - и предпочитали забить человека камнями, если у них была власть судить его самим.

Евангелисты, археологи и медэксперты описали ужасные подробности казни через распятие так подробно, что я не вижу необходимости приводить здесь эти описания. Кроме того, если придавать значение "семи последним словам Христа", то сам Иисус думал о других вещах, нежели о боли. Жалобой, наиболее похожей на физическое страдание, был его крик: "Жажду", и он отклонил винный уксус, предложенный ему как обезболивающее средство. (Ирония судьбы: тот, кто на свадьбе превращал галлоны воды в вино, тот, кто говорил о живой воде, которая вечно будет утолять жажду, умирал с раздутым от жажды языком и с кислым привкусом винного уксуса на губах).

Как всегда, Иисус думал о других. Он простил тому человеку, кто это сделал. Он заботился о своей матери. Разбойника, которому были отпущены его грехи, он обещал скорую встречу в раю.

Евангелия по-разному записывают то, что говорил Иисус на Голгофе, и только два из них сходятся в передаче самых последних слов Иисуса. У Луки он говорит: "Отче! в руки Твои предаю дух Мой" - последний знак доверия перед тем, как он умер. У Иоанна мы читаем загадочные слова, подводющие итог его миссии на земле: "Совершилось!" Но Марк и Матфей приводят наиболее загадочные высказывания из всех, цитируя скорбные слова Иисуса: "Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" (Комментаторы отметили тот факт, что записи в Евангелии от Матфея и от Марка одно из наиболее строгих доказательств того, что у нас есть достоверная картина того, что произошло на Голгофе. Какая

другая причина могла заставить основателей новой религии вложить такие отчаянные слова в уста своего героя - если только это не было именно тем, что он в действительности сказал.)

Это единственный раз из всех молитв Иисуса, когда он использовал формальное, отстраненное слово "Боже" вместо "Авва" или "Отец". Он, разумеется, цитировал псалом, но это было и серьезным выражением отчуждения. В божестве разверзлась непреодолимая пропасть. Сын почувствовал себя оставленным Отцом.

"То, что Бог не дает о себе знать, возможно, причиняет самую большую боль тем, кто стоит ближе остальных к Нему, и все же сам Бог, самый совершенный из людей, и есть самый покинутый Богом", - писал К.С.Льюис. Без сомнения, он прав. Не имеет большого значения, если мне резко отказала в помощи девушка, сидящая на кассе в супермаркете или даже мой сосед по улице. Но если моя жена, с которой я прожил всю мою взрослую жизнь, внезапно обрывает со мной всякие отношения - это имеет большое значение.

Никто из теологов не может достойно объяснить природу того, что произошло внутри самой Троицы в тот день на Голгофе. Всем нам знаком плач от боли ребенка, который чувствует себя брошенным. Помогало ли Иисусу

осознание того, что его миссия на земле включала в себя такую смерть? Помогало ли Исааку понимание того, что его отец Авраам следовал повелениям Бога, когда привязывал его к жертвеннику? Что если бы ангел не появился и Авраам вонзил бы нож в сердце своего собственного сына, своего единственного сына, которого он любил? Что тогда? Вот что произошло на Голгофе, и Сын переживал это как то, что Бог его покинул.

Ничего не говорится о том, что Бог Отец прокричал в этот момент. Мы можем себе это только представить. Сын "искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою", сказал Павел в Послании Галатам, и "не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, - написал он коринфянам. Мы знаем, что Бог думает о грехе; чувство брошенности обрезало оба этих пути.

Дороти Сейерс пишет: "Он единственный Бог, проявивший себя в истории... Нет более удивительного расположения фраз, чем то, которое дает нам никейский символ веры, ставя просто одно за другим следующие два утверждения: "Истинный Бог от Истинного Бога... Распятого за нас при Понтии Пилате". Во всем мире тысячи раз в день христиане поминают имя достаточно непримечательного римского проконсула... только потому, что в течение нескольких лет этим именем была скреплена смерть Бога".

Несмотря на весь стыд и всю скорбь, связанные с этим, каким-то образом, то что произошло на горе, названной Голгофа, бесспорно, стало самым значительным событием в жизни Иисуса - для авторов Евангелий и Посланий, для церкви, и, насколько мы можем об этом судить, также и для Бога.

Церкви понадобилось время, чтобы найти для бесчестья на кресте подходящее объяснение. Отцы церкви запретили изображать эту сцену в живописи вплоть до правления римского императора Константина, которому было видение с крестом, и который запретил распятие в качестве способа казни. (По словам историка Майкла Гранта, Константин мало интересовался личностью Иисуса как таковой, но казнь через распятие привела его в смятение. С характерной иронией, видя в "кресте не столько эмблему страдания, сколько магический символ своей собственной непобедимости", Константин сделал крест из символа сакральной любви и смирения символом триумфа: он распорядился изображать его на щитах своих солдат.) Таким образом, до конца четвертого века нашей эры крест не был символом веры.

(Как отмечает К.С.Льюис, сцена распятия не была распространена в искусстве, пока не умерли все свидетели подобных казней).

Теперь, однако, мы встречаем этот символ повсеместно: художники изображают золотой крест на бумагах римского исполнительного суда, бейсбольные игроки крестятся перед тем как нанести удар по

мячу, а сообразительные кондитеры даже делают шоколадные кресты для верующих, чтобы есть их во время Святой Недели. Хотя это может показаться странным, христианство стало религией креста - виселица, электрический стул, газовая камера - все это современное наследие креста.

Обычно мы думаем о том, кто умер смертью преступника как о неудачнике. Однако апостол Павел впоследствии скажет об Иисусе: "Отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою". Что он имел в виду?

С одной стороны, я думаю о тех людях в наше время, которым удалось обезоружить власть. Судьи-расисты, которые упекли доктора Мартина Лютера Кинга в тюремную камеру, Советы, депортировавшие Солженицына, чехи, посадившие в тюрьму Вацлава Гавела, филиппинцы, убившие Бениньо Аквино, власти Южной Африки, упрятавшие за решетку Нельсона Манделу - этим они думали решить проблему, однако только обнаружили этим свое насилие и несправедливость. Моральная сила может иметь обезоруживающий эффект.

Когда умер Иисус, даже один грубый римский солдат был тронут настолько, что воскликнул: "Человек Сей был Сын Божий". Он слишком ясно видел различие между его жестокими коллегами и их жертвой, которая прощала их, испуская дух. Бледная фигура, прибитая гвоздями к кресту, разоблачила все правящие силы мира как ложных божков, которые нарушали свои собственные обещания сострадания и справедливости. Религия, а не анти-религия обвинила Иисуса; закон, а не беззаконие казнил его. Своим фиктивным судом, своими бичеваниями Иисуса, своим грубым противоборством с ним политические и духовные власти раскрыли свою истинную сущность: сущность сторонников сложившегося порядка вещей, защищающих только свою собственную власть. Каждый выпад против Иисуса обнажал их беззаконие.

Разбойники, распятые по обе стороны от Иисуса, являют собой две возможных реакции на происходящее. Один издевается над беспомощностью Иисуса: Что это за Мессия, который не может спасти самого себя? Другой осознал разную природу власти. Рискую на веру, он попросил Иисуса: "Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!" Больше никто не обращался к Иисусу как к царю, если не считать издевок. Умиравший разбойник лучше, чем кто бы то ни было еще, понял сущность царства Иисуса.

В каком-то смысле, два разбойника представляют собой выбор, который сделала вся история, приняв решение об участи креста. Что мы видим в бессилии Иисуса: пример бессилия Бога или доказательство его любви к нам? Римляне, воспитанные на могущественных божествах вроде Юпитера, видели мало божественного в скорченном теле, висящем на кресте. Набожные евреи, выросшие на историях о могуществе Иеговы, также видели мало достойного восхищения в этом боге, который умирал в слабости и позоре. Как видно из "Диалога с евреем Трифоном" Джастина Мартира, смерть Иисуса на кресте послужила решительным шагом против той миссии, с которой он пришел к евреям; распятие на кресте стало проклятием закона.

Даже если так, то все равно именно крест на горе изменил моральный облик мира. М.Скотт Пек пишет:

Я не могу сказать ничего более определенного о методологии любви, кроме как процитировать слова одного старого священника, который много лет провел в сражении: "Существуют десятки возможностей иметь дело со злом и только несколько путей его преодоления. Все они являются гранями той истины, которая гласит, что единственный бескомпромиссный путь борьбы со злом - это задушить его в пределах воли, в пределах живого человеческого существа. Когда оно поглощается им как кровь тампоном или как копые застревает в сердце человек, оно теряет свою силу и прекращает быть".

Борьба со злом - с научной или любой другой точки зрения - может осуществляться только посредством любви конкретных людей. Необходимо желать таинства... Я не знаю, как это происходит.

Но я знаю, что это существует... Когда бы это не случилось, создается легкий перевес в сторону добра или зла в мире.

В тот день на Голгофе этот баланс сил поколебался более, чем чуть-чуть, благодаря масштабам той личности, которая поглотила зло. Если бы Иисус из Назарета был очередной невинной жертвой, подобно Кингу, Манделе, Гавелу и Солженицину, он бы оставил свой след в истории и сошел со сцены. Вокруг него не образовалось бы никакой религии. Историю изменило запоздалое осознание учениками (понадобилось воскрешение, чтобы их убедить) того, что сам Бог выбрал путь слабости. Крест объясняет Бога как Того, кто был готов отказаться от власти ради любви. По словам Дороти Селле, Иисус стал "односторонним разоружением со стороны Бога".

Власть, какие бы благие цели она перед собой ни ставила, склонна причинять страдания. Любовь, будучи ранимой, впитывает страдания. В точке их схождения на горе Голгофе Бог отказался от власти во имя любви.

Глава 11 Воскресение: невероятное утро

Мне кажется, что Святая Неделя высасывает из меня все силы; неважно, сколько раз я прошел через его распятие, мое беспокойство за его воскресение остается неизменным - меня приводит в ужас одна мысль о том, что в этом году этого может не произойти; что именно в этом году это не случится. Любой может умиляться рождению Христа; в Рождество любой дурак будет чувствовать себя христианином. Но основное событие - Пасха; если Вы не верите в воскресение, Вы не можете назвать себя верующим.

Джон Ирвинг, Молитва за Оуэна Мэни.

Когда я был совсем маленьким, Пасха ассоциировалась у меня со смертью, а не с воскресением, и все из-за того, что случилось одним солнечным пасхальным утром с единственной кошкой, которая у меня была за всю мою жизнь. Бутс была кошечкой в возрасте шести недель, вся элегантно черная, за исключением белых лапок, за которые она и получила свое имя, они выглядели так, словно она осторожно зашла в лужицу краски. Она жила в картонной коробке на веранде, и спала на подушке, набитой кедровой стружкой. Моя мама, настаивавшая на том, что Бутс должна научиться защищать себя, перед тем как мы будем выпускать ее гулять, наметила день Пасхи для этого эксперимента.

Наконец, этот день настал. Победоносные солнечные лучи уже добились от весны цветения всего, что только может цвести. Бутс обнюхивала в этот день свою первую травинку, удивленно моргала при виде первого в своей жизни нарцисса, и подкрадывалась к своей первой бабочке, осторожно поднимая и опуская лапки. Мы не переставали радоваться, наблюдая за ней, пока соседские мальчишки не вышли на охоту за пасхальными яйцами.

Когда к нам пришли мальчишки из соседнего с нами дома, случилось немыслимое. Их домашний любимец, бостонский терьер Пагс, шедший в метре за ними, увидел нашу Бутс, издал низкое рычание и бросился на нее. Я закричал, и мы все кинулись к Бутс. Но Пагс уже держал нашу маленькую кошечку в своих челюстях, тряся ее как носочек. Мы малыши обступили Пагса, визжа и топая ногами, чтобы отогнать его. Бесплезно, мы видели вихрь зубов и летящие клочки шерсти. Наконец, Пагс бросил обмякшего котенка на землю и отошел.

Я не мог ясно сформулировать то, что я чувствовал в тот день, но то, что я познал в ту Пасху под полуденным солнцем, было страшное слово необратимость. Весь оставшийся день я молился о том, чтобы произошло чудо. Нет! Этого не может быть! Скажи мне, что это неправда! Может быть, Бутс еще вернется - разве учитель в воскресной школе не рассказывал нам такую историю об Иисусе? Или, может

быть, это утро можно стереть из памяти, отмотать назад и проиграть снова, только теперь уже без этой ужасной сцены. Мы могли бы всегда держать Бутс на веранде, не выпуская ее на улицу. Или мы попросили бы наших соседей сделать ограду для Пагса. Тысячи вариантов прокручивал я в своем сознании в следующие дни, пока действительность не взяла верх и я наконец не смирился с тем, что Бутс была мертва. Невозвратно мертва.

С того времени, все пасхальные воскресные дни моего детства были наполнены воспоминаниями о смерти в траве. С возрастом я все больше понимал смысл слова необратимость.

Не так давно, как я уже упоминал, трое из моих друзей умерли друг за другом. Один из них, вышедший на пенсию мужчина с великолепным здоровьем, умер на стоянке для автомобилей, после того, как они с женой ездили обедать. Молодая сорокалетняя женщина, с которой я дружил, погибла в пламени по дороге на конференцию по вопросам церковной миссии, когда в тумане в ее автомобиль врезался грузовик, перевозящий топливо. Третий мой друг, Боб, погиб во время спуска под воду на озере Мичиган. Трижды за этот год, жизнь прерывалась. Я произносил речь на всех трех похоронах, и каждый раз, когда я мучительно искал слова, на меня накатывало старое, страшное слово необратимость, с такой силой, какую я никогда раньше не ощущал на себе. Ничто из того, что я мог сказать, ничто из того, что я мог сделать, не могло отозваться на мое желание: вернуть своих друзей обратно.

В тот день, когда Боб совершил свое последнее погружение, я в рассеянии сидел в кафе Чикагского университета, читая книгу Ролло Мэя Мои поиски прекрасного. В этой книге известный терапевт вспоминает эпизоды из своей жизни, когда он искал прекрасное, в особенности вояж к горе Афос, на полуостров, примыкающий к Греции и известный своими монастырями. Там ему случилось принять участие в праздновании греческой ортодоксальной Пасхи, которое продолжалось всю ночь. Воздух был пропитан ладаном. Свечи были единственным источником света. В разгар службы священник давал каждому три пасхальных яйца, великолепно украшенных и завернутых в материю. "Christos Anesti!" - говорил он - "Христос воскрес!" Каждый присутствующий, включая Ролло Мэя, в соответствии с обычаем, отвечал: "Воистину воскрес!"

Ролло Мэй пишет: "В этот момент меня охватила реальность духовного: какой смысл привносит это в наш мир, если Он действительно воскрес?" Как раз этот эпизод я прочитал перед тем, как вернулся домой и узнал о том, что Боб погиб, и слова Ролло Мэя звучали у меня в сознании, преследовали меня, после того, как я узнал страшную новость. Какой смысл привносит это в наш мир, если Он действительно воскрес?

Охваченный скорбью после гибели Боба, я увидел смысл Пасхи в новом свете. Будучи пятилетним ребенком, я получил на Пасху жестокий урок необратимости. Сейчас, будучи уже взрослым человеком, я видел, что Пасха действительно демонстрировала ужасную обещанную обратимость. Ничто - даже смерть - не было последней точкой. Даже она могла быть отыграна назад.

Когда я произносил речь на похоронах Боба, я высказал вопрос Ролло Мэя на языке нашей и только нашей скорби. Что бы это имело значение для нас, если бы Боб воскрес? Мы сидели в часовне, онемевшие от трех дней скорби, и смерть давила на наши плечи своим сокрушительным весом. Каково это было бы - выйти на улицу, дойти до парковки машин и там, к своему удивлению, найти Боба. Боба! С его пружинящей походкой, с его неизменной усмешкой, с его ясными серыми глазами. Этот человек не мог оказаться никем другим, кроме как Бобом, вновь ожившим Бобом!

Представив это, я понял, что должны были чувствовать ученики в день первой Пасхи. Они тоже горевали в течении трех дней. В воскресенье до них дошел новый, фантастический слух, прозвучавший так ясно, будто удар колокола в горах. Пасха дает новую надежду и веру в то, что Бог, вставший из могилы в Иерусалиме, может повторить это уже не для одного себя. Для Боба. Для нас. Несмотря на всю странность этого, необратимое будет обратимо.

Первые христиане связывали с Воскресением все свои надежды, на кон было поставлено так много, что апостол Павел говорил коринфянам: "А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша". Было ли это на самом деле, то, без чего наша вера бесполезна? Как мы можем быть в этом уверены?

Люди, которые изображают воскресение Христа, обычно изображают учеников двумя способами: или как легковверную деревенщину, восприимчивую к историям о духах и привидениях, или как хитроумных конспираторов, которые восприняли воскресение как отправную точку для создания новой религии. В Библии мы видим совершенно другую картину.

Что касается первой теории, то Евангелия изображают учеников Иисуса как наиболее недоверчиво относящихся к слухам, раздуваемым вокруг его воскресения. В особенности один из них, "неверующий Фома", получил репутацию скептика, но в действительности все из них продемонстрировали недостаток веры. Никто из них не поверил в безумную новость, которую принесла женщина, увидевшая, что могила Иисуса пуста; они назвали это "словами пустыми". Даже после того, как Иисус явился им, "иные усомнились", - говорит Матфей. Одиннадцать учеников, которых Иисус должен был упрекнуть в упорном нежелании верить, едва ли можно назвать легковверными.

Второе предположение, теория, изображающая учеников Иисуса конспираторами, распадается при ближайшем ее рассмотрении, поскольку, если ученики намеревались сострять достоверную историю, им это не удалось по всем статьям. Чак Колсон, который участвовал в неудавшемся заговоре, именуемом в истории Соединенных Штатов "Уотергейтское дело", говорит о том, что легенды оказываются действенными только в том случае, если все участники заговора едины в своей уверенности и компетентности. В случае с учениками Иисуса это было не так.

Евангелия показывают учеников Иисуса, съезжившихся от страха за семью засовами, боявшихся того, что участь Иисуса постигнет и их. Они были так испуганы, что даже не пришли на похороны Иисуса, предоставив нескольким женщинам позаботиться о его теле. (Злая ирония судьбы: хотя Иисус боролся за то, чтобы запрет на работу в субботний день не распространялся на дела милосердные, законопослушные женщины ждали воскресенья, чтобы закончить процесс погребения). Ученики казались крайне неспособными на то, чтобы сфабриковать воскресение или рисковать своими жизнями, пытаясь украсть тело Иисуса; это не пришло бы им в голову в их отчаянном положении.

В соответствии с Евангелиями, первыми свидетелями воскресения были женщины, до чего бы не додумался ни один конспиратор в первом веке нашей эры. Еврейский суд даже не рассматривал свидетельские показания, данные свидетелями женского пола. Если бы ученики состояли в заговоре, то осторожный план основывался бы на показаниях Иоанна или Петра, или, лучше даже, Никодима, а не выстраивался бы вокруг сообщений женщин. Поскольку Евангелия были написаны несколько десятилетий спустя, у авторов было достаточно времени для того, чтобы сгладить такое противоречие - если они, разумеется, писали легенду, а не передавали голые факты.

Если бы существовал заговор, то свидетельские истории были бы причесаны. Сколько там было фигур, одетых в белое, одна или две? Почему Мария Магдалина приняла Иисуса за садовника? Была ли она одна или с Саломеей и другой Марией? Описания того, как была обнаружена пустая могила, кажутся безжизненными и фрагментарными. Женщины были "со страхом и радостью великою", - говорит Матфей; "их объял трепет и ужас", - говорит Марк. Иисус не прибегает к драматическому, хорошо оформленному выходу на сцену, чтобы рассеять все сомнения; сообщения о случившемся кажутся обрывочными, загадочными, смущенными. Заговорщикам, без сомнения, пришлось бы хорошо поработать, чтобы скрыть то, что они позднее объявят самым значительным событием в истории человечества.

Короче говоря, изображая воскресение Иисуса, Евангелия не отстаивают его, в них не возникают споры по поводу каждого важного момента, воскресение предстает скорее как шокирующее вторжение в течение жизни, неожиданное для всех и более всего для боязливых учеников Иисуса. Первые очевидцы прореагировали на это так, как прореагировал бы каждый из нас - как прореагировал бы я, если бы услышал звонок, пошел открывать дверь и увидел бы своего друга Боба, стоящего перед моей верандой: со страхом и большой радостью. Страх - это рефлексивная реакция человека на столкновение со сверхъестественным. Страх, однако, уступил место радости, поскольку новости, которые они услышали, были слишком хорошими для того, чтобы быть правдой, однако и такими хорошими, что они обязаны были быть правдой. Иисус был жив! Мечта о приходе Мессии ожила, когда женщины летели на крыльях страха и радости, чтобы сообщить эту новость ученикам.

Заговор, действительно, существовал, только организован он был не учениками Иисуса, а властями, которые были вынуждены иметь дело с поражающим фактом пустой могилы. Они могли положить конец всем этим безумным слухам о воскресении только предъявив запечатанную могилу или тело. Но печать была сломана, и тело исчезло, отсюда и необходимость заговора властей. Уже когда женщины бежали сообщить новость, солдаты репетировали свое алиби, свою роль в системе предотвращения ущерба.

Солдаты, дежурившие у могилы Иисуса, были единственными свидетелями величайшего чуда в истории человечества. Матфей говорит, что когда задрожала земля и появился ангел, ослепительный как молния, они задрожали и стали как мертвые. (Воскрешение, действительно, представляло собой акт гражданского неповиновения, поскольку оно включала в себя сломанную печать Пилата и поверженную официальную охрану. В этом случае, триумф над официальными силами означал активное сопротивление.) Но вот один поразительный факт:

Апокрифическое Евангелие от Петра дает воображаемую картину того, что произошло у могилы. Две фигуры опустились в облаке света, такие ослепительные, что множество очевидцев собрались вокруг, чтобы посмотреть на это. Камень сам собой откатился, и две позднее в этот день солдаты, которые удостоверились в Воскресении своими собственными глазами, предпочли солгать, поддержав версию священников: "Ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали". У этого алиби было одно очевидное слабое место (Большой камень откатился в сторону, не разбудив спящих? И как они могли опознать учеников, если они спали?), но, по крайней мере, оно спасало стражников от лишних неприятностей.

Как и все остальное в жизни Иисуса, Воскресение повлекло за собой противоположные реакции. Те, кто верил, преобразились; исполненные надежды и отваги, они решили изменить мир. Те, кто не верил, нашли возможности для того, чтобы оставить этот очевидный факт без внимания. Иисус также предсказывал: "Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят".

Мы, смотрящие на Евангелия сквозь призму Пасхи, мы, чья жизнь четко размечена в календаре, забываем о том, как трудно было ученикам верить. Сама по себе пустая могила не убеждала их: этот факт только говорил "Его здесь нет", а не "Он воскрес". Для того, чтобы убедить этих скептиков, потребовалась бы личная встреча с тем, кто был их Учителем в течение трех лет, и следующие шесть недель Иисус предоставил им такую возможность.

Автора Фридерика Бюхнера поразило то, что в явлениях Иисуса после его воскресения не было ничего эффектного. Не было ангелов в небесах, поющих хоралы, не было волхвов, несущих издалека дары. Иисус являлся при исключительно ординарных обстоятельствах: на частном обеде, двум мужчинам, идущим по дороге, женщине, плачущей в саду, нескольким рыбакам во время лова.

В явлениях Иисуса мне видится причуда, как будто ему доставляла радость птичья свобода его тела, потерявшего материальную оболочку. Лука, например, дает точное описание того, как Иисус неожиданно появился перед двумя одинокими учениками по дороге в Эммаус. Они знают о том, что

женщины сияющие фигуры поднялись над могилой, поддерживая третью фигуру, осененные знаком чудесного креста. Головы обоих ангелов "доставали до небес... он же был ведом ими... и они пересекли небо". Это как раз то пристрастие к сенсациям, которого старательно избегают аутентичные Евангелия.

Они обнаружили пустую могилу, и Петр сам был тому свидетелем. Но кто поверит такого рода слухам? Разве смерть не является необратимой по определению? "А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля", - говорит один из них с явным разочарованием.

Короткое время спустя, за трапезой, незнакомец приковывает к себе внимание тем, как он разламывает хлеб, и все становится на свои места. Это Иисус встретился м, когда они шли по дороге и теперь сидит за их столом! Самое странное заключается в том, что в тот момент, когда они узнают своего гостя, он исчезает.

Когда эти двое торопятся обратно в Иерусалим, они находят Одиннадцать Апостолов, собравшихся на тайную встречу. Они рассказывают свою неправдоподобную историю, которая вполне соотносится с тем, что уже узнал Петр: Иисус где-то там, вовне, Иисус жив. Без предупреждения, как раз в тот момент, когда сомневающиеся оспаривают эту точку зрения, сам Иисус появляется среди них. Я не дух, объявляет он. Прикоснитесь к моим шрамам (ранам???), это Я Сам! Даже тогда скептики настаивают на своем до тех пор, пока Иисус не изъявляет желания отведать жареной рыбы. Призраки не едят рыбу; мираж не нуждается в пище для того, чтобы исчезнуть.

Жизнь следующие шесть недель протекает по такому сценарию: Иисус то появляется, то исчезает. Иисус появляется не в виде призрака, но во плоти. Иисус всегда может доказать свою подлинность - никто из живущих не носит на своем теле следов распятия - и все же ученикам часто не удается сразу узнать его. Он старательно пытается снизить до уровня их скептицизма. В случае с неверующим Фомой это означает, что Иисус лично должен предложить ему прикоснуться к своим шрамам (ранам???). Что до смиренного Петра, то ему необходима мучительно-сладкая сцена оправдания перед лицом шестерых друзей.

Явления Иисуса, приблизительно около десяти, являют собой определенную схему: Иисус появлялся перед небольшими группами людей, в отдаленных местах, или за закрытыми дверями. Хотя эти интимные встречи укрепляли веру тех, кто уже верил в него, при том, что, насколько нам известно, ни один из неверующих не видел Иисуса после его смерти.

Снова и снова перечитывая описания казни и Воскресения, я иногда поражался тому, почему Иисус не являлся своим ученикам чаще. Для чего ограничивать число посещений своих друзей? Почему не появиться снова на галерее у Понтия Пилата или перед Синедрионом, на этот раз испепелив тех, кто торжествовал над ним? Возможно, ключ к такому поведению Иисуса мы можем найти в его словах, обращенных к Фоме, в тот день, когда скептицизм Фомы развеялся навсегда. "Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие".

В шестинедельный промежуток между воскресением и вознесением Иисус, если можно так выразиться, "нарушал свои собственные правила" относительно веры. Он сделал свою сущность столь очевидной, что ни один ученик больше уже никогда не мог вновь отрицать ее (и ни один из них этого не делал). Одним словом, Иисус завладел верой очевидцев: каждый, кто видел воскресшего Иисуса, терял свободу выбора, верить в него или не верить. Теперь фигуру Иисуса нельзя было поставить под сомнение. Даже брат Иисуса Иаков, который всегда держался в стороне, капитулировал после одного из явлений Иисуса - это оказалось достаточно для того, чтобы он стал лидером иерусалимской церкви и, по словам Иосифуса, умер как один из раннехристианских мучеников.

"Вы поверили, потому что увидели Меня", - сказал Иисус. Этим несколько привилегированным людям трудно было разувериться. Но как насчет остальных? Очень скоро, как это было хорошо известно Иисусу, его появления во плоти должны были прекратиться, оставив лишь "невидевших". Церковь, так

или иначе, должна была основываться, как бы впечатляюще ни были те свидетельства, на тех - включая нас - кто не видел. У Иисуса было шесть недель для того, чтобы явить свою сущность на все времена.

То, что Иисусу удалось превратить кучку капризных ненадежных последователей в бесстрашных евангелистов, то, что одиннадцать человек, которые бросили его в тяжелую минуту, теперь шли на мучительные пытки, доказывая свою веру в воскресшего Христа, то, что этим несколькими свидетелям удалось привести в движение силу, которая преодолела мощное сопротивление со стороны оппозиции в Иерусалиме, а затем в Риме - эти явные последствия их преображения являются самым убедительным доказательством Воскресения. Как еще можно объяснить мгновенную перемену в людях, известных своей трусостью и непостоянством?

Другие - по меньшей мере пятнадцать евреев, жившие в век Иисуса - сделали так, что пророчества Мессии стали едва заметным мерцанием, подобным мерцанию гаснущей звезды. Однако фанатичная приверженность Иисусу не исчезла с их смертью. Произошло что-то беспрецедентное. Конечно же, ученики не пожертвовали бы своими жизнями ради тайной теории, разработанной ими. Конечно же, было бы проще и более естественно преклоняться перед погибшим Иисусом как перед одним из пророков мучеников, чьи могилы были столь почитаемы евреями.

Достаточно прочитать, как Евангелия описывают конспиративные собрания учеников, а затем обратиться к описаниям тех же самых людей в Деяниях Святых Апостолов, когда они открыто провозглашают Христа на улицах и в тюремных камерах, чтобы понять потрясающую важность того, что произошло в Пасхальное Воскресенье. Воскресение является эпицентром веры. "Нет такой веры, - говорит К. Х. Додд (Ч. Г. Додд), - которая сформировалась внутри церкви; существует вера, вокруг которой сформировалась сама церковь, и на "данность" которой эта церковь опирается". Романист Джон Апдайк выразил эту же истину более поэтично:

Не сделай ошибки: если Он и воскрес,
то воскресло Его тело;
если б все не обратилось вспять, молекулы
не воссоединились, аминокислоты не восстановились,
Церковь бы пала.

"Блаженны невидевшие и уверовавшие", - сказал Иисус неверующему Фоме, рассеяв его сомнения осязаемым доказательством чуда Пасхи. За исключением тех пятисот с лишним людей, перед которыми появлялся воскресший Иисус, любой из когда-либо живших христиан подпадает под категорию "блаженных". Я спрашиваю себя, почему я верю? - я, похожий на Фому больше, чем на любого из учеников своим скептицизмом и колебаниями принять на веру то, что не может быть доказано.

Я взвесил аргументы в пользу Воскресения, и они выглядят впечатляюще. Английский журналист Фрэнк Морисон описал большинство из этих аргументов в классическом произведении Кто сдвинул камень? Хотя Морисон попытался изобразить Воскресение как миф, очевидность этого события убедила и его. Однако я также знаю, что многие интеллигентные люди видели эту очевидность и считали для себя невозможным в нее поверить. Хотя многое в Воскресении вызывает веру, ничто не делает его неопровержимым. Вера требует возможности отречения, в противном случае она не является верой. Но что тогда дает мне вера в Пасху?

Я признаю, что одна причина, в которую я готов поверить, заключается в том, что в глубине души я хочу, чтобы история Пасхи оказалась правдой. Почвой, на которой произрастает вера, является жажда веры, нечто инстинктивное в людях вопиет против царства смерти. Не важно, принимает ли вера такую форму, как у египетских фараонов, прячущих свои украшения и колесницы в пирамиды, или, как у современных американцев, стремящихся прожить как можно дольше, до последней наносекунды,

пытающихся сохранить себя, бальзамируя свои тела в запечатанных гробах, мы, люди, сопротивляемся идее смерти, за которой остается последнее слово. Мы хотим верить в иной исход.

Я вспоминаю год, когда я потерял трех своих друзей. Больше всего я хочу, чтобы Пасха оказалась правдой, потому что она гарантирует, что однажды мои друзья вернутся ко мне. Я хочу навсегда забыть слово безвозвратно.

Я полагаю, что вы можете сказать, что вы хотели бы верить в сказки. Я не один. Человечество всегда создавало сказки. Впервые мы слышим их в колыбели от наших родителей, бабушек и дедушек, и пересказываем их нашим детям, которые расскажут их своим детям, и так от поколения к поколению. Даже в наш век науки некоторые из самых популярных фильмов представляют собой вариации сказок: Звездные войны, Аладдин, Король лев. Как ни странно, в истории человечества большинство сказок имеют счастливый конец. Этот древний инстинкт, надежда, прорывается наружу. Также как и в жизни, в сказках есть много страдания и боли, однако, несмотря на это, они заканчиваются так, что слезы уступают место улыбке. Пасха приводит к тому же результату. И по этой причине, также как и по многим другим, она выглядит правдиво. (Дж. Р. Р. Толкин, наверное, самый великий создатель сказок нашего века, часто оказывался лицом к лицу с обвинением в том, что фэнтези - это путь, дающий нам возможность "побега" из реальности, возможность отвлечься от невзгод "реального мира". Его ответ был прост: все зависит оттого, от чего человек бежит. Побег дезертира и побег заключенного мы воспринимаем совершенно по-разному. "Разве можно осудить человека, если, находясь в тюрьме, он пытается выйти на свободу и отправиться домой?")

Толпа во время распятия Христа призывала его явить свою сущность, сойдя с креста. Никому не приходило в голову, что, в действительности, произойдет: что он умрет и затем вернется. Однако, когда все произошло по задуманному сценарию, для тех, кто ближе остальных знал Иисуса, это оказалось исполненным великого смысла. Это соответствует стилю поступков и характера Господа. Господь всегда выбирал долгий и тяжелый путь, уважая человеческую свободу во что бы то ни стало. "Бог не упразднил зла: он его трансформировал, - писала Дороти Сейерс, - он не остановил распятие, он воскрес из мертвых". На героя легло бремя всех последствий, однако, каким-то образом, он вышел из ситуации победителем.

В первую очередь, я верю в Воскресение потому, что я понял, что есть Бог. Я знаю, что Бог есть любовь, и я также знаю, что мы, люди, хотим, чтобы тот, кого мы любим, оставался в живых. Я не позволю моим друзьям умереть; они продолжают жить в моей памяти и в моем сердце, сколько бы времени ни прошло с того момента, как я перестал их видеть. Какова бы ни была причина этого - мне кажется, что человеческая свобода важнее всего -

Бог допускает существование планеты, на которой мужчина в расцвете сил умирает, занимаясь подводным плаванием, а женщина погибает в пламени автокатастрофы по дороге на конференцию, посвященную вопросам миссионерства. Но я верю - если бы я не верил в это, я бы не верил в любящего Бога - что Бог не удовлетворен такой несовершенной планетой. Божественная любовь найдет способ преодолеть это. "Смерть, не заносись", - писал Джон Донн: Бог не позволит смерти одержать победу.

Одна подробность в Пасхальной истории всегда интриговала меня: почему у Иисуса сохранились шрамы (раны???) от распятия. Он ведь мог выбрать себе после Воскресения любое тело, какое бы он захотел, но однако он остановился на теле, подтверждающем его личность шрамами (ранами???), которые можно было увидеть, и к которым можно было прикоснуться. Почему?

Я верю в то, что история Пасхи была бы не полной без этих шрамов (ран???) на руках, ногах и на боку Иисуса. Когда люди фантазируют, они мечтают о ровных жемчужных зубах и коже, лишенной морщин, о сексуально привлекательных формах тела. Мы мечтаем о чем-то ненатуральном: о совершенном теле. Но для Иисуса, ненатуральным было заключение в скелет и человеческую кожу. Для

него шрамы (раны???) являются эмблемой жизни на нашей планете, постоянным напоминанием о днях заключения и страданий.

Я черпаю надежду в шрамах (ранах???) Иисуса. С точки зрения небес, они отражают самое ужасное происшествие, которое когда-либо случилось в истории вселенной. Однако именно это событие - распятие - было отодвинуто Пасхой в сферу памяти. Благодаря Пасхе, я могу надеяться на то, что слезы, которые мы проливаем, удары, которые мы принимаем, эмоциональная боль, сердечная скорбь по потерянным друзьям и любимым, все это отойдет в область воспоминаний, подобно шрамам (раны???) Иисуса. Шрамы никогда не исчезнут полностью, но они больше не будут причинять боль. Мы обретем воссозданные за ново тела, воссозданное небо и землю. У нас появится возможность начать все заново, начать с Пасхи.

Я пришел к выводу, что существует два взгляда на человеческую историю. С одной стороны можно сконцентрироваться на войнах и насилии, нищете, боли, трагедии и смерти. С этой точки зрения Пасха кажется сказочным исключением из правил, удивительным Божественным противоречием. Это приносит некоторое облегчение, хотя признаю, что, когда умерли мои друзья, скорбь была настолько ошеломляющей, что всякая надежда на жизнь после смерти казалась призрачной и бесплотной.

Можно взглянуть на мир и с другой стороны. Если взять Пасху в качестве точки отсчета, в качестве неопровержимого факта, свидетельствующего о том, как Бог поступает с теми, кого любит, тогда человеческая история становится противоречием, а Пасха демонстрирует пример истинной реальности. Тогда надежда потечет как горячая лава под коростой обыденной жизни.

Возможно, это дает представление о той перемене, которая произошла в мировоззрении учеников, когда они сидели за запертыми дверями, обсуждая непостижимые события Пасхального Воскресенья. С одной стороны, ничего не изменилось: Палестина по-прежнему находилась в римской оккупации, религиозные власти по-прежнему управляли страной, везде по-прежнему царило зло и смерть. Однако постепенно шок от пришедшего понимания уступал место пробуждающейся радости. Если Бог смог сделать это ...

Часть третья

Что он оставил после себя

Глава 12 Вознесение: Ясное голубое небо

То, что Господь сам
Сошел в этот мир к нам,
Мыслилось как явление...
Дух, вошедший в плоть, стал залогом всего,
Снова и снова в нас празднует рождество,
Снова и снова в нас.
Роберт Фрост

Иногда я думаю о том, каким был бы мир, если бы Иисус не воскрес после смерти. Хотя ученики и не стали бы рисковать своими жизнями, провозглашая новую веру на улицах Иерусалима, но они и не забыли бы его. Они отдали три года Иисусу. Он мог и не быть Мессией (даже принимая во внимание Пасху), но он произвел на них впечатление как самый мудрый учитель, которого они когда-либо встречали, и он показал им силу, происхождение которой никто не мог объяснить.

Спустя некоторое время, когда душевные раны начали заживать, ученики нашли бы способ почтить память Иисуса. Возможно, они собрали бы его притчи в письменном виде, подобно одному из четырех Евангелий, однако в них было бы больше эмоциональной проникновенности. Или вместе с евреями того времени, чтившими других мучеников-пророков, они, возможно, воздвигли бы памятник жизни Иисуса. Если так, мы, живущие сегодня, все еще могли бы приходить к этому памятнику и учиться у плотника/философа из Назарета. Мы могли бы тщательно анализировать его притчи, принимая или не принимая их по нашему усмотрению. Во всем мире к Иисусу подходили бы так же, как к Конфуцию или Сократу.

Во многих аспектах я принял бы не воскресшего Иисуса легче. Пасха делает его фигуру угрожающей. Из-за Пасхи я вынужден слушать его резкие обвинения, и не могу более выборочно пользоваться его притчами. Более того, Пасха означает то, что он продолжает жить где-то там, в недоступном нам мире. Подобно его ученикам, мне не ясно, куда вознесся Иисус, с какими словами он обратился бы ко мне, о чем бы он меня спросил. Как пишет Фредерик Бюхнер, Пасха означает то, что "мы никогда не сможем удержать Иисуса гвоздями, даже если гвозди настоящие, а то, к чему мы его прибываем, - крест".

Пасха представляет жизнь Иисуса в совершенно новом свете.. Если бы не было Пасхи, я бы считал трагедией то, что Иисус умер молодым, через несколько коротких лет своего служения. Какая это была неудача для него, что он ушел так рано, успев привлечь на свою сторону так мало людей в столь незначительной части мира! Однако рассматривая ту же самую жизнь через призму Пасхи, я вижу, что это и был план Иисуса. Он остался в этом мире ровно настолько, чтобы собрать вокруг себя последователей, которые помогли бы донести его весть до других. Убить Иисуса, говорит Уолтер Уинк, все равно что пытаться уничтожить одуванчик, сдув с него его пух.

Когда Иисус вернулся после смерти, чтобы развеять все сомнения у оставшихся учеников, он медлил всего лишь сорок дней, прежде чем исчезнуть во имя добра. Время между Воскресением и Вознесением было интерлюдией, и не более того.

Если для учеников самым великим днем в их жизни было пасхальное воскресенье, то для Иисуса это, по всей видимости, был день Вознесения. Он, Создатель, который так снизошел до людей и от столького отказался, теперь отправлялся домой. Подобно солдату, возвращающемуся из дальних стран после долгой и кровавой войны. Подобно астронавту, снимающему скафандр, чтобы глотнуть родного воздуха Земли. Наконец-то дома.

Молитва Иисуса во время Тайной Вечери "Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить, - молился Иисус, - и ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира". Прежде бытия мира! Подобно тому, как вспоминает о былом старый человек - не так, как вспоминал бы бессмертный бог - Иисус, который сидел в тесной комнатке в Иерусалиме, устремлял свои мысли назад, в те времена, когда еще не существовал Млечный Путь и созвездие Андромеды. В одну из земных ночей, темную и полную страха и угрозы, Иисус готовился к возвращению домой, готовился снова обрести ту славу, от которой он временно отказался.

В тот день, когда Иисус вознесся, ученики стояли в ошеломлении, словно дети, потерявшие родителей. Два ангела, посланные успокоить их, задали риторический вопрос: "Мужи Галилейские! что

вы стоите и смотрите на небо?" Небо было ясным и пустым. И все-таки они стояли, и смотрели, не отрываясь, не зная, как им продолжать их дело, и что делать дальше.

Столько раз во время написания этой книги я чувствовал себя как один из этих учеников, устремляющих свой взор в бледно-голубое небо. Я ищу какого-нибудь знамения, данного Иисусом, какой-нибудь видной глазу подсказки. Когда я оглядываюсь на церковь, которую он оставил после себя, мне хочется отвести глаза. Так же, как и глаза учеников, мой взор режет сияние Того, кто вознесся на небо. Почему, спрашиваю я снова, он должен был уйти?

Но, когда я возвращаюсь к Евангелиям и перечитываю их, пытаюсь понять то, как сам Иисус рассматривал свое время, проведенное на земле, мне кажется очевидным, что он с самого начала планировал уйти. Ничто не доставляло Иисусу большего удовольствия, чем успехи его учеников; ничто не огорчало его больше, чем их неудачи. Он пришел на землю с целью оставить ее снова, передав свою миссию другим. Мягкий упрек ангелов мог бы исходить из его собственных уст: "Зачем вы стоите здесь и смотрите в небо?"

Первый раз, когда Иисус послал своих учеников проповедовать одних, он предупреждал их о том, что неприятие их учения, возможно, примет форму физической расправы и публичных пыток. "Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков", - сказал он. Читая эти страшные предупреждения, я не могу избавиться от возникающего в моем сознании ужасного эпизода из романа Шусако Эндо Молчание. Связанный португальский миссионер вынужден смотреть как самурайские солдаты пытаются японских христиан, одного за другим, и бросают их в море. Самураи клянутся в том, что они будут продолжать убивать христиан, пока священник не отречется от своей веры. "Он пришел в эту страну отдать свою жизнь за других людей, но вместо этого японцы один за другим отдавали свои жизни за него".

Каково было Иисусу, чей взгляд без труда проникал в ужасные последствия того дела, которое он начал в этом мире, последствия не только для него самого, но и для множества людей вокруг него, его лучших друзей во всем мире? "Предаст же брат брата на смерть, и отец детей ... И будете ненавидимы всеми за имя Мое...".

Я пытаюсь принять ту точку зрения - отец, отдающий своих детей на растерзание разбойникам, генерал, бросающий своих солдат под огонь неприятеля - которая имела место на Тайной Вечере. Там, когда Иисус раскрыл планы своего ухода в таких словах, которые уже не могли быть истолкованы неверно, он сказал, "Но Я истину говорю Вам: лучше для вас, чтобы Я пошел". Ему нужно было уйти, чтобы передать сделанное другим людям. Им. Нам. Новым христианам.

В то время ученики не понимали того, что имел в виду Иисус. Как может его уход быть для них благом? Они ели "тело, преломленное для вас", не понимая того изменения, которое произошло: миссию, которую Бог доверил своему Сыну, Сын теперь доверял им. "Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир", - молился Иисус.

Иисус оставил после себя на земле мало следов. Он не писал книг или даже маленьких брошюр. Он был странником и не оставил дома или места, которое теперь могло бы служить его музеем. Он не был женат, не жил оседлой жизнью и не оставил после себя потомства. На самом деле, мы бы ничего о нем не узнали, если бы не те следы, которые он оставил в человеческих душах. В этом заключалось его намерение. Закон и пророки сфокусировались подобно пучку света на Единственном, который должен был придти. И теперь этот свет, словно пройдя через призму, должен рассеяться и засиять в спектре движений и оттенков человеческой души.

Шесть недель спустя ученики поймут, что Иисус имел в виду, говоря: лучше для вас, чтобы Я пошел. Как это выразил Августин: "Ты вознесся пред нашими очами, и мы отвернулись в горе, чтобы найти тебя в наших сердцах".

Не будет ли преувеличением сказать, что со времени воскресения Иисус больше не видел других тел, в которых он мог бы заново начать жизнь, такую же, какую он прожил на земле? Церковь служит продолжением Воплощения, основным путем, которым Бог проявляет себя в мире. Мы являемся "Христами после Христа", по словам Жерара Менли Хопкинса:

... ведь Иисус появляется в тысяче мест,
играет в глазах, играет в телах не своих,
улыбаясь Отцу чертами человеческих лиц.

Церковь - это место, где живет Бог. То, что Иисус принес нескольким людям - исцеление, благодать, добрую весть учения о божественной любви - церковь теперь может передать всем. Это было тем самым вызовом, той Великой Миссией, которую Иисус передал ученикам, перед тем как исчезнуть у них из вида. "Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет", - объяснял он ранее, - то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". Распространение по принципу одуванчика.

По крайней мере, так это выглядит в теории. Однако в действительности я должен поставить себя на место учеников, которые, раскрыв рот смотрят на то, как Иисус поднимается в воздух, как некое бескрылое существо, преодолевающее силу притяжения. "Не в сие ли время, Господи, восстановишь Ты царство Израилю?" - только что спросили они - и теперь вот это. Он ушел! Я сочувствую их замешательству, поскольку я тоже жажду увидеть сильного Мессию, который навел бы порядок в мире зла, насилия и бедности. Живя две тысячи лет спустя после учеников Иисуса, я оглядываюсь назад и поражаюсь тому, как мало церковь изменила в таком мире. Почему Иисус оставил нас одних вести эти сражения? Как может быть благом то, что он ушел?

В действительности, я пришел к выводу, что Вознесение отражает самое серьезное разногласие моей веры - не то, было ли это на самом деле, но как это было. Это волнует меня больше, чем проблема страдания, больше, чем сложность наук, пытающихся привести мир в систему, больше, чем Библия, больше, чем вера в Воскресение и другие чудеса. Кажется странным соглашаться с таким замечанием - я никогда не читал ни одной книги или статьи, автор которой сомневался бы в Вознесении - однако то, что случилось после того, как Иисус вознесся, затрагивает самые тонкие струны моей веры. Может быть, было бы лучше, чтобы Вознесения не было? Если бы Иисус остался на земле, он мог бы ответить на наши вопросы, разрешить наши сомнения, быть посредником в наших идеологических и политических спорах.

Мне кажется гораздо более легким согласиться с тем фактом, что Бог воплотился в Иисусе из Назарета, чем с тем, что он может воплотиться в людях, которые ходят в мою местную церковь - или во мне. Однако, это именно то, чего от нас требует вера; это то, чего от нас требует жизнь. Новый Завет провозглашает, что будущее космоса определено церковью (смотри Послание к Римлянам 8:19-21; Послание к Ефессянам 3:10). Иисус сыграл свою роль и потом ушел. Теперь дело за нами.

"Это очень серьезная задача, - писал К. С. Льюис, - жить в обществе потенциальных Богов и Богинь, помнить о том, что самый скучный и неинтересный человек, с которым ты говоришь, может однажды стать созданием, которому, если бы вы увидели его сейчас, вы поклонились бы как своему кумиру, или каким-нибудь ужасом, который вам может присниться сейчас только в ночном кошмаре. Весь день напролет мы в некоторой степени помогаем друг другу в осуществлении этого предназначения".

Древние религии, такие, как римское язычество времен Иисуса, верили в то, что поступки богов на небесах оказывают влияние на землю под ними. Если Зевс злился, то ударяла молния. Словно дети, бросающие камни с эстакады скоростной трассы на проходящие внизу машины, боги обрушивали катаклизмы на землю. "Как вверху, так и внизу" - гласила античная формулировка. Иисус, однако, перевернул это определение. "Как внизу, так и вверху". "Слушающий вас Меня слушает, - сказал Иисус своим ученикам, - и отвергающий вас Меня отвергается". Верующий обращает к небу свою молитву, и оно откликается на нее; грешник раскаивается, и ангелы радуются этому; миссия удается, и Сатана

сгорают подобно молнии; верующий бунтует, и Святой Дух скорбит. То, что мы, люди, делаем здесь, несомненно, влияет на космос.

Я верю во все это, но иногда я каким-то образом "забываю" об этом. Я забываю о том, что мои молитвы важны для Бога. Я забываю, что я помогаю своим ближним достичь их вечного предназначения. Я забываю, что тот выбор, который я делаю сегодня, приносит удовлетворение - или горе - Повелителю Вселенной. Я живу в мире деревьев, телефонов, факсов и реальность этой материальной вселенной обычно подавляет мою веру в духовную вселенную, заполняющую все. Я смотрю в ясное голубое небо и не вижу ничего.

Возносясь, Иисус рисковал быть забытым.

Не так давно, когда я перечитывал Евангелие от Матфея, я сразу же заметил, что сам Иисус предвидел логичность того, что его забудут. Четыре притчи в конце Евангелия от Матфея, одни из последних, которые рассказал Иисус, имеют общую тему, лежащую в их основе. Хозяин оставляет свой дом, уезжающий землевладелец распускает слуг; жених прибывает слишком поздно, когда гости уже устали и спят, хозяин раздает деньги своим слугам и уходит - все это вращается вокруг темы ушедшего бога.

Действительно, история Иисуса поднимает основной вопрос нашего времени: "Где сейчас Бог?" Современный ответ, исходящий от Ницше, Фрейда, Камю и Беккета, заключается в том, что хозяин покинул нас, дав нам свободу устанавливать наши собственные правила. *Deus absconditus*. В таких местах, как Освенцим и Руанда, мы видели эти притчи в действии, наглядные примеры того, как некоторые будут поступать, когда они перестанут верить во властного хозяина. Если нет Бога, как говорил Достоевский, то все позволено.

Продолжая читать, я дошел еще до одной притчи, об Овцах и Козлах, возможно, последней из тех, что рассказал Иисус.

Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую свою сторону, а козлов - по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его, ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, это не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

Мне хорошо была известна эта притча. Она самая сильная и зловещая из всего, что когда-либо говорил Иисус. Но я никогда до этого не замечал ее логическую связь с четырьмя притчами, которые ей предшествуют.

Притча об Овцах и Козлах двояким образом непосредственно связана с вопросом, затронутым в других притчах: тема отсутствующего хозяина, ушедшего Бога. Во-первых, она показывает возвращение хозяина в день Страшного Суда, когда придется платить дьявольски высокую цену - в прямом смысле слова. Ушедший вернется, и на этот раз в силе и славе, чтобы подвести итог всему, что произошло на земле. "Мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо". Во-вторых, притча относится к тому временному промежутку, к тому многовековому интервалу, в котором мы сейчас живем, к тому времени, когда кажется, что Бога нет. Ответ на это самый современный вопрос одновременно и поражает своей глубиной, и пугает. Бог вообще никуда не исчезал. Скорее, он надел маску, самую неподходящую для него маску странника, бедняка, голодного, заключенного, больного, самого отверженного на земле: "истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне". Если мы не можем определить пребывание Бога в мире, то возможно, мы искали не там, где следует.

Комментируя вышеописанный отрывок, великий американский теолог Джонатан Эдвардс сказал, что Бог определил бедняков, как "тех, кто имеет к нему доступ". Поскольку мы не можем выразить свою любовь, совершая что-либо, что принесло бы пользу непосредственно Богу, Бог хочет, чтобы мы делали что-нибудь полезное для бедных, на которых была возложена миссия принимать христианскую любовь.

Однажды ночью я рассеянно переключал телевизионные программы и наткнулся на нечто, похожее на фильм для детей с молодой Хейли Миллс в главной роли. Я устроился поудобнее и решил посмотреть, как будет развиваться сюжет. Она и двое ее друзей, играя в деревенском сарае, натолкнулись на какого-то бродягу (Элан Бейтс), спящего в соломе. "Кто вы такой?" - спросила Миллс требовательным голосом. Бродяга проснулся и пробормотал, глядя на детей: "Иисус Христос!"

То, что он сказал в шутку, дети приняли за правду. Они действительно поверили, что этот человек - Иисус Христос. До конца фильма (Свист по ветру) они относились к бродяге с ужасом, уважением и любовью. Они приносили ему еду и одеяла, проводили с ним время, разговаривали с ним и рассказывали ему о своей жизни. Со временем их нежность преобразила бродягу, беглого преступника, который никогда ранее не сталкивался с таким милосердием.

Мама Миллс, которая написала эту историю задумывала ее как аллегорию того, что может случиться, если все мы буквально будем относиться к словам Иисуса о бедных и нуждающихся. Служа им, мы служим Иисусу. "У нас созерцательный орден", - сказала мать Тереза богатому американскому посетителю, который не мог понять ее трепетного отношения к бродягам из Калькутты. "Сначала мы размышляем об Иисусе, а потом мы идем и ищем его под маской".

Когда я размышляю над последней притчей в 25-ой главе Евангелия от Матфея, я сознаю, что многие из моих собственных вопросов о Боге в действительности возвращаются ко мне наподобие бумеранга. Почему Бог позволяет младенцам рождаться в бруклинских гетто и на реке смерти в Руанде? Почему Бог допускает существование тюрем, приютов для бездомных, больниц и лагерей беженцев? Почему Иисус не навел порядок в мире в те годы, пока он жил в нем?

В соответствии с этой притчей Иисус знал, что мир, который он оставил после себя, будет включать в себя бедных, голодных, заключенных, больных. Бедственное положение мира не удивляло его. Он строил планы, в которые оно входило: долгосрочный и краткосрочный план. Долгосрочный план включает его возвращение в силе и славе, чтобы порядок на планете Земля. Краткосрочный план подразумевает передачу власти тем, кто в конечном итоге станет провозвестником свободы космоса. Он вознесся, чтобы мы могли занять его место.

"Где Бог, когда страдают люди?" - часто спрашивал я. Ответ представляет собой другой вопрос: "Где церковь, когда страдают люди?"

Этот последний вопрос, конечно, представляет собой крепкий орешек, и также причину, по которой я говорю, что вознесение отражает основное противоречие моей веры. Когда Иисус ушел, он оставил ключи от царства в наших дрожащих руках.

Через все мое стремление к Иисусу проходит следующий лейтмотив: моя потребность избавиться от слоя пыли и грязи, привнесенного самой церковью. В моем случае представление об Иисусе было затемнено расизмом, нетерпимостью, и мелочным законничеством фундаменталистской церкви Юга. Русская или европейская католическая церковь переживает совершенно иной процесс восстановления. "Ибо не только пыль, но также и очень много золота может скрыть истинную форму", - писал немец Ханс Кюнг о своих собственных исследованиях. Многие, слишком многие полностью прекращали поиски; отвергнутые церковью, они никогда не найдут Иисуса.

"Как жаль, что христианам так тяжело следовать за Иисусом", - замечает Анни Дилляр. Ее утверждение напоминает мне футболку, на которой в связи с современной предвыборной гонкой, может стоять надпись: "Иисус спасет нас... от своих последователей". И еще из одной сцены из новозеландского фильма Небесные создания, в которой две девушки описывают мир их мечты: "Это как небеса, только лучше - там нет христиан!"

Эта проблема проявилась давно. В своих заметках о церкви в Коринфе Фредерик Бюхнер пишет: "Они действительно были телом Христовым, как Павел писал о них в своей живущей по сей день метафоре - глаза, уши, руки Христа - но то рвение, с которым они продолжили свое дело, дело Божие в падшем мире, могло бы лишь привести Христа в ярость, озадачить и ошеломить его". В четвертом веке н.э. Св. Августин писал с раздражением о высокомерии церкви: "Тучи небесные громом своим провозглашают то, что дом Господа должен быть построен по всей земле; а эти лягушки сидят в их болоте и квакают - "мы единственные христиане!"

Я мог бы заполнить несколько страниц подобными яркими цитатами, каждая из которых подчеркивает то, насколько это рискованное занятие - вовлекать собственную репутацию Господа Бога в наши игры. В отличие от Иисуса, мы не совершенно доносим Слово. Мы говорим, пользуясь искаженными синтаксическими конструкциями, заикаясь, смешивая разные языки, расставляя ударения не в тех местах. Когда мир ищет Иисуса, он видит, подобно ущербным людям в аллегории Платона, только тени, созданные светом, а не сам свет.

Почему мы так не похожи на ту церковь, которую описывал Иисус? Почему тело Христово так мало напоминает его самого? Если Иисус мог предвидеть такие ужасы, как крестовые походы, инквизиция, христианская работорговля, апартеид, то почему он так рано вознесся?

Я не могу дать достойного ответа на подобные вопросы, поскольку я сам являюсь частью проблемы. Если приглядеться, мой опрос имеет очень личный характер: почему Я так мало похож на него? Я всего лишь предлагаю три наблюдения, которые помогают мне разобраться в том, что произошло с того времени, как Иисус вознесся.

Во-первых, церковь принесла как свет, так и тьму. Во имя Христа Святой Франциск целовал нищих и снимал с себя последнюю рубашку, мать Тереза основала Дом для Умиравших, Уилберфорс освобождал рабов, генерал Бут основал из добровольцев Армию Спасения, а Дороти Дей кормила голодных. Такая деятельность продолжается: как журналист я встречал педагогов, членов городской администрации, докторов и медсестер, лингвистов, медицинских работников и экологов, служащих по всему миру за маленькую оплату и еще меньшую известность только во имя Иисуса. С другой стороны, Микеланджело, Бах, Рембрант, строители соборов и многие подобные люди посвящали лучшие из своих творений "единственно славе Господа". С момента вознесения влияние Бога на земле возросло. Я не вижу смысла в выравнивании шкалы весов, на одной чаше которых находятся неудачи церкви, а на другой ее успехи. Заключительное слово будет произнесено на собственном суде Бога. Первые главы Апокалипсиса показывают как реалистично отношение Бога к церкви, и все же в других местах Новый Завет проясняет

то, что Богу нравится в нас: мы суть "особые сокровища", "приятный аромат", "дары, коими он радуется". Я не могу отрицать подобное утверждение, я могу его только принять на веру. Только Бог знает, что доставляет удовольствие Богу.

Во вторых, Иисус принимает на себя полную ответственность за те части, из которых состоит его тело. "Не вы Меня избрали, а Я вас избрал", - сказал он своим ученикам, и именно они, так восхищавшиеся им, вскоре покинули его в час его величайшей нужды. Мне вспоминается Петр, чье хвастовство, любовь, горячий темперамент, страсть, которой он не находил должного применения, малодушное предательство демонстрируют в зачаточной форме девятнадцать веков церковной истории. На таких "камнях", как он, Иисус строил свою церковь, и он обещал, что врата ада не одолеют ее. (Чарльз Уильямс пишет, что Иисус "по видимому, судя по комментариям религиозных лидеров его времени, никогда не надеялся на церковных чиновников. Самое большее, что он сделал, это дал обещание, что врата ада не одержат победы. Эти слова были сказаны о том, что при взгляде на историю церкви, может показаться невыполненным".)

Я обретаю надежду, когда наблюдаю за Иисусом вместе с его учениками. Они никогда не разочаровывали его больше, чем в ночь предательства Иуды. Однако, Иоанн говорит, что Иисус "до конца возлюбил их" и что он вверил им свое царство.

Наконец, проблема церкви не отличается от проблемы каждого отдельно взятого христианина. Как может простой набор мужчин и женщин составлять тело Христа? Я отвечаю на это другим вопросом:

Как может грешный человек, например я сам, быть принят как Сын Божий? Одно чудо делает возможным другое.

Я напоминаю себе, что возвышенные слова апостола Павла о невесте Христовой и о храме Божиим были обращены к насквозь лживым индивидуалистам в таких местах, как Коринф. "Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам", - писал Павел в одном из самых точных утверждений, которые когда-либо были произнесены.

Романист Фленнери О'Коннор, которого никак нельзя обвинить в приукрашивании человеческих недостатков, однажды ответил на письмо читателя, который жаловался на положение церкви. "Мне кажется, что все ваше неудовлетворение церковью исходит из неполного понимания греха", - начал О'Коннор:

... то, чего вы, по всей видимости, в действительности требуете, это то, чтобы церковь основала царствие небесное на земле прямо сейчас, чтобы Святой Дух сразу же сошел на все плотское. Святой Дух редко являет Себя на поверхности чего-либо. Вы требуете того, чтобы человек в один момент вернулся в то состояние, в каком его создал Бог, вы упускаете из вида ужасную радикальную человеческую гордость, которая является причиной смерти. Христос был распят на земле, а церковь распята во времени... фундаментом церкви является Петр, который отрекся от Христа трижды и который сам не мог пройти по воде. Вы ожидаете от его последователей, что они будут ходить по воде. Вся человеческая природа решительно отвергает благодать, поскольку благодать преображает нас, и это преображение связано со страданием. Священники сопротивляются этому также, как и все остальные. Требовать от церкви того, чтобы она была тем, чем вы хотите ее видеть, значило бы навязчиво требовать от Бога постоянного чудесного вмешательства в человеческие дела...

В двух запоминающихся фразах О'Коннор выразил тот выбор, перед которым стоял Бог, глядя на человеческую историю: проявить себя в "постоянном чудесном вмешательстве в человеческие дела", или позволить "распинать себя во времени", как его Сын был распят на земле. За небольшим количеством исключений Бог, чьей природой является любовь как таковая, выбрал второй вариант. Христос носит раны церкви, его тела, также как он носил раны распятия. Иногда я задумываюсь над тем, какие раны причиняли ему больше страданий.

Глава 13 Царство: зерно среди плевел

Человеческая комедия недостаточно увлекает меня. Я не полностью принадлежу этому миру... Я из другого мира. И этот мир стоит поискать за стенами. Но где он?

Эжен Ионеско

Каждую осень, когда я был маленьким, церковь, которую я посещал, финансировала проведение конференции по вопросам популяризации Священного Писания. Седовласые мужчины, имевшие общенародное признание, предлагали свои проекты - вышитые простыни с изображениями бестий и воинств Судного дня - и рассуждали о "последних днях" мира, в котором мы живем.

Я со страхом и интересом смотрел, как они проводят прямую линию от точки южнее Москвы до Иерусалима и набрасывают передвижения многомиллионных армий, которые скоро двинутся на Израиль. Я услышал о том, что десять членов Общеввропейского Рынка уже привели в исполнение пророчество Даниила о звере с десятью рогами. Скоро все мы будем носить номер, отпечатанный у нас на лбу, знак зверя, и будем зарегистрированы в компьютере где-нибудь в Бельгии. Разразится ядерная война, и планета будет балансировать на грани уничтожения, пока в последнюю секунду не вернется Иисус собственной персоной и не возглавит армию справедливости. Этот сценарий больше не кажется похожим на правду теперь, когда Россия распалась, а Общий Рынок (теперь Европейский Союз) включает в себя более десяти членов. Что меня, однако, удивляет, это не столько точность предсказаний, сколько тот эмоциональный эффект, который они на меня оказывают. Я вырос одновременно запуганным и отчаянно оптимистичным человеком. В высшей школе я посещал курсы китайского языка, а мой брат изучал русский язык, для того, чтобы один из нас мог (мы могли) общаться с обеими армиями захватчиков. Мой дядя пошел дальше, собрав свою семью и переехав в Австралию. Но посреди всего этого ужаса мы не теряли надежды: хоть я и чувствовал, что этому миру скоро придет конец, я никогда не отказывался от детской веры в то, что каким-то образом Иисус все равно победит.

Позднее, когда я читал историю церкви, я узнал, что и ранее - в течение первых десятилетий существования христианства, в конце десятого века, в последние годы тринадцатого века, во времена Наполеона, во время Первой Мировой войны, во время режима Гитлера и Муссолини в державах оси Берлин - Рим - часто всплывали на поверхность видения конца света. Также как недавно, в 1991 году, во время войны в Персидском заливе, Саддам Хусейн был заклеен как Антихрист, как новый провозвестник Апокалипсиса. Каждый раз христиане проходили страстный цикл страха, надежды, и неизбежного развенчания иллюзий. Конец света все равно не настал.

Я также узнал, что еврейский народ неоднократно проходил тот же самый цикл, который никогда не был более мучительным, чем в первом веке от Р.Х. В это время множество евреев ожидали появления Мессии, который поднимет их и освободит от гнета Рима, это была та надежда, которую в свое время разбудил человек из Назарета, не дав ей осуществиться. Чтобы понять Иисуса и ту миссию, которая осталась нам после его вознесения, мне необходимо снова вернуться в его собственное время, поместить себя самого в его время, послушать, что он говорит на тему, которую предпочитал всем другим: Царство Божие. То, что он говорил о Царстве Божием в первом веке, имеет прямое отношение ко мне в веке двадцатом.

Во времена Иисуса евреи размышляли над теми же самыми отрывками из Даниила и Иезекииля, которые позднее будут иметь такое большое значение на конференции по вопросам популяризации Священного Писания, которая проходила во времена моего детства. (Книжники, которые усердно

размышляли над ветхозаветными пророками, не распознали Иисуса как исполнение этих предсказаний. Не является ли тот факт, что они не распознали знаки первого пришествия, предупреждением тем, кто сегодня так уверенно провозглашает знамения Второго Пришествия?) Мы расходимся в некоторых деталях - Северная Европа в те времена была лесом, полным варваров, а не Общим Рынком. А Россия была неизвестна - однако наши видения Мессии совпали: мы ожидали героя-покорителя. Каждый, кто провозглашал: "Достигло до вас Царствие Божие", без сомнения будил в сознании своих слушателей образ политического лидера, который сможет поднять всех, востребовать с каждого и отразить нападение любой самой могущественной империи.

В таком окружении Иисус хорошо осознал взрывную силу слова Мессия. По оценке Уильяма Барклея (Баркли), "если бы Иисус публично провозгласил себя Мессией, ничто не предотвратило бы поток бесполезно пролитой крови". Хотя Иисус сам и не использовал этот титул, он не возражал, если другие называли его Мессией. Евангелия показывают постепенное озарение, сошедшее на его учеников, понявших, что их учитель был никто иной, как долгожданный Царь.

Иисус подкреплял эту веру, используя слово, которое заставляло чаще биться сердца людей. "Приблизилось Царство Небесное", - провозгласил он в самом первом своем обращении. Каждый раз, когда он говорил это, это слово пробуждало к жизни воспоминания: яркие знамена, великолепные армии, золото и слоновая кость времени Соломона, народ Израиля возрождался. То, что должно было произойти, говорил Иисус, не имело ничего общего с прошлым: "Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали". В другой ситуации он демонстративно заявил: "И вот, здесь больше Соломона".

Зелоты (Зилоты) находились в последних рядах аудитории Иисуса, вооруженные и хорошо организованные молодцы, рвущиеся на бой с Римом, но, к их вящему разочарованию, сигнал к началу мятежа так и не поступил. Через некоторое время манера поведения Иисуса разочаровала всех, кто видел в нем лидера в традиционном понимании этого слова. Он имел обыкновение скорее избегать больших скопищ народа, чем тяготеть к ним. Он пробудил память о величии Израиля, сравнив царя Соломона с обыкновенной лилией. Однажды толпа попыталась короновать его силой, но он загадочно удалился. А когда Петр, в конечном итоге, поднял меч в его защиту, Иисус исцелил раны жертвы.

К ужасу толпы стало ясно, что Иисус говорил о совершенно другом царстве. Евреи хотели того, чего люди всегда хотят от царства осязаемого: курицу в каждый горшок, отсутствие безработицы, сильную армию для защиты от захватчиков. Иисус провозгласил царство, которое подразумевало самоотречение, крест, отказ от богатства и даже любовь к своим врагам. Когда он закончил свою речь, толпу постигло полное разочарование.

К тому времени, когда Иисус был пригвожден к двум деревянным балкам, все потеряли надежду и отступились. Ученые сообщают, что евреи первого века н. э. не знали образа страдающего Мессии. Также и для Двенадцати, независимо от того, как часто и как доступно Иисус предупреждал их о своей грядущей смерти, этот образ так и не стал понятным. Никто не мог представить себе, что Мессия умрет.

Слово Царство имело одно значение для Иисуса и совсем другое для толпы. Иисус был отвергнут по большей части потому, что он не соответствовал национальному пониманию того, как должен выглядеть Миссия.

Один вопрос долго не давал мне покоя. Почему Иисус, зная об их ожиданиях, продолжал поддерживать надежды своих последователей словом Царство? (Только в Евангелии от Матфея это слово встречается тридцать пять раз). Он продолжал ассоциировать себя с понятием, которое, по-видимому, понималось всеми по-своему. Что Иисус имел в виду под Царством Божиим?

По иронии судьбы, тот, кто так обманул ожидания своего народа, стал известен в мировой истории как Царь - настолько известен, что форма этого слова стала его "фамилией". Слово Христос по-гречески означает перевод с еврейского слова Мессия, которое, в свою очередь, означает помазанник и восходит к

древнему способу коронации царей. Теперь все мы, называющие себя христианами, несем отголосок того слова, которое так разочаровывало современников Иисуса. Интересно, понимаем ли мы Царство Божие хоть сколько-нибудь лучше?

Иисус никогда не предлагал четкого определения Царства; вместо этого он представлял свое видение Царства опосредованно через ряд историй. Выбор образов, сделанный им, говорит сам за себя: повседневные зарисовки из жизни крестьян, рыбаков, женщины, пекущие хлеб, купцы, покупающие жемчуг.

Царство Небесное подобно крестьянину, идущему засеивать свое поле. Каждый крестьянин знает, что не все посеянные зерна дадут урожай. Некоторые упадут на каменистые почву, некоторые будут склеваны птицами и съедены полевыми мышами, некоторые будут забиты сорняками. Все это кажется естественным для крестьянина, но звучит как ересь для основателя государства, как мы его обычно понимаем. Разве царей оценивают не по их силе, не по их способности навязывать свою волю народу, не по их умению бороться с врагами? Иисус указывал на то, что Царство Божие не обладает неодолимой силой. Оно основано на смирении и скромности и сосуществует со злом - слова, которые, без сомнения, доставили мало удовольствия патриотически-настроенным евреям, целью которых было восстание.

Если мы рассмотрим горчичное семя, семя настолько маленькое, что оно может упасть в землю и лежать незамеченным ни людьми, ни птицами. С течением времени, однако, из этого семени вырастает куст, превосходящий по своим размерам все остальные растения в саду, куст такой большой и пышный, что птицы прилетают к нему и выют свои гнезда в его ветвях. Царство Божие устроено примерно так же. Поначалу оно настолько мало, что люди насмеются над ним и считают, что у него нет ни малейшего шанса на успех. Но, несмотря на все это, Царство Божие разрастется и раскинет свои ветви по всему миру, укрывая в своей тени больных, бедных, заключенных, отвергнутых любовью.

Царство Божие подобно бизнесмену, который специализируется на редких украшениях. Однажды он находит жемчужину настолько прекрасную, что она достойна вызвать зависть принцессы. Поняв ее ценность, он отказывается от всего своего дела, чтобы купить ее. Хотя эта покупка стоит ему всего, что он имеет, он ни на секунду не жалеет об этом. Он совершает сделку с радостью, как главное достижение своей жизни. Это сокровище переживет его, просуществовав еще долгое время после того, как его имя исчезнет. Царство Божие устроено примерно также. Жертва - отрекись от себя, возьми свой крест - оказывается умным вложением, то, что оно принесет, не огорчает, а несказанно радует.

Это те истории, которые рассказывал Иисус. Однако, когда я рассматриваю притчи о Царстве, я понимаю, как сильно мое собственное понимание отделилось от этих примитивных образов. Обычно я представляю себе такое же, царство, какое представляли себе евреи: осязаемое, могущественное. Я думаю о Константине, возглавляющем свои войска, о крестах, сверкающих на латах его солдат, с девизом "С этим знаменем победа" ("Сим победим"). Я думаю об армиях, марширующих по простыням с той конференции по популяризации Священного Писания. Очевидно, мне необходимо снова услышать, как Иисус описывает Царство Божие.

Те из нас, кто живет в двадцатом столетии, в эре, которая почти не знает настоящих "царей", рассуждают о царствах с позиции силы и антагонизма. Мы дети революции. Два века назад в Соединенных Штатах и Франции угнетенные восстали и свергли правящие силы.

Позднее в таких странах, как Россия и Китай, марксисты возглавили восстания под знаменем идеологии, которая затем стала своего рода религией: они действительно начали представлять историю как результат классовой борьбы, или как диалектический материализм. "Трудящиеся, объединяйтесь! Сбросьте свои цепи!" (?????) "Пролетарии всех стран соединяйтесь! Нам нечего терять кроме

собственных цепей!" (Последние слова манифеста)) - восклицал Маркс, и так они и поступали в течение большей части нашего столетия.

Некоторое время я пытался читать Евангелия глазами теологии освобождения. Я вынужден был прийти к выводу, что Царство Божие может означать что угодно, но только не в коем случае не призыв к насильственной революции. Евреи первого века нашей эры без сомнения желали такого переворота. Лозунги были ясны: угнетенные евреи свергают плохих римлян - язычников, которые собирали налоги, торговали рабами, управляли религией, искореняли сектантство. Под давлением этих обстоятельств zeloty бросили клич, очень похожий на лозунг Маркса: "Евреи объединяйтесь! Сбросьте свои цепи!" Но весть Иисуса о царстве имела мало общего с политикой антагонизма.

Насколько я понял Евангелия, Иисус, похоже, провозглашал двоякую весть. Для угнетателей он находил слова предупреждения и осуждения. Он относился к исполнительной власти с легким презрением, называя Ирода "эта лисица" (еврейское выражение, описывающее бесполезного или незначительного человека) и соглашался с тем, что нужно платить церковную подать, "чтобы нам не соблазнить их". Он не придавал большого значения политике; это скорее власти пытались уничтожить его.

Угнетенным, составлявшим его основную аудиторию он предлагал весть об утешении и воздаянии. Он называл бедных и гонимых "блаженными". Он никогда не призывал угнетенных восстать и сбросить свои цепи. В таких выражениях, которые, должно быть, шокировали zeloty, он призывал: "Любите врагов ваших". Он взывал к другому виду силы: к силе любви, а не к физической силе.

Люди, которые воспринимали Иисуса как своего спасителя в политическом плане, были постоянно сбиты с толку тем, как он выбирал своих спутников. Он получил известность как покровитель сборщиков налогов, той группы людей, которая четко идентифицировалась с иноземными эксплуататорами, а не с теми, кого они эксплуатировали. Хотя он и отвергал религиозную систему, существовавшую в его дни, он с уважением относился к таким лидерам, как Никодим, и, хотя он высказывался об опасности, которую несет власть денег и насилия, он выказывал любовь и сострадание по отношению к молодому богатому правителю и римскому центуриону.

Короче говоря, Иисус уважал достоинство человека независимо от того, был он с ним согласен или нет. Он не собирался основывать свое царство на базе расовых, или классовых, или иных различий. Любой, даже полукровка, имевшая пять мужей или вор, умирающий на кресте, могли войти в его царствие. Личность была важнее, чем любая категория или ярлык.

Я чувствую вину, вспоминая об этом качестве личности Иисуса, когда участвую в каком-либо деле, в которое сильно верю. Как легко присоединится к политике антагонизма и оказаться в рядах пикетчиков, кричащих на "врагов", стоящих по другую сторону. Как трудно вспомнить, что Царство Божие призывает меня любить женщину, которая только что выписалась из клиники, занимающейся абортными (и конечно же ее врача), неразборчивого человека, который умирает от СПИДа, богатого землевладельца, который эксплуатирует Божие творение. Если я не чувствую любви к таким людям, тогда я должен спросить себя, правильно ли я понял Евангелие Иисуса.

Политическое движение, следуя своей природе, начинает проводить границы, устанавливая различия и творить суд; любовь Иисуса, напротив, нарушает границы, преодолевает различия и дарит благодать. В независимости от преимуществ поставленной цели - будь то сторонники существующих порядков из числа правых или сторонники мира и справедливости из числа левых - политическое движение рискует облачиться в мантию силы, которая задушит любовь. У Иисуса я научился истине, гласящей, что, в какое бы движение я не был втянут, это движение не должно отвергать любовь и гуманность, в противном случае я предаю Царствие Небесное.

Если у меня появляется искушение рассматривать Царство Божие как еще одну силовую структуру, мне достаточно обратиться к строкам, описывающей события, произошедшие в Иерусалиме, к сцене которая сводит вместе оба царства в резком противопоставлении. Тогда, в этот кульминационный день, правители "царства этого мира" столкнулись с Иисусом и его царством лицом к лицу.

Два царя, Ирод и Иисус олицетворяли совершенно разную силу. У Ирода были в распоряжении легионы римских солдат, чтобы навязывать свою волю, и история показывает, как Ирод использовал эту силу: он похитил жену у своего брата, запер в темнице всех недовольных, обезглавил Иоанна Крестителя в качестве развлечения на одной из вечеринок. Иисус также обладал силой, но он использовал ее с состраданием, чтобы накормить голодных и исцелить больных. У Ирода была корона, дворцы, стража и все видимые атрибуты власти. У Иисуса событием, наиболее похожим на формальную коронацию, или "помазание" Мессии, была неловкая сцена, когда женщина с сомнительной репутацией вылила ему на голову благовония. Титул "еврейский Царь" ("Царь Иудейский"?????) использовался по отношению к нему как к преступнику. Его "корона", сделанная из терний, была просто еще одним источником страдания. И хотя он мог позвать на помощь легион ангелов, он отказался от этого.

Есть закономерность в том, что Иисус отказался от применения принудительной силы. Он сознательно допустил предательство одного из своих учеников, и затем без сопротивления предал себя в руки людей, пришедших схватить его. Меня никогда не переставляло удивлять, что христиане связывают свои надежды с человеком, чье учение и любовь были с презрением отвергнуты, с человеком, который был заклеен как преступник и подвергнут самому позорному наказанию.

Если даже не брать пример Иисуса, многие из его последователей оказались неспособными встать на путь Иисуса и избрали сторону Ирода. Крестоносцы, покорявшие Ближний Восток, конкистадоры (конкистадоры), обращавшие Новый мир в веру при помощи меча, христианские исследователи Африки, принимавшие участие в работорговле - мы все еще находимся в состоянии остаточного шока после их ошибок. История показывает, что когда церковь замахивается на мировое царствование, она перестает быть действенной или становится тираничной, как и другие структуры власти. И когда бы церковь ни сотрудничала со светской властью (Священная Римская Империя, Кромвельская Англия, Женева времен Кальвина), проявления веры также от этого страдают. По иронии судьбы, мир уважает нас прямо пропорционально тому, насколько решительно мы пытаемся подчинить других и навязать им свою точку зрения.

Агнцы (Овцы) среди волков, маленькое семя в саду, закваска в хлебных дрожжах, соль в мясе: метафоры самого Иисуса описывают царство как "секретную силу", воздействие которой происходит изнутри. Он ни слова не говорил о том, что церковь должна триумфально делить власть с государством. Царство Божие начинает быть таковым как движение меньшинства, в противоположность царствам этого мира. Когда царство перерастает свои рамки, его природа меняется.

По этой причине я должен добавить одну вещь, имеющую косвенное отношение к нашей теме: у меня вызывают беспокойство недавние распри из-за власти между американскими христианами, которые, кажется, все больше и больше сосредотачивают свое внимание на политических средствах. Когда-то христиан презирали и насмехались над ними; теперь их судит каждый не лишенный сообразительности политик. Евангелисты особенно ассоциируются с определенными политическими структурами, ассоциируются настолько, что средства массовой информации используют в качестве синонимов понятия "евангелический" и "религиозно правый". Если я формулирую свой вопрос более строго: "Что такое евангелический христианин?", то получаю в качестве ответа примерно следующее: "Это тот, кто поддерживает семейные устои и является противником прав гомосексуалистов и аборт".

Это часто тревожит меня, потому что Евангелие не имело своей основной задачей создание политической платформы. Проблемы, с которыми имеют дело христиане в нашей мирской жизни, должны находить свое решение, своего адресата и свой закон, и демократия дает христианам все права

самовыражения. Но мы не должны связывать все наши надежды с этим миром, отворачиваясь от нашей основной задачи - познакомить людей с другим царством, основанном исключительно на благодати Бога и его всепрощении. Утверждение законов, которые закрепили бы за моралью обязательную функцию противостояния злу, никогда не решит человеческих проблем. Если через сто лет все историки смогут сказать о евангелистах 90-х годов нашего века только то, что они отстаивали семейные ценности, это будет значить, что нам не удалось закончить миссию, переданную нам Иисусом: обратить умиротворяющую любовь Господа на грешников.

Иисус не говорил: "Все будут узнавать в вас моих учеников... стоит вам только установить законы, бороться с безнравственностью и вернуть должную благопристойность в лоно семьи и правящим органам", скорее он говорил: "...если будете иметь любовь между собою". Он произнес это в ночь накануне своей смерти, в ночь, когда человеческая власть в лице власти Рима и духовной власти евреев, столкнулась лицом к лицу с властью Бога. На протяжении всей его жизни Иисуса втягивали в "культурные войны" против косных религиозных структур и империи язычников, однако его ответ состоял в том, что он отдал свою жизнь за тех, кто ему противостоял. На кресте он простил их. Прежде всего, он пришел для того, чтобы принести любовь: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную".

Когда римский правитель Пилат спросил Иисуса без обиняков, не является ли он царем евреев (????Иудеев), тот ответил: "Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда". Преданность потустороннему царству придавала мужества и христианским мученикам, которые с того момента, как умер их учитель. Отрицали все царства этого мира. Не имевшие другого оружия, верующие обратили этот текст против своих римских угнетателей в Колизее, Толстой использовал его, чтобы подорвать царскую власть, а отстаивающие гражданские права обращались к нему, чтобы бросить вызов законам апартеида на юге Соединенных Штатов и в Южной Африке. Речь идет о правлении. При котором не существует границ - а иногда и законов - нации и империи.

В другой раз фарисеи спросили Иисуса, когда наступит Царство Божие. Он ответил: "Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть".

Ясно, что Царство Божие оперирует сводом правил, отличных от тех, на которых зиждется любое земное царство. Царство Божие не имеет географических границ, не имеет столицы, здания парламента и атрибутов королевской власти, которые вы можете видеть в нашем мире. Его последователи живут прямо среди своих врагов, не отделяясь от них оградой или стеной. Оно существует и ширится внутри человека.

Поэтому те из нас, кто следует за Иисусом, имеют что-то вроде двойного гражданства. Мы живем во внешнем царстве семьи, городов, народа, принадлежа в то же самое время к Царству Божию. В своих словах "отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу". Иисус подчеркнул основной вывод, к которому должно было прийти. Для ранних христиан принадлежность к Царствию Божию очень часто означала фатальное противоборство с осязаемым царством Кесаря. Историк Уилл Дьюрэнт, в книге История цивилизации, приходит к следующему выводу:

Человечество не знает большей драмы, чем судьба горстки христиан, осмеянных и угнетенных целой плеядой императоров, переносящих все мучения с яростной стойкостью, спокойно размножившихся, пытавшихся привести в жизнь порядок в то время, как их враги привносили в нее хаос, отвечавших словом на меч, надеждой на грубость, и наконец свергнувших гнет самого могущественного государства, которое когда-либо знала человеческая история. Кесарь и Христос оказались друг против друга на арене амфитеатра, и Христос победил.

Мы были свидетелями отчаянных столкновений церкви с земными царствами и в наше время. В коммунистических странах - Албании, Советском Союзе, Китае - правительство вынудило церковь уйти в подполье настолько, что та, практически буквально, стала невидимой. Так, например, во время волны преследований в 1960 - 1970-е годы верующих христиан в Китае хватали, бросали в тюрьмы, пытали, и местные власти запрещали почти всю религиозную деятельность. Однако, несмотря на эти притеснения со стороны правительства, духовное возрождение, прорвавшееся наружу, стало едва ли не самым значительным в истории церкви. Около пятидесяти миллионов верующих обратились к невидимому Царству, хотя в царстве этого мира им приходилось за это страдать.

Действительно, проблемы, кажется, возникают тогда, когда церковь становится слишком экспансивной, уютно устроившись под крылышком правительства. Как сказал один представитель американской законодательной власти после своего визита в Китай: "Я уверен в том, что в отношении аполитической сущности китайской подпольной церкви мы должны помнить слово осторожность. Они пылко молятся за своих лидеров, но сохраняют осторожную независимость. Наше преимущество в том, что мы живем в демократическом обществе, но, проработав в американской политической сфере уже практически десять лет, я видел не одного верующего христианина, который просит в своих молитвах о земной похлебке. Мы должны постоянно задавать себе вопрос: что является нашей первоочередной задачей: требовать смены правительства или попытаться понять, как меняются люди во Христе независимо оттого, входят они в состав правительства или нет".

Перефразируя этот вопрос, я спрашиваю, является ли нашей первоочередной целью изменить внешнее политическое царство или следовать трансцендентному Царству Божию? В таких государствах, как Соединенные Штаты, эти две возможности легко перепутываются.

Я вырос в церкви, которая гордо ставила свой "христианский флаг" в один ряд со звездами и Полосами, и мы чувствовали приверженность к ним обоим. Люди применяли к Соединенным Штатам пассажи из Ветхого Завета, которые очевидно относились к тому времени, когда дела Господа проявлялись тут и там в земном царстве, в народе Израиля. Например, я часто слышу, как в качестве формулы национального возрождения цитируются следующие слова: "И смирится народ Мой, который именуется именем Моим, и будут молиться, и взыщут лица Моего, и обратятся от худых путей своих, то я услышу с неба и прощу грехи их и исцелю землю их". В общем и целом, этот принцип, конечно, может быть применим, но специфика этого обещания. Данного Богом народу в том, что оно является частью соглашения между Богом и древними евреями; это соглашение было скреплено освящением храма Соломонова, места, где Бог мог жить на земле. Есть ли у нас повод для того, чтобы утверждать, что Господь заключил подобное соглашение и Соединенными Штатами?

Действительно, есть ли хотя бы намек на то, что Бог относится к Соединенным Штатам или к какой-нибудь другой стране как к реально существующей в качестве нации? Иисус рассказывал свои притчи о Царствии отчасти для того, чтобы опровергнуть подобные националистические замечания. Господь являет себя прежде всего не в нации, а в царстве, которое обращено к нациям из другого мира.

Когда я теперь размышляю над историями, рассказанными Иисусом о царстве, я чувствую, что многие трудности у сегодняшних христиан проистекают из смешения этих двух царств, осязаемого и неосязаемого. Каждый раз, когда проходят выборы, христиане спорят по поводу того, не является ли тот или другой кандидат "божьим человеком" в Белом Доме. Мысленно переносясь назад, во времена Иисуса, я с трудом могу представить себе, чтобы он размышлял над тем, не является ли Тиберий, Октавий или Юлий Цезарь "божьим человеком" в империи. Римские политики не имели никакого отношения к Царству Божию.

Сегодня, когда в Соединенных Штатах церковь заметно ограничивается в правах, оказывается, что церковь и государство являются лидерами в разных сферах. Чем больше я осмысливаю для себя слова Иисуса о Царствии Божием, тем меньше я беспокоюсь за эту тенденцию. Наша истинная задача, на

которой должна сконцентрироваться наша энергия, не в христианизации Соединенных Штатов (уже проигранное сражение), а стремление к Царствию Божию в мире, который становится все более враждебным. Как сказал Карл Барт: "[Церковь] существует ... для того, чтобы дать миру новое знамение, которое радикально отличается от того, как живет [мир] и которое противопоставляет ему свой мир, полный обещаний".

Смешно, но если Соединенные Штаты действительно скатываются вниз по скользкому склону нравственности, то, может быть, стоит позволить церкви - как это было в Риме и в Китае - дать "новое знамение ... полное обещаний". Я должен признать, что я бы предпочел жить в стране, где большинство людей следует Десяти Заповедям, обходятся друг с другом как граждане одной страны и раз в день склоняют свои головы в умиротворенной, а не партизанской молитве. Я чувствую некоторую ностальгию по тому климату. Который существовал в обществе 1950-х годов, в котором я рос. Но если эту атмосферу уже не вернуть, я не буду из-за этого убиваться. Пока Америка скользит, я буду работать и молиться за то, что бы мы обрели Царство Божие. Если врата ада не одолеют церковь, современная политическая сцена едва ли представляет собой серьезную угрозу.

В Штутгарте, в Германии, в 1933 году Мартин Бубер дискутировал с одним исследователем Нового Завета по поводу того, почему он, еврей. Восхищавшийся Иисусом, не может, тем не менее, принять его. Христианам поведение евреев, беспрестанно ждущих появления Мессии, кажется пустым упрямством. Почему не признать Иисуса Мессией? "Церковь основывается на своей вере в то, что Христос пришел, и что в этом заключается раскаяние, дарованное Господом человеческому роду. Мы в Израиле неспособны в это поверить... Мы обладаем более глубоким, более истинным знанием о том, что мир не был возвращен к своим основаниям - что мир не получил отпущения грехов. Мы чувствуем его непрощенность". Классическая фраза Бубера получила мучительное подтверждение в следующие несколько лет, поскольку в 1933 году Адольф Гитлер пришел к власти в Германии, рассеяв последние сомнения по поводу того, получил ли мир прощение. Как мог настоящий Мессия допустить, чтобы этот мир продолжал свое существование?

Единственное возможное объяснение заключается в учении Иисуса о том, что Царствие Божие неоднозначно. Оно значит "сейчас" и оно значит "еще нет", настоящее, но также и будущее. Иногда Иисус делал акцент на настоящем, когда говорил, что царство "в руках" или "внутри вас". Но случалось, что он намекал на то, что царство лежит в будущем, когда учил учеников молитве: "Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле как на небе". Мартин Бубер совершенно прав, отмечая, что воля Божия, очевидно, будет исполнена не на земле, а на небесах. Очень многие важные аспекты указывают на то, что царство еще не наступило полностью.

Возможно, что сам Иисус согласился бы с той оценкой. Которую дает состоянию нашего мира Бубер. "В мире будете иметь скорбь", - сказал он своим ученикам. И предупреждал также о грядущих бедствиях: "Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец". Существование зла гарантирует, что история будет исполнена борьбы, и что мир останется непрощенным. Какой-то период времени Царство Божие должно существовать в рамках активного восстания против Господа. Царство Божие наступает постепенно, незаметно, подобно секретному силовой операции по вторжению на территорию царства, управляемого Сатаной. как это выразил К.С.Льюис,

Зачем Бог, замаскировавшись, высаживается в этом оккупированном врагами мире, и начинает организацию тайного общества, чтобы победить дьявола? Почему Он не приходит в силу, как завоеватель? Не потому ли, что Он недостаточно силен? Положим, христиане думаю, что Он собирается появиться в силе; мы не знаем, когда. Но мы можем угадать, почему Он медлит: Он хочет дать нам шанс

встать на Его сторону по своей воле... Бог придет. Но мне интересно, вполне ли понимают те люди, которые просят Бога вмешаться открыто и прямо в дела нашего мира, как это будет выглядеть, когда Он явится. Когда это произойдет, это будет концом мира. Когда автор выходит на сцену, пьеса окончена.

Самые преданные ученики Иисуса с трудом воспринимали это двойное видение Царства Божия. После его смерти и воскресения, когда они наконец поняли, что Мессия приходил не как царь победитель, но окутанный человечностью и слабостью, даже тогда одна мысль не давала им покоя: "Не в сие ли время, Господи, восстанавлишь Ты царство Израилю?" Без сомнения, они думали об осязаемом царстве, которое придет на смену римской власти. Иисус отмел все вопросы и приказал им нести его слово до конца мира. Это произошло в тот момент, когда, к их огромному удивлению, он исчез из вида, и когда, некоторое время спустя, ангелы объяснили им: "Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо". Тот тип царства, о котором они мечтали, конечно, должен будет наступить, но не сейчас.

Признаюсь, что много лет я избегал мысли о Втором Пришествии Иисуса - отчасти, я уверен, это было реакцией на манию пророчеств, существовавшую в церкви моего детства. Доктрина казалась странной, нечто вроде разговоров, которые привлекали людей, верящих в летающие тарелки. Я по-прежнему не уверен в том, как должны выглядеть детали Второго Пришествия, но теперь я воспринимаю его как необходимую кульминацию Царства Божия. Если дело доходит до того, что церковь теряет веру в возвращение Христа и довольствуется тем, что она удобно устроилась в этом мире, вместо того, чтобы находиться на службе у Царства из другого мира, то мы рискуем потерять веру во всемогущего Бога.

Бог поставил на кон свою репутацию. Новый Завет указывает на время, когда "пред именем Иисуса преклонилось всякое колено... и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца". По всей видимости, этого еще не произошло. Несколько десятилетий после Пасхи Апостол Павел говорил о том, что все творение Божие стонет, рождая в муках еще не осознанное им искупление. Первое пришествие Иисуса не решило проблем планеты земля, а, скорее, принесло видение Царства Божия, чтобы помочь разрушить чары заблуждения, охватившие землю.

Только во время второго пришествия Христа, Царство Божие проявится во всей его полноте. Тем временем мы работаем для лучшего будущего, постоянно оглядываясь на Евангелия, как на образец того, что нас ждет в будущем. Юрген Мольтман заметил, что фраза "День Господа" в Ветхом Завете вызывала страх, а в Новом Завете она вызывает доверие, потому что эти авторы познали самого Господа, которому принадлежал этот день. Теперь они знали, чего ожидать.

Когда Иисус жил на земле, он возвращал слепым зрение, а парализованным способность ходить. Он вернется, чтобы править царством, в котором не будет болезней или немощи. На земле он умер и воскрес; с его возвращением смерть перестанет существовать. На земле он изгонял демонов; вернувшись, он победит Врага Человеческого. На земле он родился в виде младенца в яслях; он вернется в ослепительном образе, описанном в книге Апокалипсиса. Царство, которое он основал на земле, не было окончено, это было только началом конца.

Действительно, Царствие Божие будет разрастаться на земле, как церковь создает альтернативное общество, чтобы показать, чем мир не является, но однажды придет день: Барт описал его как "новое знамение, которое решительно непохоже на образ, в котором существует мир, и которое противопоставляет ему свой мир, полный надежды". Общество, которое приветствует людей всех рас и всех социальных классов, отличительной чертой которого является любовь, а не противостояние, которое заботится в первую очередь о своих слабейших членах, которое стоит на страже справедливости и праведности в мире, полном себялюбия и упадка, общества, члены которого соревнуются за привилегию служить друг другу - это то, что Иисус подразумевал под Царствием Божиим. Четыре Всадника из Апокалипсиса предсказывают, чем закончится мир: войной, голодом, болезнями и смертью. Но Иисус лично предсказал как мир будет возрожден, опровергнув Четырех Всадников: он приносил мир, утолял

голод, исцелял больных и воскрешал мертвых. Он придал силу вести о Царствии Божиим, живя по его законам, делая его реальным для людей вокруг него. Сказочные предсказания пророков о мире, свободном от страдания, слез и смерти относились не к мифическому миру, а, скорее, к этому миру.

Мы, последователи Иисуса, остались в церкви один на один с миссией нести знамения Царства Божия, и мир, наблюдающий за нами, будет судить по нам о недостатках царства. Мы живем в переходное время - переход от смерти к жизни, от человеческой несправедливости к божественной справедливости, от старого к новому - печальные незавершенность проявляется временами то там, то здесь, давая ключ к разгадке того, что Бог однажды явит в совершенстве. Империя Бога вторгается в мир, и мы можем стать ее герольдами.

Глава 14 Произшедшая перемена

Другие боги были мощь; Ты был любовь;
Они в седле, а Ты же шел к престолу Своему;
Но к нашим ранам лишь Твои зывают вновь и вновь,
Средь всех богов боль не известна никому.
Эдвард Шилито.

Скот Пек пишет, что сначала он воспринял Евангелие скептически, ожидая, что оно будет представлять из себя рассчитанные на публику записки авторов, которые искажали факты и писали приукрашенные биографии Иисуса. Сами Евангелия быстро опровергли это его предположение.

Я был совершенно поражен необычайной реальностью человека, которого я нашел в Евангелиях. Я увидел человека, который почти все время находился в состоянии депрессии. Его депрессия ощущается чуть ли не на каждой странице: "Что мне сказать вам? Сколько раз мне повторять вам? Что мне сделать, чтобы достучаться до вас?" Я также увидел человека, который был временами печален, временами впадал в отчаяние, иногда был раздражен, иногда напуган... Человек, который был ужасно одинок, хотя зачастую страстно жаждал остаться один. Я увидел человека, который был столь невероятно реален, что никто не смог бы его выдумать. Тогда мне стало ясно, что, если бы создатели Евангелия работали на публику, добивались, как я предполагал, то тогда им пришлось бы создать такого Иисуса, которого до сих пор пытаются создать три четверти христиан... изображенного с вечной сладкой улыбкой на Его лице поглаживающим по голове маленьких детей, просто прогуливающимся по земле с абсолютной непоколебимой невозмутимостью... Но Иисус Евангелия - который, по-видимому, является самой страшной тайной христианства - не обладал душевным покоем, как мы его понимаем в нашей обычной жизни, и чем больше мы будем становиться его последователями, тем меньше будет оставаться в нас этого покоя.

Как мы можем познать этого "настоящего Иисуса", которого увидел Скот Пек? Я сознательно сделал попытку изобразить Иисуса "снизу", чтобы понять, насколько это мне доступно, каково это было присутствовать при тех необычайных событиях, которые разворачивались в Галилеи и Иудеи. Как и Скот Пек, я тоже поражен тем, что мне удалось выяснить.

Иконы православной церкви, витражи в европейских соборах и то, что рисуют в воскресных школах евангелической церкви в Америке - все это изображает в двухмерном пространстве мирного, "ручного" Иисуса, хотя Иисус, которого я встретил в Евангелиях, был каким угодно, только не ручным. Его пламенная честность делала его совершенно бестактным во многих ситуациях. Лишь немногие люди

чувствовали себя комфортно в его обществе; те, кому это удавалось, относились к тому сорту людей, с которыми комфортно не ощущал себя никто. Было чрезвычайно трудно предсказать его действия, припереть его к стенке, или даже просто понять.

В завершении моих поисков Иисуса у меня остается столь же много вопросов, как и ответов. Конечно же, мне не удалось сделать его полностью доступным, даже для себя самого, не говоря уже о других. Теперь у меня есть внутреннее предубеждение против любых попыток классификации Иисуса, попыток загнать его в какие-то рамки. Иисус абсолютно непохож ни на кого из когда-либо живших на земле людей. Это различие, говоря словами Чарльза Уильямса, различие между "тем, кто являет собой пример жизни, и тем, кто есть сама жизнь".

Чтобы подвести итог всему, что я узнал об Иисусе, я предлагаю ряд впечатлений. Они ни в коем случае не представляют собой полную картину, а являются фрагментами из жизни Иисуса, которые поразили меня, и, я надеюсь, никогда не перестанут меня поражать.

Безгрешный друг грешников. Когда Иисус сошел на землю, его узнали демоны, больные стремились к нему, и грешники умащали его ноги и голову благовониями. Между тем, он раздражал набожных евреев с их строгими представлениями о том, каким должен быть Бог. Их неприятие заставляет меня задуматься, смогут ли религиозные люди сегодня сделать обратное? Как мы могли увековечить образ Иисуса, который соответствует нашим собственным набожным ожиданиям, но не имеет ничего общего с личностью, столь живо изображенной в Евангелиях?

Иисус был другом грешников. Он охотнее покровительствовал униженному сборщику налогов, чем богобоязненному фарисею. Первый человек, которому он открыто представил себя, как Мессию, была самарянка женщина, у которой за плечами было пять неудачных браков, и которая в тот момент жила с очередным мужчиной. На последнем вздохе он простил разбойника, у которого не было ни малейших шансов на духовный рост. Однако сам Иисус не был грешником. "Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное", - учил он. Сами фарисеи напрасно искали доказательства того, что он нарушил закон Моисея. Да, он нарушил несколько их традиций, но, на формальном суде, учиненном над ним, единственным преступлением, которое ему инкриминировали, было то преступление, в котором он, в конце концов, сознался, его утверждение о том, что он Мессия.

Я с восхищением наблюдаю его беспрецедентное милосердие по отношению к грешникам и враждебность по отношению к греху, поскольку в истории церкви я часто наблюдаю прямо противоположное. На словах мы часто обещаем "ненавидеть грех, любя грешников", но живем ли мы сами по этому принципу?

Христианская церковь всегда находила пути для того, чтобы смягчить строгие слова Иисуса относительно морали. В течение трех веков христиане старались дословно воспринимать его заповедь "не противься злему", но, видимо, церковь разработала доктрину "просто войны" и "Святой войны". В разное время небольшие группы христиан следовали словам Иисуса о том, что нужно отказываться от богатства, но большинство из них жило на периферии зоны влияния богатой церковной организации. Сегодня многие из тех христиан, которые проклинают гомосексуальные меньшинства, которые Иисус не упоминал, нарушают его однозначные заповеди против развода. Мы по-прежнему переосмысливаем грех и меняем акценты.

В то же самое время официальная церковь тратит много энергии на то, чтобы противопоставить себя грешному внешнему миру. (Фраза вроде "большинство, живущее по законам морали" звучит как обращение к тому, кто уже включен в него) (????????????????). Я недавно посмотрел спектакль, основанный на историях, рассказанных группой поддержки людей, больных СПИДом. Директор театра сказал, что он решил поставить эту пьесу, услышав утверждение местного священника о том, что он

радовался каждый раз, когда отпевал холостого молодого человека, полагая, что каждая смерть является очередным знаменем Божьего гнева. Я чувствую возрастающий страх в связи с тем, что церковь воспринимается как враг грешников.

Слишком часто грешники чувствуют нелюбовь церкви, которая, в свою очередь, продолжает перекраивать свое определение греха - полная противоположность пример Иисуса. Что-то не заладилось.

В одной из своих ранних книг, Стыд, Салман Рашид сказал, что истинная битва в истории разыгрывается не между богатыми и бедными, социалистами и капиталистами, или черными и белыми, а между теми, кого он назвал эпикурейцами и пуританами. Общественный маятник качается между теми, кто говорит "все позволено" и теми, кто говорит "о нет, ты не должен": Реставрация против Кромвеля, Эй Си Эл Ю против религиозного права, современные сторонники отделения церкви от государства против исламских фундаменталистов (????????????????????). Словно доказывая эту точку зрения, вскоре после этого Иран пообещал вознаграждение в размере миллиона долларов. Он нарушил табу.

История знает множество примеров как законничества, так и упадка. Но как можно придерживаться высоких образцов моральной чистоты, будучи в то же время милосердным по отношению к тому, для кого эта планка слишком высока? Как можно принять грешника, не поощряя греха? Христианская история практически не знает воплощения того образца, который создал Иисус.

Изучая жизнь Иисуса, я также прочитал несколько основательных работ по первым трем векам существования христианской веры. Ранняя церковь имела хорошее начало, воздавая должное моральной чистоте. Те, кто претендовал на крещение, должны были пройти через долгие инструкции, и церковная дисциплина ревностно соблюдалась. Периодическое преследование римскими императорами способствовало тому, что церковь очистилась от "равнодушных" христиан. Однако даже языческие наблюдатели находились под впечатлением того, как христиане протягивали руку помощи другим, заботясь об угнетенных и посвящая себя бедным и больным. Глобальное изменение было принесено императором Константином, который первым закрепил за христианством официальный статус, сделал его религией, находящейся под патронатом государства. В то время, когда началось его правление, вера, казалось, переживала свой величайший триумф, поскольку император использовал государственную казну, чтобы строить церкви и спонсировал теологические конференции, а не преследовал христиан. Увы, за этот триумф пришлось заплатить: два царства смешались. Государство стало назначать епископов и других духовных лиц, и, вскоре возникла иерархия, которая четко отражала (?копировала) иерархию самой империи. Со своей стороны, христианские епископы начали диктовать мораль всему обществу, а не только церкви.

Со времен Константина церковь постоянно подвергалась искушению стать в обществе "полицией нравов". Католическая церковь в средние века, в Женеве во времена Кальвина, в Англии Кромвеля, в Новой Англии Уинтропа, русская православная церковь - каждая из этих церквей предпринимала попытку в законодательном порядке ввести некоторую форму христианской морали, и каждой из них было по-своему трудно нести благодать.

Когда я смотрю на жизнь Иисуса, то понимаю, как мы отделились от той божественной гармонии, которую он нам показал. Слушая проповеди и читая книги, издаваемые современной церковью в Соединенных Штатах, я иногда нахожу больше от Константина, чем от Иисуса. Человек из Назарета был безгрешным другом грешников - пример, который должен был бы заставить нас признать свою вину по обоим пунктам обвинения.

Богочеловек. Иногда мне кажется, что было бы проще, если бы Бог дал нам набор идей, над которыми мы бы ломали голову и решали бы, принимать их или отвергать. Он этого не сделал. Он дал нам себя самого в виде человека.

"Иисус спасет" - утверждает надпись на автомобильной наклейке - представьте себе, как странно бы это звучало, если бы мы подставили имя Сократа, Наполеона или Маркса. Будда позволил своим ученикам забыть себя, пока они будут чтить его учение и следовать его путем. Платон сказал нечто похожее о Сократе. Иисус, однако, указал на самого себя и произнес: "Я есмь путь".

Рассматривая жизнь Иисуса в основном "снизу", я не подчеркивал такие понятия как пресуществование, божественная сущность и двойственная природа, которые занимают так много места в теологических книгах. Церкви потребовалось пять веков, чтобы разработать детали богочеловеческой сущности Иисуса. Я намеренно придерживался точки зрения, представленной у Матфея, Марка, Луки, Иоанна, а не руководствовался текстами интерпретативного характера, которые составляют остальные книги Нового Завета и которые получили свой статус на Никейском и Халхедонском (Халкидонском) Соборах.

Даже придерживаясь такой точки зрения, Евангелия представляют тайну двойственной сущности Иисуса. Как так получилось, что этому еврею из Галилеи, имеющему семью и родных, поклонялись как истинному Богу? Просто прочитайте Евангелия, особенно от Иоанна. Иисус принимал трепетное поклонение Петра. Парализованному мужчине и падшей женщине и многим другим он говорил повелительным тоном: "Я прощаю тебе твои грехи". Иерусалиму он сказал: "Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников", как будто бы он был не раввином, стоящим перед ними, а всемогущим Богом истории.

Когда Иисуса провоцировали, он прямо отвечал: "Я и Отец - одно". "Прежде нежели был Авраам, Я есмь", - сказал он по другому поводу, произнеся сакральное еврейское слово, обозначающее Бога на случай, если они недопоняли его слова. Это не укрылось от внимания благочестивых евреев; несколько раз они брались за камни, чтобы наказать его за кощунство.

Дерзкие заявления Иисуса о самом себе представляют собой то, что, возможно, является центральной проблемой всей истории, границу, разделяющую христианство и другие религии. Хотя мусульмане и, в особенности, евреи признают в Иисусе великого учителя и пророка, ни один мусульманин не может представить себе Магомета, заявляющего, что он Аллах, как ни один еврей не может представить себе Моисея, заявляющего, что он Яхве. Также и индусы верят в переселение душ, но не в Воплощение. Поскольку у буддистов нет категорий, в которых можно было бы выразить всемогущего Бога, обретающего человеческий облик.

Не могли ли ученики Иисуса впоследствии расширить учение Иисуса, включив такие провокационные заявления, как часть их заговора с целью основать новую религию? Не похоже. Ученики, как мы увидели, были плохими конспираторами, и, в действительности, Евангелия изображают их сопротивляющимися самой идее о божественности Иисуса. В конце концов, каждый ученик относился к самой боязливой монотеистической расе на земле. В последнюю ночь, которую Иисус провел с ними, после того, как они услышали все постулаты и увидели все чудеса, один из них спросил Учителя: "Господи! Покажи нам Отца..." Они по-прежнему не могли осознать это. Иисус никогда не был столь однозначен, как в тот момент, когда отвечал им: "Видевший Меня, видел Отца".

То, что те же самые ученики, которые ломали голову над его словами во время Тайной Вечери, несколько недель позднее провозглашали его "Святым и Благим", "Господом", "творцом жизни", является непреложным историческим фактом. К тому времени, когда писались Евангелия, они воспринимали его как слово, которое было Богом, через которое все вещи начали быть. В более позднем письме Иоанн постарался подчеркнуть следующее: "О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни". Апокалипсис описывает Иисуса как сияющего Бога, чей лик был "как солнце, сияющее в силе своей". Но автор все время поддерживал связь между космическим Иисусом и реальным человеком из Галилеи, которого ученики слышали, видели, и к которому прикасались.

Зачем ученикам Иисуса сочинять за него слова? Последователи Магомета или Будды, готовые отдать жизнь за своего учителя, не делали таких скачков в своих рассуждениях. Зачем было ученикам Иисуса, которые так не спешили принять учение Иисуса, требовать от нас веры, которую так тяжело усвоить? Зачем нужно выбирать более тяжелый, а не более легкий путь для того, чтобы принять Иисуса?

Теория, существующая наряду с той, которая представляет учеников Иисуса заговорщиками, упоминая самого Иисуса как источник дерзких речей, только усложняет проблему. Когда я читаю Евангелия, я иногда пытаюсь посмотреть на них со стороны, прочитать их так, как я читаю Коран и Упанишады. Когда я становлюсь на эту точку зрения, я обнаруживаю, что я постоянно прихожу в изумление, что меня даже оскорбляет высокомерие того, кто говорит: "Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня". Я могу прочитать только несколько страниц, не столкнувшись с одним из таких утверждений, которые, кажется, необычно вскрывают все его мудрое учение и добрые поступки. Если Иисус не Бог, тогда он страшно заблуждался.

К. С. Льюис особенно выделял этот момент. "Различие между глубиной и святостью и (позвольте мне добавить) и хитроумием Его морального учения и безудержной манией величия, которая, должно быть, стояла за Его теологическим учением, если Он только, действительно, не был Богом, никогда не получала удовлетворительного объяснения", - писал он в Чудесах. Льюис сформулировал этот аргумент более колоритно в известном пассаже в книге Просто христианство: "Человек, который был всего лишь человеком и говорил такие вещи, как Иисус, не был бы великим учителем морали. Он был бы или лунатиком - находясь на том же уровне, что и человек, который утверждает, что он разбитое яйцо - или Дьяволом из Ада. Ты должен сделать свой выбор. Или этот человек был и есть Сын Божий; или сумасшедший, а то и что-нибудь хуже этого".

Я вспоминаю, что когда я читал в колледже цитату из книги "Просто христианство", то мне думалось, что это большое преувеличение. Я знал многих людей, которые уважали Иисуса как великого учителя нравственности, но не относились к нему ни как к Сыну Божию, ни как к лунатику. В то время это была, действительно, моя точка зрения. Однако, когда я изучил Евангелия, я пришел к тому, что согласился с Льюисом. Иисус никогда не пускался в рассуждения по поводу того, кем он был на самом деле. Он был либо Сыном Божиим, посланным спасти мир, либо самозванцем, заслужившим распятие. Его современники правильно понимали этот двойственный выбор.

Теперь я понимаю, что для Иисуса всегда было вопросом жизни и смерти отстоять свое утверждение о том, что он Бог. Я не могу поверить в обещанное им прощение, если он не обладал властью выполнить подобное обещание. Я не могу поверить его словам о загробном мире ("Я иду приготовить место вам..."), пока я не поверю в его слова о том, что он пришел от Отца и вернется к Отцу. Самое важное, если он не был в чем-то Богом, то распятие мне видится как акт Божественной жестокости, а не жертвенной любви.

Сидни Картер написала это проникновенное стихотворение:

Но Бог высоко в небесах,
Не занят ни злом, ни добром,
Под взглядом тысячи ангелов,
И они не двинут крылом...
Это Бога следовало распять
Вместо нас с тобой,
Сказал я этому Плотнику,
Распятому над толпой.

С теологической точки зрения, единственным ответом на обвинение Картер может быть таинственная доктрина, говорящая о том, что, словами Павла: "В Христе Бог примирил мир с самими

собой". Непостижимым образом, Бог лично претерпел распятие. С другой стороны, Голгофа вошла бы в историю как форма жестокого обращения с чадом космоса, а не как день, который мы называем Великая Страстная Пятница

По словам Фредерика Бюхнера, "Что нового в Новом Завете, так это не идея о том, что Бог любит мир настолько сильно, что готов пролить кровь за него, а утверждение о том, что в этот раз он действительно поставил все на кон. Подобно Отцу, говорящему о своем больном ребенке: "Я бы сделал что угодно, лишь бы ты выздоровел", - в итоге Бог делает все на свой страх и риск. Бог посылает Иисуса, и крест, на котором все свершилось, является центральным символом веры Нового Завета".

Образ Бога. Джордж Баттрик, бывший священник Гарвардского университета, вспоминает, что студенты заходили в его кабинет, усаживались в кресло и заявляли: "Я не верю в Бога". На что Баттрик давал следующий обезоруживающий ответ: "Сядь и скажи мне, в какого Бога ты не веришь. В этого Бога я, может быть, и сам не верю". И затем он начинал говорить об Иисусе как коррективе ко всем нашим предрассудкам по поводу Бога.

Книги по теологии обычно изображают Бога таким, каким он не является (описывают Бога, показывая каким он не является): Бог бессмертен, невидим, бесконечен. Но что, собственно говоря, есть Бог? Христианину Иисус дает ответ на этот вопрос. Апостол Павел смело называл Иисуса "образом Бога невидимого". Иисус был точной копией Бога: "Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота".

Одним словом, Бог подобен Христу. Иисус представляет Бога с кожей человека, которого мы можем принять или отвергнуть, любить или игнорировать. В этой видимой, меньшей по масштабу модели мы можем более отчетливо различить черты Бога.

Я должен признать, что Иисус опроверг во плоти многие из моих резких предположений о Боге. Почему я христианин? Иногда я спрашиваю себя об этом, и если быть до конца честным, нахожу только две истинные причины: (1) у меня нет другой хорошей альтернативы, и (2) из-за Иисуса. Блестящий, неукротимый, нежный, наделенный творческим духом, неоднозначный, неподдающийся упрощению, парадоксально смиренный - Иисус достоин пристального внимания. Он такой, каким бы я хотел видеть Бога.

Мартин Лютер призывал своих студентов избегать скрытого Бога и идти к Христу, теперь я понимаю, почему. Если я беру в руки увеличительное стекло, чтобы рассмотреть утонченную картину, то то, что я вижу в центре стекла, представляется живым и ясным, в то время, как по краям детали заметным образом расплываются. Для меня Иисус стал точкой, в которой сфокусировалось все. Когда я рассуждаю о таких неподдающихся пониманию проблемах, как противопоставление страдания или промысла Божия свободной воле, все теряет резкость очертаний. Но если я смотрю на самого Иисуса, на то, как он относился к действительно страдающим людям, на его слова о свободной и неустанной деятельности, все становится на свои места. У меня могут вызывать беспокойство духовное безразличие по отношению к вопросам, вроде "что хорошего в молитве, если Бог уже все знает?" Молчание Иисуса является ответом на такие вопросы: он молился, значит должны молиться и мы.

Работая над книгой Библия для студента, я провел несколько лет погруженным в Ветхий Завет. Практически ничего не читая, кроме "Ветхого Завета", я усвоил нечто вроде точки зрения ортодоксального еврея. Ветхий Завет подчеркивает огромную пропасть между Богом и человечеством. Бог велик, всемогущ, трансцендентен, и человек рискует, идя даже на ограниченный контакт с ним. Инструкции по поклонении, изложенные в такой книге, как Исход, напоминают мне инструкции по обращению с радиоактивными веществами. Принесите чистых ягнят в храм. Не прикасайтесь к Ковчегу. Всегда сначала подождите, пока дым окутает его; если вы посмотрите на ковчег, вы умрете. Никому нельзя заходить в Святое-святых, кроме первосвященника в единственный в году отведенный для этого

день. В этот день, Йом-Кипур, обвяжите ему веревкой лодыжку и привяжите к нему колокольчик, так чтобы, если он по ошибке умрет внутри, его тело можно было вытащить. Ученики Иисуса выросли в этой среде, никогда не произнося имени Бога, исполняя сложный ритуал чистоты, следуя указаниям закона Моисея. Как и для многих религий того времени, для них было само собой разумеющимся то, что обряд должен включать в себя жертву. Что-то должно было умереть. Их Бог запретил человеческие жертвы, и поэтому в праздничный день наполнялся блеянием и ревом четверти миллиона животных, предназначенных для жертвоприношения. Звуки и запахи жертвоприношения были острым чувственным напоминанием об огромной пропасти между Богом и людьми.

Я так долго работал с Ветхим Заветом, что когда в один прекрасный день я обратился к книге Деяний, контраст поразил меня. Теперь последователи Господа, в большинстве своем добропорядочные евреи, собирались в частных домах, пели гимны, обращались к Богу, интимно называя его Авва. Куда делся страх, торжественная процедура, через которую должен был пройти каждый, кто отваживался прикоснуться к великому таинству? Никто не приносил животных для жертвоприношения; смерть не входила в обряд, не считая торжественного момента, когда они преломляли хлеб и пили вино, размышляя над той единственной вечной жертвой, которую принес Иисус.

Таким образом, Иисус внес основательные изменения в наше видение Бога. Самое главное заключается в том, что он приблизил к нам Бога. Для евреев, которые знали далекого, бесстрастного Бога, Иисус принес весть о том, что Бог заботится о траве на поле, кормит воробьев, следит, чтобы ни один волос не упал ни с чьей головы. Для евреев, которые даже не осмеливались произносить Имя, Иисус принес шокирующую интимность арамейского слова Авва. Это было слово, используемое в семейном кругу, звукоподражательное слово вроде "папа", первое слово, которое произносит большинство детей. До Иисуса никому не приходило в голову обратиться с таким словом к Яхве, Всемогущему Господу вселенной. После него это стало стандартным обращением даже в общинах, говорящих по-гречески; подражая Иисусу, они заимствовали иностранное слово, чтобы выразить их близость с Отцом.

Когда Иисус висел на кресте, произошло событие, которое, по-видимому, и утвердило новую форму близости к Богу для молодой церкви. Марк пишет, что как только Иисус испустил последний вздох, "и завеса в храме раздалась надвое, сверху донизу". Эта массивная завеса служила в качестве стены, отгораживающей Святое-святых в храме, где присутствовал Бог. Как позднее заметил автор Послания к Евреям, то, что разошлась завеса, говорило вне всякого сомнения о том, что было связано со смертью Иисуса. Никогда больше не потребуются таинств. Ни одному первосвященнику не нужно будет дрожать перед тем, как войти в святое место.

Мы, живущие в современном мире, провели столько времени в этой новой близости с Богом, что нам кажется это естественным. Мы поем Богу хоралы и обращаемся к нему в повседневных молитвах. Для нас мысль о таинстве кажется примитивной. Мы слишком легко забываем о том, чего стоило Иисусу добиться для всех нас - обыкновенных людей, даже не священников - непосредственного доступа к Божественной сущности. Мы знаем Бога как Авву, любящего отца только благодаря Иисусу.

Любящий. Оставаясь наедине с самим собой, я мог бы свыкнуться с совершенно другим представлением о Боге. Мой Бог был бы статичным, неизменным; я бы не воспринимал Бога как "приходящего" и "уходящего". Мой Бог контролировал бы все происходящее своей силой, легко и уверенно опровергая оппозицию. Когда один мусульманский мальчик сказал психиатру Роберту Коулсу: "Аллах сказал бы миру, каждому из нас: "Бог велик, очень велик"... Он бы каждого заставил верить в себя, а если бы кто-нибудь отказался, его бы постигла смерть - вот, что бы было, если бы Аллах пришел сюда".

Как бы то ни было, благодаря Иисусу, я вынужден привести в порядок свои представления о Боге. (Может быть в этом суть его миссии?) Иисус открывает для нас Бога, который пришел, чтобы найти нас,

Бога, который оставляет место нашей свободе даже тогда, когда это стоит жизни его сыну, Бога, который уязвим. Помимо всего прочего, Иисус открывает Бога, который есть любовь.

Если мы будем откровенными с самими собой, принял ли бы кто-нибудь из нас представление о Боге, который любит и стремится быть любимым? Людей, выросших в традициях христианства, возможно, не постигнет шок от вести, которую принес Иисус, но, в действительности, любовь никогда не была естественным способом описания того, что происходит между человеческими существами и их Богом. В Коране по отношению к Богу ни разу не употребляется слово любовь. Аристотель по этому поводу прямо утверждал: "Со стороны любого человека было бы эксцентрично утверждать, что он любит Зевса" - или что Зевс любил людей. Явно противореча этому, христианская Библия утверждает: "Бог есть любовь", и приводит любовь в качестве основной причины, по которой Иисус сошел на землю: "Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него".

Как писал Сёрен Кьеркегор: "Птица на ветке, лилия на лугу, олень в лесу, рыба в море и множество радостных людей поют: Бог есть любовь! Но между всеми этими сопрано, словно постоянная басовая партия, звучит *de profundis* голос тех, кто принесен в жертву: Бог есть любовь".

Истории, рассказанные самим Иисусом о любви, выражают почти отчаяние. В пятнадцатой главе Евангелия от Луки говорится о женщине, которая ищет всю ночь, пока не найдет ценную монету, и о пастухе, который ищет во мраке, пока не найдет единственную овцу, отбившуюся от стада. Каждая притча сопрягается со сценой воздаяния, с небесами, ликующими, услышав весть о каждом новом грешнике, вернувшемся домой. В конце концов, создавая эмоциональную кульминацию, Иисус рассказывает историю о блудном сыне, о кутиле, который отвергает любовь своего отца и растрчивает свое наследство в далекой стране.

Священник Генри Ноуен много часов провел в Эрмитаже в российском городе Санкт-Петербурге, размышляя перед великой картиной Рембрандта Возвращение блудного сына. Глядя на картину, Ноуен приобрел новое понимание притчи: тайна заключается в том, что сам Иисус стал ради нас чем-то вроде блудного сына. "Он покинул дом своего Отца небесного, пришел в чужую страну, отдал все, что имел, и вернулся через распятие в дом своего Отца". Все это он сделал не как непокорный сын, а следуя воле своего Отца, посланный вернуть домой всех потерявшихся сыновей Господа... Иисус - это блудный сын щедрого Отца, который раздал все, что Отец ему доверил, чтобы я мог стать как Он, и вернуться вместе с ним в дом его Отца".

Трудноразрешимая проблема заключается в том, что Библия, начиная с третьей главы книги Бытия, и заканчивая двадцать второй главой Откровения Иоанна Богослова, рассказывает историю Бога, отчаянно пытающегося вернуть свою семью. Бог сделал решительный шаг к примирению, послав Сына в долгое путешествие на планету земля. Последняя сцена Библии, также как и притча о блудном сыне, заканчивается ликованием, семья снова воссоединилась.

В другом месте Евангелия показывают то, насколько далеко зашел Бог в своем желании осуществить этот план спасения любовью.

В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши.

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного...

Я вспоминаю как однажды я сидел долгой ночью в неудобном кресле в аэропорту О`Хейра, с нетерпением ожидая своего самолета, вылет которого был отложен на пять часов. Мне довелось сидеть рядом с мудрой женщиной, которая ехала на ту же конференцию, что и я. Долгое ожидание и позднее время создавали меланхолическое настроение, и в течение пяти часов у нас было время на то, чтобы

поделиться всеми впечатлениями детства, нашими разочарованиями в церкви и вопросами веры. В то время я писал книгу Разочарование в Боге, я чувствовал, как меня отягощают страдания и боль других людей, их сомнения и безответные молитвы.

Моя собеседница слушала меня молча очень долгое время, и потом ни с того ни с сего задала мне вопрос, который до сих пор остается со мной. "Филипп, Вы когда-нибудь пробовали позволить Господу любить Вас?" - сказала она. "Я думаю, это очень важно".

Я сразу понял, что она заполнила своим светом зияющий пробел в моей духовной жизни. Несмотря на всю мою погруженность в христианскую веру, я упустил самую важную из всех вестей. История Иисуса - это история праздника, история любви. Да, она не лишена страдания и разочарования, которые затрагивают как Бога, так и нас. Но Иисус воплощает обещание Бога, который готов пойти как угодно далеко, чтобы вернуть нас обратно. Не последнее из достижений Иисуса заключается в том, что он каким-то образом приблизил к нам любовь Бога. Романист и литературный критик Рейнольдс Прайс выразил это следующим образом: "Он дает нам понять самым ясным образом, что основное изречение, которое должно усвоить человечество из этих историй - Ты нужен Создателю всего, и Он любит тебя.... Ни в одной из книг, которыми обладает наша культура, мы не можем найти более четкое изображение этой потребности, эту неимоверно высокую лучезарную дугу - хрупкие существа, созданные Богом, вырвались в космос, схваченные затем, наконец, человеком, во многом похожем на нас".

Образ человечества. Когда в комнату вносят свет, то окно становится также зеркалом, отражающим то, что находится в комнате. В Иисусе мы не только имеем зеркало, в котором отражается Бог, но также зеркало, в котором отражаемся мы сами, в нем отражение того, о чем думал Бог, когда создавал свое "бедное, голое, двуполое животное". Человеческие существа были, кроме всего прочего, созданы по образу и подобию Бога; Иисус показывает, на что этот образ должен быть похож.

"Воплощение показывает человеку величие его страдания в величии того целебного средства, которое ему потребовалось", - сказал Паскаль. Растревожив нас, Иисус продемонстрировал ошибки человеческого рода. Мы склонны извинять свои ошибки, говоря: "Это всего лишь человек". Мужчина напивается, женщина изменяет мужу, ребенок мучает животное, нация идет на войну: это всего лишь человек. Иисус пресек эти разговоры. Воплотив в себе то, какими мы должны быть, он показал нам, какими мы были задуманы Богом, и как далеко мы ушли от этого идеала. "Се, Человек!" - воскликнул Пилат. Се лучший экземпляр рода человеческого. Однако посмотрите, что он из себя представляет. Иисус разоблачил на все времена ту ревность, ту жажду власти, то насилие, которое поражает эту планету как вирус. Роковым образом, это и было целью Воплощения. Иисус знал, на что шел, сходя на эту планету. Его смерть была predetermined с самого начала. Он пришел, чтобы произвести самый нелепый обмен, как это описано в Апостольских Посланиях:

... Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою.

Он, будучи образом Божиим...уничжил Себя Самого, приняв образ раба и сделавшись подобным человекам и по виду став как человек.

Ибо не знавшего греха, Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом.

А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего.

Наше богатство за бедность, божественную сущность за служение, совершенство за грех, его смерть за нашу жизнь - обмен кажется слишком односторонним. Но в другом месте посланий можно найти интригующие намеки на то, что Воплощение имело для Бога такое же значение, как и для людей. Действительно, страдание, которое Бог претерпел на земле, послужило для Бога своего рода "полезным опытом". Такие слова звучат как страшная ересь, но я просто следую словам из Послания к евреям: "Хотя

Он и Сын, однако, страданиями навыв послушанию". В другом месте, эта книга рассказывает нам, что тот, кто спас нас, "стал совершенен" через страдание. Комментаторы часто избегают этой фразы, поскольку ее трудно согласовать с традиционными представлениями о неизменном Боге.

Что касается меня, они показывают мне определенные "изменения", которые должны были иметь место в голове Бога, прежде чем мы могли обрести мир.

В этом промежутке времени, известном как Воплощение, Бог пережил нечто подобное тому, что переживает человек. За тридцать три года, проведенных на земле, Сын Божий узнал, что такое бедность и семейные ссоры, отвергнутость обществом, словесные оскорбления и предательство. Он узнал также, что такое страдание. На что похоже то, что ты чувствуешь, когда оскорбивший тебя уходит, оставив красные отпечатки пальцев на твоём лице. На что похоже то, что ты чувствуешь, когда кнут, утяжеленный железом, опускался тебе на спину. На что похоже то, что ты чувствуешь, когда зазубренный железный штырь разрывает твои мышцы, сухожилия и кости. На земле Сын Божий "узнал" все это.

Характер Бога не допускает в отношении этой дефектной планеты простого заявления: "Это не важно". Сын Божий должен был столкнуться со злом лично в той форме, в какой совершенная божественность еще никогда не сталкивалась со злом. Он должен был простить грех, взяв на себя наш грех. Он должен был победить смерть умерев. Он должен был познать сострадание к людям, став одним из них. Евангелисты сообщают о том, что Иисус стал нашим "сострадающим" адвокатом. Существует только один способ познать сострадание, как показали греческие корни этого слова - *syn pathos* (*syn patas*) - "чувствовать или страдать с кем-либо". Благодаря Воплощению, предполагается в Послании к Евреям, Бог слышит наши молитвы по-новому после того, как он жил здесь и сам молился как слабый и уязвимый человек. (Как сказал мне один доктор, который работает в приюте: "Когда мои пациенты молятся, они обращаются к кому-то, кто действительно умер - то чего не хватает всем другим советчикам, комментаторам или экспертам по смерти.)

В одной из своих последних молитв перед смертью Иисус просил: "Отче! прости им" - всем им, римским солдатам, религиозным лидерам, его ученикам, которые скрылись во мраке, вам, мне, которые так часто отвергали его - "прости им, ибо не знают, что делают". Только став человеком Сын Божий мог действительно сказать с полным пониманием: "Они не знают, что делают". Он жил среди нас. Он все понял.

Раненый целитель. Гете задал вопрос: "Вот стоит крест, густо овитый розами. Кто возложил розы на крест?"

В своих путешествиях по зарубежным странам я заметил бросающуюся в глаза разницу между теми символами, которые используют мировые религии. В Индии, где сосуществуют четыре величайших религии, я предпринял небольшую прогулку по центру Бомбея, во время которой я обнаружил культовые центры всех четырех религий.

Индуистские храмы были повсюду. Даже мобильные храмы на передвижных тележках, какие используют мелкие торговцы, и каждый из которых в изобилии был оснащен резными, ярко раскрашенными изображениями, представляющими кого-либо из тысяч богов и богинь индуистского пантеона. В отличие от них, большая мусульманская мечеть в центре города не имела никаких изображений; легкий шпиль или минарет указывали на небо, на единого Бога, Аллаха, которого невозможно вместить в объемное изображение. Глядя на индуистские и мусульманские постройки, стоящие бок о бок, я смог лучше понять, почему эти религии считают друг друга столь непостижимыми.

В тот же день я также посетил буддистский центр. По сравнению с людными, шумными улицами снаружи, он предлагал атмосферу покоя. Монахи в шафрановых одеяниях молились, коленами прижатые к земле, в темноте, тихое помещение было наполнено запахом благовоний. Основное место в помещении занимала позолоченная статуя Будды, его таинственная улыбка, выражающая веру

буддистов в то, что ключ к умиротворению лежит в развитии внутренней силы, которая позволяет, преодолеть любое страдание в жизни.

А затем мне попала христианская церковь, протестантская церковь, которая своим видом разрушала любые образы. Она в точности напоминала мусульманскую мечеть, с одним исключением: на конце шпиля над церковью находился большой изысканно украшенный крест.

В чужой стране, оторванный от моей родной культуры, я взглянул на крест по-новому, и внезапно он поразил меня своей эксцентричностью. Что заставило христиан обратиться к этому орудию пыток как к символу веры? Почему не сделать все, что в наших силах, чтобы изгладить в памяти эту вопиющую несправедливость? Мы могли бы подчеркнуть значение Воскресения, упомянув крест только лишь как неудачный поворот истории. Зачем делать его центральным символом веры? "Зачем, если, может быть, из-за этого образа некоторые люди потеряли свою веру!" - восклицал один из персонажей Достоевского после того, как увидел картину Гольбейна, изображающую распятого Христа.

Разумеется, существует очевидный факт того, что Иисус велел нам вспоминать о его смерти, когда мы соберемся вместе на поклонение. Ему не нужно было говорить: "Делайте это в память обо мне" ("Сие творите в мое воспоминание"), - о Вербном воскресении или Пасхе, но ясно, что он не хотел, чтобы мы забыли то, что произошло на Голгофе. Христиане не забыли. По словам Апдайка, крест "основательно оскорбил греков с их игривым, симпатичным, неуязвимым пантеоном и евреев с их традиционным ожиданием царственного Мессии. Однако в том виде это было ответом на эти факты, на нечто глубокое в людях. Распятый Бог стал мостом между нашим Человеческим ощущением жестокого несовершенства, безразличным миром с одной стороны, и нашей человеческой потребностью в Боге, нашим человеческим ощущением того, что Бог существует с другой стороны. Когда я стоял на углу улицы в Бомбее вместе с пешеходами, велосипедистами, домашними животными, снующими вокруг меня, я понял, почему крест должен был так много значить для христиан, почему он должен был так много значить для меня. Крест предписывает нам глубокие истины, которые без него были бы лишены смысла, крест дает надежду, когда нет никакой надежды.

Апостол Павел услышал слова Бога: "Сила моя совершается в немощи", - и потом он пришел к выводу о самом себе: "Ибо, когда я немощен, тогда силен". "Посему, - добавил он, - я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях..." Он делал упор на таинстве, которое на несколько шагов отстает от буддистского пути преодоления страдания и трудностей. Павел говорил не о покорности, а о трансформации. То, что заставляет нас чувствовать дисгармонию, то, что разрушает надежду, используется Богом для завершения его работы. Чтобы удостовериться в этом, взгляните на крест.

Я хотел бы, чтобы кто-нибудь, обладающий талантом Мильтона или Данте, изобразил сцену, которая должна была произойти в аду в тот день, когда умер Иисус. Без сомнения, там разразился адский праздник. Змей из Книги Бытия обвился вокруг пяты Бога; дракон из апокалипсиса поглотил таки дитя. Сын Божий, посланный на землю со спасительной миссией теперь свисал с креста как оборванный бродяга. О, какая победа дьявольских сил!

О, какая кратковременная победа. Ирония этого поворота всей истории заключалась в том, что то, что Сатана считал злом, Бог считал благом. Смерть Иисуса на кресте перебросила мост через пропасть между совершенным Богом и фатально испорченным человечеством. В тот день, который мы называем Великой Страстной пятницей, Бог победил грех, превозмог смерть, одержал победу над Сатаной и собрал снова свою семью. В этом акте преобразования Бог совершил самое страшное деяние в истории и превратил его в величайшую победу. Неудивительно, что этот символ не исчез; неудивительно, что заповеди Иисуса мы никогда не забудем.

Благодаря кресту, у меня есть надежда. Это благодаря ранам Служившего нам Иисуса, мы исцелились, сказал Исаия - а не его чудесам. Если Бог смог такое очевидное поражение превратить в

победу, смог почерпнуть силу из момента абсолютной слабости, что же сможет Бог сделать с очевидными ошибками и трудностями моей жизни?

Ничто - даже убийство Его Единородного Сына, не может изменить отношения между Богом и людьми. В алхимии искупления людских грехов Христом это самое чудовищное преступление становится нашей исцеляющей силой.

Неизлечимо раненый исцелитель вернулся на Пасху, в тот день, который демонстрирует, как вся история будет выглядеть с обладающей преимуществом точки зрения вечности, когда каждый шрам (рана???) , каждая боль, каждое разочарование будут видеться в ином свете. Наша вера начинается там, где она, казалось бы, должна была закончиться. Между крестом и пустой могилой заключено обещание, данное нам в истории: надежда для мира, надежда для каждого из нас, живущего в нем.

Немецкий теолог Юрген Мольтман в одной фразе описывает огромную пропасть между Великой Страстной Пятницей и Пасхой. Это действительно итог человеческой истории, прошлое, настоящее и будущее: "Бог плачет с нами, чтобы мы могли однажды смеяться вместе с ним".

Писатель и проповедник Тони Камполо иногда читает волнующую проповедь, которую он перенял у старого чернокожего пастыря в его церкви в Филадельфии. "Сейчас пятница, но воскресенье близко", - звучит название этой проповеди, и если вы знаете название, вы знаете, о чем вся проповедь. Говоря все более быстро и громко, Камполо противопоставляет то, как выглядел мир в пятницу - когда силы зла победили силы добра, когда все друзья и ученики в страхе бежали, когда Сын Божий умер на кресте - тому, как он выглядел в пасхальное воскресенье. Ученики, которые пережили оба дня, пятницу и воскресенье, никогда больше не сомневались в Боге. Они поняли, что когда кажется, что Бог предельно далек, он может быть предельно близок. Когда Бог выглядит совершенно обессиленным, он может находиться на пике своей силы, когда Бог выглядит абсолютно мертвым, он может воскреснуть к жизни. Никто так и не научился просчитывать поведение Бога.

Однако, однажды Камполо перескочил в своей проповеди с одного момента на другой. Оба эти дня нашли место в церковном календаре: Страстная Пятница и Пасхальное Воскресение. Однако, в действительности мы живем в субботу, в день без имени. То, что ученики пережили в течение короткого промежутка времени - три дня, проведенные в скорби по одному человеку, умершему на кресте - мы сейчас переживаем в космических масштабах. Человеческая история перемалывается между временем обещания и временем его исполнения. Можем ли мы положиться на то, что Бог сделает что-нибудь святое и красивое и благое из мира, в котором присутствуют Босния и Руанда, районы гетто и переполненные тюрьмы, принадлежащие богатейшему народу на земле? Это суббота на планете Земля; придет ли когда-нибудь воскресенье?

Эта мрачная Пятница Голгофы может быть названа Великой только благодаря тому, что произошло в Пасхальное Воскресение, в день, который, после долгих мучений, дает ключ к разгадке вселенной. Пасха обозначила раскол вселенной, из которого веет энтропией и распадом, подтверждая обещание бога, что он однажды придаст чуду Пасхи космический масштаб.

Стоит помнить о том, что в космической драме мы проживаем наши дни в субботу, в промежуточный день, у которого нет имени. Я знаю одну женщину, чья бабушка похоронена под сто пятидесятилетними дубами на кладбище Епископской (Епископальной) церкви в сельской местности Луизианы. В соответствии с завещанием бабушки, на ее могильном камне выгравировано только одно слово: "Ожидание".